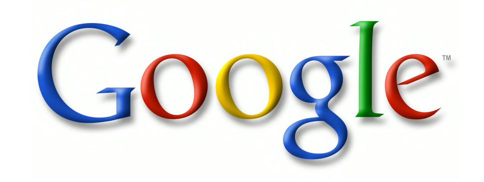

В. Д. КУЗЬМИНЪ-КАРАВАЕВЪ

Изъ эпохи освободительнаго движенія

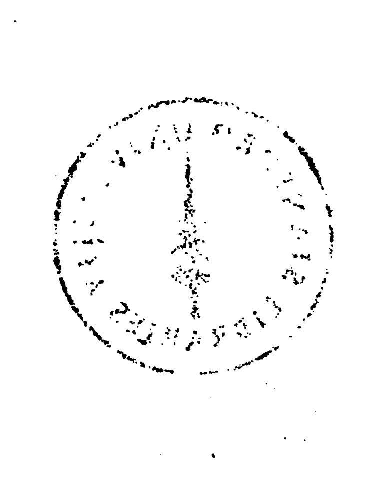
I

До 17 октября 1905 года

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1907

В. Д. КУЗЬМИНЪ-КАРАВАЕВЪ

Изъ эпохи освободительнаго движенія

I

ДО 17 ОКТЯБРЯ 1905 ГОДА

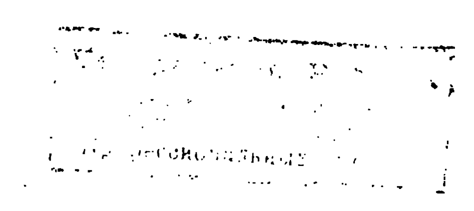
Государство и право.—Земство наканунѣ «реформы».—Основы перваго всенароднаго представительства въ Россіи.—Народные представители! Вы нужны немедленно...—Совѣщательное представительство.—Смертная казнь.—Земскій съѣздъ необходимъ!—Непрошенный примиритель.—Расчлененіе единой Россіи.—Канунъ 17 октября и др.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1907

3573

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Освободительное движеніе подняло значеніе газетъ и уронило значеніе толстыхъ журналовъ. Нервно настроенному обществу стало некогда читать журналы. Съ другой стороны, журналы, выходящіе одинъ разъ въ мѣсяцъ, стали отставать отъ жизни.

Но газетный листъ существуетъ одинъ день: онъ прочтенъ и брошенъ.

Это навело меня на мысль собрать вмѣстѣ и выпустить отдѣльнымъ изданіемъ то, что мною было написано, преимущественно въ газетахъ, по нѣкоторымъ изъ вопросовъ, разновременно выдвигавшихся ходомъ движенія.

Въ настоящую книгу вошли статьи, написанныя въ теченіе перваго періода освободительнаго движенія—до 17 октября 1905 г. Изъ нихъ послѣдняя—«Канунъ 17 октября»—печатается впервые. Не появлялись также въ повременной печати мои «Объясненія по поводу іюльскаго земскаго съѣзда».

Статьи расположены въ хронологическимъ порядкѣ. Этотъ порядокъ, единственно возможный для подобнаго рода сборниковъ, имѣетъ и свои положительныя стороны. Онъ показываетъ, какъ шло развитіе освободительной идеи, какъ общественная мысль послѣдовательно переходила отъ однихъ вопросовъ къ другимъ и какъ вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно раскрѣпощалось печатное слово.

В. Кузьминъ-Караваевъ.

24 октября 1906 года.

Государство и право.

Основные элементы государства—власть, населеніе и территорія. Главная задача государственной организаціи—установленіе и охрана правовыхъ отношеній. Въ наукѣ права эти положенія давно признаны аксіомами.

Не возражаютъ противъ нихъ и въ приложеніи къ русской жизни, когда элементы государства разсматриваются каждый отдѣльно и когда рѣчь идетъ о регулированіи отношеній между гражданами. Но разъ возникаетъ вопросъ объ отношеніяхъ населенія къ власти и власти къ населенію, то сейчасъ же начинаютъ раздаваться иные голоса: въ Россіи эти отношенія всегда покоились и должны покоиться не на принципахъ права, а на началѣ этико-соціальномъ.

Области этики и права суть два эксцентрическихъ круга, окружности которыхъ пересѣкаются. Понятіе правовой неправды, поэтому, въ значительной части случаевъ совпадаетъ съ понятіемъ грѣха или зла, но полнаго тождества они не имѣютъ. Много грѣховнаго безразлично съ правовой точки зрѣнія и обратно.

Было бы грубой ошибкой утверждать, что человѣкъ въ обыденной жизни руководствуется всегда только требованіями закона. Каждый изъ насъ, напротивъ, совершаетъ гораздо больше дѣйствій по сознанію нравственной обязанности ихъ совершать, по

чувству совѣсти, нежели по принужденію закона. Несмотря на это, однако, безъ правовой охраны человѣческое общежитіе невозможно. Оно невозможно, во-первыхъ, потому, что природа человѣческая нравственно несовершенна. Голосъ совѣсти можетъ и не устоять въ борьбѣ съ инстинктами. Во-вторыхъ, потому, что условія общежитія требуютъ регламентаціи также такихъ поступковъ и дѣйствій, которые въ нравственномъ смыслѣ или крайне относительны, или даже прямо противны нравственному чувству.

И послѣднее касается особенно отношеній человѣка къ государству, какъ организованному союзу людей, и государства къ человѣку. «Не убій»—заповѣдь, прямо и категорично выраженная А «повинуйся властямъ» есть выводъ государственной религіи изъ формулы «чти отца и мать». Съ другой стороны, никакое насиліе не находитъ оправданія въ этикѣ. Государство же его примѣняетъ на каждомъ шагу. Принудительное взысканіе и уголовная кара—неизбѣжные спутники государственной жизни.

Ссылка на отдаленное прошлое неубѣдительна. Настоящее, чтобы быть прочнымъ и устойчивымъ, должно имѣть корни въ исторіи. Но ни остановка въ поступательномъ движеніи прогресса, ни тѣмъ болѣе возвратъ къ пережитымъ формамъ общественнаго строя немыслимы. Когда взоръ обращается къ будущему, за отправную точку должно брать настоящее, а прошлое лишь въ той мѣрѣ, въ какой оно отразилось на настоящемъ.

Прошлое Россіи—зарожденіе и медленная эволюція идеи правового государства. Настоящее—разобщеніе между властью и населеніемъ. Разобщеніе никогда не входило въ намѣренія власти. Власть, напротивъ, всегда стремилась къ живому и тѣсному единенію съ народомъ. Но формы единенія не измѣнялись.

Онѣ въ своей основѣ застыли. Нити, связывавшія власть съ населеніемъ, перепутались, переплелись и обратились въ непроницаемую ткань. Между властью и народомъ оказалось «средостѣніе».

Нужны новыя формы. Нужны гарантіи ненарушимости единенія. Ихъ можетъ дать только общеніе правовое, основанное на взаимности и въ правахъ, и въ обязанностяхъ. Не отказъ отъ прошлаго для этого требуется, а логическое завершеніе государственной организаціи.

Отрицаніе правовой идеи въ государствѣ есть, въ сущности, отрицаніе государства. Возгласъ: «Зачѣмъ намъ правовой порядокъ?..»—пустая безсодержательная фраза. Государственная организація постольку несовершенна, поскольку неполно въ ней выражена правовая идея.

«Сынъ Отечества»
19 ноября 1904 г.
№ 2.

Земство накануне «реформы».

I.

Въ большинствѣ «земскихъ» губерній уже начались занятія очередныхъ земскихъ собраній. Въ остальныхъ они должны надняхъ начаться.

Собраніямъ предстоитъ работать при исключительныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ. За годъ, что̀ земцы не съѣзжались въ свои губернскіе центры, ничто не измѣнилось въ законѣ, опредѣляющемъ предметы вѣдомства земства, порядокъ отправленія имъ своей дѣятельности и соотношеніе между его дѣятельностью и дѣятельностью администраціи. Ничто не измѣнилось и въ нормахъ, регулирующихъ ходъ государственной жизни вообще. Все осталось по старому. А работа предстоитъ новая.

За этотъ годъ измѣнилось иное — то, что даетъ содержаніе закону... Россія наканунѣ конца многовѣковой борьбы двухъ непримиримыхъ началъ нашей жизни: опричнины и земщины, начала бюрократическаго сторонняго управленія и начала общественнаго служенія «земли». Наканунѣ признанія полной побѣды второго надъ первымъ... Измѣнилось настроеніе правящихъ сферъ. Бюрократія готова сознать свое безсиліе и обратиться къ обществу.

Государство безъ самоуправленія немыслимо. Никакая армія чиновниковъ не можетъ справиться со всѣми групповыми потребностями населенія. Стороннее рукородительство обывательскими инте-

ресами имѣетъ свои предѣлы. Государство неизбѣжно оставляетъ за каждымъ соціальнымъ единеніемъ бо́льшую или меньшую долю самостоятельности въ удовлетвореніи обособленныхъ потребностей единенія. Были намеки на самоуправленіе и у насъ въ дореформенную эпоху, въ видѣ организацій сословныхъ и городскихъ. Но «земщина» организаціи не имѣла.

«Земщину», интересы «земли» растворило въ себѣ крѣпостное право. Рабство раскололо «землю». Сусанина обратило въ безправнаго раба, въ вещь. Пожарскаго — въ рабовладѣльца. Рабовладѣлецъ ушелъ отъ «земли». «Земля» для него осталась только, какъ источникъ матеріальнаго благосостоянія. Онъ оторвался отъ «земщины» и сталъ дворяниномъ, званіе котораго «есть слѣдствіе, истекающее отъ качества и добродѣтели начальствовавшихъ въ древности мужей, отличившихъ себя заслугами», и тѣмъ, «обращая самую службу въ заслугу, пріобрѣвшихъ потомству своему нарицаніе благородное».

Пало рабство. На «землѣ» не стало «крещеной» вещи. Явился свободный землепашецъ, человѣкъ,—а съ нимъ безконечно разнообразные интересы и нужды «деревни»: культурно-просвѣтительныя, хозяйственно-экономическія и т. д., и т. д. Взять на себя заботу объ удовлетвореніи этихъ нуждъ бюрократія не рискнула. Попеченіе о нихъ было ввѣрено, безъ различія состояній, самому мѣстному населенію, «посредствомъ избираемыхъ отъ онаго лицъ». Явились земскія учрежденія. «Земщина» объединилась на родной почвѣ и получила формы для проявленія своей дѣятельности, своего общественнаго служенія.

Разнородныя начала столкнулись. Они не сталкивались, пока стороннее управленіе имѣло противъ себя самоуправленіе сословное только и городское, бывшее, въ сущности, тоже сословнымъ. Они не могли не столкнуться, разъ возродилась «земщина», разъ на мѣстахъ оказалось безсословное самоуправленіе, сильное реальностью общихъ интересовъ «земли». Началась глухая упорная борьба. Борьба безкровная и не столь жестокая, какъ въ далекія эпохи исторіи. Но еще болѣе послѣдовательная и непрерывная. Борьба тянется 40 лѣтъ.

Сила внѣшняя была все время на сторонѣ бюрократіи. Въ ея рукахъ сосредоточивалась власть. Она имѣла возможность наносить противнику чувствительные удары и широко этой возмож-

ностью пользовалась. Но и земство обладало не меньшей силой—силой внутренней. На его сторонѣ была глубина идеи общественнаго служенія и единственно ему принадлежащая способность къ творчеству.

Живымъ укоромъ стояли всегда «неземскія» губерніи, вопившія о школахъ, о больницахъ, объ агрономахъ, о статистическихъ изслѣдованіяхъ, о страхованіи—о всемъ томъ, что въ губерніяхъ земскихъ нарождалось и росло и чего никакія усилія сторонняго управленія дать не могли. Безуміе лишь закрывало глаза и мечтало съ корнемъ вырвать земское служеніе родинѣ.

«Выборныя земскія учрежденія надо упразднить»—эта мысль, въ такой откровенной формулировкѣ, многократно пропагандировалась реакціонной прессой. Находила она отраженіе и въ офиціальной литературѣ. Напомнимъ возраженія извѣстной записки противъ проекта 1898 г. о введеніи земскихъ учрежденій въ западномъ краѣ и общія сужденія представленія министерства внутреннихъ дѣлъ 1901 г. о земскомъ представительствѣ по назначенію и о снабженіи бюрократическихъ органовъ полномочіями, свойственными органамъ самоуправленія.

Но это были только пожеланія, совѣты, предположенія. Руководящей идеей практики сената и министерствъ и мѣропріятій, выливавшихся въ разное время въ законодательныя нормы, служила другая мысль. Земскія учрежденія надо ввести въ общій строй государственной жизни. Надо втиснуть начало общественнаго служенія въ начало сторонняго управленія. Надо сохранить земство, но обезличить его, сдѣлать подчиненнымъ органомъ администраціи. Пусть оно помогаетъ бюрократіи въ томъ, въ чемъ бюрократія — хозяинъ дѣла — хочетъ, чтобы оно ему помогало...

Пожеланія и совѣты упраздненія земства не вовсе, впрочемъ, не получали выраженія въ законѣ и практикѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣропріятіяхъ явно сквозило намѣреніе привить къ земскимъ учрежденіямъ грибокъ разложенія, который долженъ былъ медленно, но вѣрно, привести ихъ къ естественной смерти.

II.

Чуть не съ перваго дня дѣйствія положенія 1864 г. начались споры и пререканія объ объемѣ права законодательной и обще-администравной иниціативы земства, въ формѣ возбужденія ходатайствъ о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ. Вмѣсто единственно правильнаго противоположенія нуждъ и пользъ данной мѣстности пользамъ и нуждамъ другихъ губерній и уѣздовъ, данной мѣстности не касающихся, бюрократія сразу стала на точку зрѣнія противоположенія по существу нуждъ и пользъ мѣстныхъ государственнымъ. Точку зрѣнія совершенно искусственную и которая открывала поле для неограниченнаго произвола. Мыслимо ли назвать хоть что-нибудь важное и существенное, относящееся къ области личныхъ правъ, экономическаго положенія, податной системы, постановки дѣла народнаго образованія, дорожной повинности и т. д., и т. д., въ чемъ нуждалась бы Тамбовская губернія и что́ не было бы нуждой Воронежской, Пензенской, Новгородской? Обратно — мыслимо ли назвать хоть одну общую нужду, которая не была бы мѣстной? Свобода гражданъ отъ тѣлеснаго наказанія есть нужда государственная. Но развѣ она не мѣстная, когда часть населенія данной мѣстности этой свободой не пользуется? Какими логическими доводами можно обосновывать отрицаніе мѣстнаго значенія системы опеки надъ крестьянами, стѣсненія способовъ школьнаго и внѣшкольнаго образованія?.. Право иниціативы мѣшаетъ безшумному ходу бюрократической колесницы — на фактическое низведеніе его на нѣтъ и были направлены особенно энергичныя усилія губернской и центральной администраціи въ теченіе всей борьбы.

Въ 1890 г. уничтожено прямое опредѣленіе закона, гласившаго, что, «въ кругѣ ввѣренныхъ имъ дѣлъ», земскія учрежденія дѣйствуютъ самостоятельно. Тогда же было предоставлено администраціи право вмѣшательства въ существо распоряженій земства, путемъ пріостановленія и отмѣны постановленій земскихъ собраній, явно нарушающихъ, по мнѣнію губернатора, интересы населенія. Одновременно введено утвержденіе лицъ, выбираемыхъ на исполнительныя должности, и эти лица обращены въ чиновниковъ, под-

чиненныхъ административнымъ органамъ, въ порядкѣ служебной дисциплины.

Уже и эти новеллы создавали неестественныя отношенія внутри земства. Какой-то клинъ, въ лицѣ губернатора, явился между населеніемъ и его выборными представителями. Въ положеніи предсѣдателей и членовъ управъ, болѣе зависимыхъ отъ администраціи, нежели отъ выбравшихъ ихъ собраній, оказалась непримиримая двойственность. Уже и они носили въ себѣ зародышъ опасности для дальнѣйшаго существованія земства. Но сравнительно съ другими измѣненіями земскаго положенія, послѣдовавшими, частью въ томъ же году, частью позже, это были мелочи. Законъ 1890 г. обратилъ земство изъ непосредственнаго единенія всего населенія мѣстности въ единеніе делегатовъ сословныхъ организацій, притомъ представленныхъ неравномѣрно, съ подавляющимъ преобладаніемъ одного сословія и съ устраненіемъ выборнаго представительства отъ крестьянъ. Внутри земства долженъ былъ наступить разладъ неминуемо. Направленіе земской дѣятельности должно было рѣзко измѣниться. Этого, въ тайникахъ души, ждали авторы реформы, предвидя гибель «земщины».

Они ошиблись въ своемъ, казалось, вѣрномъ разсчетѣ. Разлада не произошло. Кой-гдѣ сократился - было ростъ расходовъ на меньшого обдѣленнаго брата—на народную школу, на медицину—на то, чѣмъ непосредственно состоятельные элементы уѣзднаго населенія не пользуются. Но это были лишь частные случаи. Въ общемъ земство отвѣтило такимъ увеличеніемъ тратъ на тѣ же предметы, какого никогда раньше не было.

Тогда бюрократія рѣшила наложить свою руку на земскіе финансы. Подъ флагомъ временныхъ правилъ была проведена въ 1900 г. фиксація земскихъ расходовъ и обложенія. Будущій историкъ поразится, когда предъ нимъ раскроется, какъ фиксація подготовлялась и чѣмъ мотивировалась ея цѣлесообразность. Онъ станетъ втупикъ передъ доводомъ, что расходъ на прибавку жалованья сторожу въ размѣрѣ шести рублей въ годъ, непосиленъ для населенія уѣзда, имѣющаго бюджетъ въ сотни тысячъ, и явно нарушаетъ его интересы. Онъ подумаетъ, что надъ земствомъ смѣялись. Онъ увидитъ далѣе, какъ передъ высшимъ государственнымъ установленіемъ министръ выражалъ увѣренность и давалъ обѣщаніе, что переоцѣнка объектовъ земскаго обложенія—

дѣло въ Россіи новое и безконечно сложное — закончится въ четыре года и что черезъ четыре года временныя правила сами собой отойдутъ въ прошлое. И съ этимъ обѣщаніемъ онъ сопоставитъ опубликованный два года спустя докладъ преемника того министра, гдѣ говорится, что переоцѣнку нельзя закончить ранѣе, какъ черезъ двѣнадцать лѣтъ.

Не въ огражденіи денежныхъ интересовъ населенія отъ расточительности имъ выбранныхъ представителей лежитъ внутренній смыслъ фиксаціи, а въ томъ, чтобы связать руки земствамъ, вывести ихъ на путь испрошенія разрѣшеній у бюрократіи. Въ томъ—чтобы бюрократія могла направлять земскую дѣятельность въ желательную ей сторону. Законъ о фиксаціи есть дальнѣйшее развитіе закона 1895 г. о дорожномъ капиталѣ, смыслъ котораго въ обязательномъ ежегодномъ расходованіи значительныхъ суммъ на ремонтъ и содержаніе дорогъ. Временныя правила допускаютъ увеличеніе обложенія свыше нормы, они предусматриваютъ даже широкую помощь земской кассѣ изъ государственной казны. Но объ этомъ надо просить, для этого надо поступаться своей самостоятельностью, отдать смѣту на пересмотръ.

И фиксація не убила земской идеи. Обращеніе къ государственной субсидіи не получило широкаго примѣненія. Не всегда сознательно, правда, земства обнаружили большой политическій тактъ. Собранія скорѣе соглашались жертвовать своевременнымъ удовлетвореніемъ вновь назрѣвающихъ потребностей, нежели самостоятельностью въ составленіи смѣтъ, т.-е. въ направленіи своей дѣятельности.

Уклоненія отъ этого общаго тона были. Въ отдѣльныхъ случаяхъ проявлялись признаки начала разложенія. Въ иныхъ уѣздахъ стали увеличиваться ассигновки на второстепенныя потребности. Въ другихъ—начало обнаруживаться стремленіе сложить съ себя наиболѣе тяжелыя и отвѣтственныя обязанности. Такъ, Тверское уѣздное земство, въ 1903 г., выразило намѣреніе освободиться отъ веденія дѣла народнаго образованія и передать въ епархіальное вѣдомство 113 школъ. Въ третьихъ—были примѣры принятія смѣтъ малопродуманныхъ, составленныхъ въ прямомъ разсчетѣ на ихъ пересмотръ, и по предметамъ, и по суммѣ расхода. Но всѣ эти уклоненія не шли дальше единичныхъ исключеній.

За послѣдній годъ образовано главное управленіе по дѣламъ мѣстнаго хозяйства — департаментъ по земскимъ и городскимъ дѣламъ, въ который должны приглашаться гласные земскихъ собраній и городскихъ думъ по избранію министра внутреннихъ дѣлъ, дабы въ мѣстныхъ хозяйственныхъ вопросахъ представлять собою голосъ страны. Проектировалось участіе гласныхъ, особо выбранныхъ съ этой цѣлью собраніями. Но проектъ былъ отвергнутъ: такіе гласные могли представить дѣйствительный отзвукъ мѣстныхъ голосовъ, а не тотъ, который бюрократія хотѣла услышать...

Ожидалось еще многое. Готовился проектъ упраздненія губернскихъ земскихъ собраній. Близки были къ концу работы министерства объ усиленіи губернаторской власти. Для обоснованія новыхъ ударовъ производились ревизіи. Многіе изъ земскихъ дѣятелей были выброшены за бортъ...

И въ этотъ моментъ раздался призывъ къ миру, къ прекращенію борьбы, раздалось давно жданное слово: «довѣріе».

III.

Оно раздалось не случайно. Рано или поздно оно должно было быть сказано. Весь ходъ сорокалѣтней борьбы показывалъ, на чью сторону склоняется побѣда.

Упразднить земство нельзя, какъ нельзя вытравить стремленія народныхъ массъ къ свѣту, знанію, улучшенію своего экономическаго положенія, къ здоровью, къ прогрессу во всѣхъ отрасляхъ жизни. Ибо безъ земскаго общественнаго служенія, безъ земскаго самоуправленія стремленіе остается неудовлетвореннымъ. Опытъ изъятія изъ вѣдѣнія земства продовольственнаго дѣла лишній разъ это доказалъ. Бюрократіи свойственно пресѣкать, предупреждать, предотвращать, но не творить.

Втиснуть начало общественнаго служенія въ начало сторонняго управленія тоже нельзя. Одно исключаетъ другое. Земство обезличенное, лишенное самостоятельности, въ инстанціонномъ порядкѣ подчиненное администраціи, земство въ роли вспомога-

тельнаго органа—не земство. Въ такой организаціи отъ земства остается одно названіе. Къ творчеству оно неспособно.

Неизбѣжно, рано или поздно, долженъ былъ возникнуть простой вопросъ: да зачѣмъ уродовать идею общественнаго служенія «земли»? Зачѣмъ ломать и коверкать земскія учрежденія? Зачѣмъ ихъ упразднять или вести къ естественной смерти? Дѣйствительно ли ихъ дѣятельность опасна для государства, для блага народа? Не кажущаяся ли это только опасность? Самогипнозъ высшихъ представителей бюрократіи долженъ былъ когда-нибудь проясниться.

Съ другой стороны, рано или поздно, долженъ былъ возникнуть еще болѣе простой вопросъ: да неужели Россія держится единственно благодаря бюрократическому режиму? Неужели государство станетъ менѣе могущественно, менѣе жизнеспособно, если надъ самовластіемъ администраторовъ будетъ поставленъ законъ, если административное усмотрѣніе будетъ находиться подъ реальнымъ контролемъ, если населеніе будетъ свободно дышать по праву, а не по милости администратора? Неужели принципъ поддержанія авторитета власти земскаго начальника, губернатора, министра, во что бы то ни стало, такъ важенъ для блага народа, для бытія государства, что во имя его можно и должно жертвовать справедливостью, достоинствомъ общественныхъ учрежденій, насущными интересами гражданъ?

Далѣе, рано или поздно, не могъ не разсѣяться призракъ всевѣдѣнія бюрократіи и ей одной свойственнаго пониманія истинныхъ нуждъ и потребностей страны. Ей одной свойственнаго служенія государству за честь и за совѣсть. Нельзя же было вѣчно вѣрить, что населеніе выбираетъ крамольниковъ, преслѣдующихъ личные своекорыстые интересы, что эти крамольники, живя на мѣстахъ, ничего не видятъ, не понимаютъ и тратятъ силы и время лишь на то, чтобы, строя школы, больницы, улучшая условія земледѣлія, причинять вредъ родному углу и всей странѣ—или по невѣдѣнію и непониманію, или по тайному намѣренію на разрушенномъ ими общемъ благополучіи построить свое собственное... Нельзя же было вѣчно вѣрить, что канцелярская бумажная призма лучшее средство освѣдомленности, что она съ безошибочной точностью, какъ хрусталь лучи солнца, разлагаетъ вѣсти о потребностяхъ народа и отдѣляетъ истину отъ лжи...

Идея земскаго самоуправленія опасна своей глубиной, опасна тѣмъ, что она логически ведетъ отъ мѣстныхъ интересовъ и потребностей къ государственнымъ.

Такъ говорилось въ теченіе сорока лѣтъ.

Но развѣ это логическое развитіе идеи въ чемъ-либо угрожаетъ государству, его цѣлости, благу народа? Конечно нѣтъ. Оно угрожаетъ только переросшей себя бюрократіи, безсильной справиться со все усложняющейся задачей государственнаго управленія, въ своемъ безсиліи ограждающей себя запретами и думающей въ подавленіи всѣхъ и вся найти возрожденіе своей былой, безвозвратно утраченной силы. «Механизмъ устарѣлъ, заржавѣлъ, работаетъ медленно, съ ничѣмъ неоправдываемыми застоями; довѣріе къ его работоспособности утратилось» — пишетъ князь Б. Васильчиковъ. Жизнь прогрессируетъ неудержимо. Время не щадитъ никого и ничего. Не пощадило оно и бюрократической системы. Всѣ ужасы, которыхъ мы только-что были свидѣтелями, ссылки безъ объясненія, за что и почему, безцѣльные обыски и аресты, неправда въ офиціальныхъ документахъ—лебединая пѣсня бюрократіи.

Чего не дѣлалось въ теченіе сорока лѣтъ, дабы идея служенія земли замерла на мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ! Еще недавно былъ изданъ циркуляръ, воспрещавшій сношенія земскихъ управъ между собою съ цѣлью извѣщенія о томъ, что земство постановило или предполагаетъ постановить. Съ вопросами о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности власть обратилась два года назадъ не къ земству, а къ спеціально образованнымъ комитетамъ, гдѣ широко было представлено дворянство, а земство въ одной мѣрѣ съ частными сельскохозяйственными обществами. Отъ участія въ работахъ по пересмотру законовъ о крестьянахъ земство устранено. Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ земству запрещено было образовывать свои отряды для помощи раненымъ и больнымъ на войнѣ.

Идея слишкомъ глубока, чтобы могла замереть. Чѣмъ рѣзче были мѣры противной стороны, тѣмъ болѣе она росла и крѣпла. Земство, послѣ сорока лѣтъ существованія, достигло высоты пониманія государственныхъ задачъ и потребностей. И что процессъ завершился такъ быстро—въ этомъ вина самой бюрократіи. Если бы борьба велась менѣе страстно, если бы бюрократія была

болѣе разборчива въ средствахъ, то, вѣроятно, онъ затянулся бы еще на нѣкоторое время.

Ростъ идеи государственнаго служенія земства шелъ двумя путями. Во-первыхъ, каждое отвергнутое ходатайство—объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, о реорганизаціи земскаго представительства, о мѣрахъ юридической помощи населенію, о необходимости измѣненія постановки школьнаго дѣла, объ отмѣнѣ закона о фиксаціи и т. д.—убѣждало въ ненормальности противоположенія мѣстныхъ интересовъ государственнымъ и побуждало земство настойчиво пытаться открыть закрывавшуюся передъ нимъ дверь. Во-вторыхъ, все яснѣе становилась связь между земско-общественными учрежденіями разныхъ губерній, идейное единеніе земской Россіи въ противовѣсъ бюрократическому всеединству, все болѣе и болѣе вырождавшемуся въ рознь личныхъ усмотрѣній и темпераментовъ.

Это единеніе опредѣлилось уже въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ въ отвѣтахъ на циркулярное обращеніе графа Лорисъ-Меликова. Затѣмъ, по миновании годовъ реакціи, когда реакціонное настроеніе господствовало и въ земскихъ сферахъ, оно стало проявляться по каждому поводу и при всякомъ случаѣ. Въ губернскихъ собраніяхъ сессіи 1894 г., на московскомъ агрономическомъ съѣздѣ 1901 г., на петербургскомъ кустарномъ съѣздѣ 1902 г., на съѣздѣ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію 1903 г., на совѣщаніяхъ страховыхъ, дорожныхъ—оно было доминирующей нотой.

Во время кустарнаго съѣзда возникла мысль дать формы обще-земскому единенію. Два мѣсяца спустя предсѣдатели земскихъ управъ и нѣкоторые земскіе гласные собрались въ Москвѣ обсудить отношенія, въ которыя должно стать земство къ комитетамъ особаго совѣщанія о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Собравшіеся подверглись репрессіи. Но подобныя собранія продолжались... Земцы не могли не сказать своего слова, когда раздался новый лозунгъ.

Они сказали, безъ обиняковъ, откровенно и честно, то, что накипѣло у нихъ на душѣ, то, что они считали долгомъ совѣсти сказать. Они не были на это уполномочены. Но они знали, что кромѣ нихъ говорить некому. Они вѣрили, что точно формулировали настроеніе населенія «земскихъ» губерній... «По какому

праву, зачѣмъ — сказали они — вы устраняете насъ и стоящихъ за нами отъ служенія государству? Мы любимъ родину, за благо родины мы готовы на все, мы ее знаемъ, мы не чужіе, свои, мы «земщина»! Наши предки не Малюта и не Биронъ. Наши предки Пожарскій, Мининъ, Сусанинъ... Но бѣда не на поверхности. Она далеко углубилась въ нѣдры государственнаго строя. Палліативы не помогутъ»...

Теперь очередь за земскими собраніями...

«Право» 5 декабря 1904 г.
№ 49.

Основы перваго всенароднаго представительства въ Россіи.

Рескриптомъ 18 февраля 1905 г. на имя министра внутреннихъ дѣлъ возвѣщенъ призывъ «достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній».

Актъ знаменательный. Онъ служитъ отвѣтомъ на тѣ мысли, которыя уже много лѣтъ волнуютъ русское общество, а въ послѣдніе шесть мѣсяцевъ кристаллизовались въ нѣчто законченное и опредѣленное.

19 февраля 1861 г. былъ заложенъ фундаментъ новой Россіи. Въ немногіе первые затѣмъ годы съ лихорадочной энергіей надъ нимъ возводилась постройка: было создано мѣстное земское самоуправленіе, судъ равный, гласный и правый, былъ данъ университетскій уставъ, ограниченіемъ примѣненія тѣлеснаго наказанія было положено начало образованію личности... Тогда же стали вырисовываться формы «увѣнчанія зданія». Но... наступилъ поворотъ.

Поворотъ сначала нерѣшительный. Лишь систематичность въ работѣ нарушилась. Въ отдѣльныхъ частяхъ зданіе по временамъ продолжало даже какъ будто расти.

Черезъ двадцать лѣтъ блеснулъ на мгновеніе въ туманной дали разсвѣтъ. Показались неясныя очертанія увѣнчаннаго зданія. Блеснулъ... и погасъ. Наступила эпоха разрушенія.

Она тянулась томительно долго. Опять періодъ въ двадцать слишкомъ лѣтъ... Изъ неокрѣпшей еще кладки, подъ видомъ ремонта, починки и отдѣлки, вырывались цѣлыя глыбы. На ихъ мѣсто вводились новые камни вывѣтрившихся породъ. Были моменты, когда разрушеніе готово было коснуться глубинъ фундамента...

Снова разсвѣтъ. Но не въ туманной уже дали виднѣется завершившая обновленіе Россія... Россія—несокрушимая, сильная живымъ, тѣснымъ и постояннымъ реальнымъ общеніемъ и единеніемъ Царя съ народомъ.

I.

Общеніе и единеніе основныхъ элементовъ государства—верховной власти и населенія—единственно вѣрный залогъ правильнаго теченія и спокойнаго поступательнаго движенія государственной жизни. Опираться только на силу верховная власть не можетъ. Ей нуженъ нравственный авторитетъ. Для бытія государства нужно, чтобы велѣнія власти—регулирующія правоотношенія нормы—находили живой откликъ въ сознаніи населенія. Нужно, чтобы населеніе признавало въ ихъ формулировкѣ свою, а не чужую мысль... Исполненія велѣній «за страхъ»—мало: они должны исполняться «за совѣсть». Такъ учитъ опытъ исторіи.

Въ первичныя эпохи образованія государствъ общеніе поддерживается непосредственно, безъ особыхъ сложныхъ формъ. По мѣрѣ развитія государственной жизни возможность непосредственнаго общенія падаетъ и, если для него не создается реальныхъ формъ, единеніе исчезаетъ. Между верховной властью и населеніемъ неизбѣжно выростаетъ стѣна. Стѣна — изъ тонкой паутины бюрократическихъ нитей, которыя постепенно окутываютъ и обвиваютъ, съ одной стороны, власть, съ другой—населеніе. Когда стѣна стала непроницаемой, въ ней, внутри, наступаетъ процессъ разложенія. Она начинаетъ шататься, колебанія дѣлаются все сильнѣе, и каждая попытка ее укрѣпить все съ большей и большей болѣзненностью отражается на тѣхъ общественныхъ группахъ, которыя рвутся проникнуть черезъ нее.

Рано или поздно стѣна рухнетъ. Но дабы она не могла вырости вновь, нужны сложныя формы постояннаго общенія между верховной властью и населеніемъ, какъ единственное условіе ненарушимой внутренной ихъ связи.

Всѣ усилія общественной мысли до наступившаго момента были направлены на установленіе этого положенія. И результатъ достигнутъ. Результатъ блестящій: двухъ мнѣній о бюрократіи—о необходимости покончить съ бюрократическимъ строемъ и вылить въ форму представительства идею общенія власти съ народомъ — не существуетъ. Все общество, какъ одинъ человѣкъ, отозвалось, въ этомъ отношеніи, на рескриптъ 18 февраля.

Попутно въ сознаніи общества обозначились и дальнѣйшіе контуры того будущаго, которое, во имя реальнаго единенія верховной власти и населенія, должно замѣнить рухнувшее настоящее. Но только одни контуры. Полная картина новаго строя не нарисована. Даже относительно главныхъ его чертъ общество не столковалось. Не столковалось оно также въ оцѣнкѣ средствъ и способовъ перехода отъ настоящаго къ будущему.

Причина ясна. Условія, въ которыхъ проходила работа общественной мысли, позволяли надъ будущимъ лишь приподнимать завѣсу. Они заставляли говорить обинякомъ, намѣренно туманно. Завѣсу сдергивали и имѣли доступъ для воспріятія широкими слоями общества одни крайнія сужденія, яркія въ своей логической конструкціи и потому невольно себѣ подчиняющія. Критическій анализъ отвлеченныхъ построеній въ примѣненіи къ даннымъ обстоятельствамъ и фактамъ русской дѣйствительности—открытый, свободный и не случайный—былъ невозможенъ. Было возможно только сплошное отрицаніе, чѣмъ и пользовались реакціонные голоса. Если бы вопросъ не имѣлъ колоссальнаго значенія и не представлялъ исключительно захватывающаго интереса, то звукъ этихъ голосовъ, сопровождаемый запретами говорить и печатать, предостереженіями, пріостановкой изданій, арестами и карами, разсѣялся бы въ пространствѣ и не произвелъ замѣтнаго дѣйствія. Русское общество къ нему привыкло и въ своихъ положительныхъ идеалахъ на него реагируетъ слабо. Въ переживаемый же моментъ броженія мысли вокругъ того новаго, что идетъ на смѣну изжитому, самому себя раздавившему, старые пріемы воздѣйствія на мысль, гораздо болѣе, чѣмъ заман-

чивая таинственность запретныхъ мнѣній, способствовали проникновенію и укрѣпленію въ общественномъ сознаніи тѣхъ именно сужденій, противъ которыхъ реакція вела борьбу. Окрикъ взамѣнъ довода въ теоретическомъ спорѣ и полицейская мѣра, вслѣдъ за окрикомъ, всегда приводятъ къ торжеству того, кому мѣшаютъ и не позволяютъ говорить. Давняя истина лишній разъ подтвердилась.

При такихъ условіяхъ складывалось въ обществѣ представленіе о реформѣ государственнаго строя. Естественно, что кромѣ общихъ очертаній и отдѣльныхъ точекъ картины ничто не могло обозначиться. Но за то эти точки обозначились выпукло и ярко. Одна изъ такихъ точекъ—всеобщее избирательное право. Другая—учредительное собраніе.

Вопросъ объ учредительномъ собраніи или о «земскомъ соборѣ» нынѣ отпалъ. Говоря точнѣе, онъ не представляетъ сейчасъ практическаго интереса минуты. Рескриптъ 18 февраля устранилъ соборъ, какъ средство предварительнаго обращенія къ населенію, дабы посланные страною избранники открыто, честно и безбоязненно сказали передъ лицомъ Монарха, нужно или нѣтъ покончить съ бюрократическимъ строемъ и создать постоянное выборное представительство. Дабы затѣмъ они намѣтили главныя основы образованія представительства, характеръ дѣятельности и объемъ полномочій. Первая половина задачи рѣшена. Разработка и подготовка рѣшенія второй, въ предѣлахъ указаній рескрипта и тѣмъ же днемъ датированнаго Высочайшаго манифеста, возложена на совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ А. Г. Булыгина.

Вопросъ же о порядкѣ избранія представителей пріобрѣлъ значеніе именно перваго вопроса минуты. Стоитъ онъ совершенно независимо отъ того, призывается ли населеніе къ участію въ законодательной власти, или въ «предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній», будетъ ли представительное учрежденіе стоять обособленно, или сольется съ государственнымъ совѣтомъ, получитъ ли оно право законодательной инициативы и право контроля за законностью дѣйствій администраціи, или нѣтъ и т. д., и т. д. Какъ при самыхъ широкихъ полномочіяхъ, такъ и при самыхъ ограниченныхъ, представительство должно представлять населеніе, т.-е. вѣрно отражать господствующія въ странѣ правовоззрѣнія и настроеніе. Ибо

его голосъ будетъ признаваться, при всѣхъ различныхъ комбинацiяхъ, голосомъ народа.

Порядокъ избранiя—вопросъ насущный и безконечно важный. Ошибочно принятая система, при послѣдовательномъ проведенiи, легко можетъ отнять отъ представительства всякiй смыслъ и обратить его въ пустую безсодержательную фикцiю.

II.

Ни одно государство ни въ какой перiодъ своей исторiи не могло обходиться и не обходится безъ выборнаго начала. Каждое, слѣдовательно, относительно способовъ избранiя населенiемъ представителей имѣетъ собственный историческiй и практическiй опытъ.

Примѣняется выборное начало и въ нашей современности: въ мѣстныхъ, земскихъ и городскихъ, сословныхъ и другихъ самоуправляющихся организацiяхъ, до благотворительныхъ обществъ и акцiонерныхъ компанiй включительно. Но къ представительству государственному ни одинъ изъ существующихъ образцовъ примѣненiя имѣть не можетъ. Это ясно и не требуетъ долгихъ доказательствъ. Во-первыхъ, по глубокому различiю основанiй, которыя создаютъ право быть избирателемъ и избираемымъ. Во-вторыхъ, по численности лицъ и разнородности интересовъ, которые должны получить выраженiе въ государственномъ представительствѣ.

Не можетъ давать указанiй и опытъ нашего прошлаго. Слишкомъ далеко то время, когда московскiе цари созывали соборы. Ничего похожаго нѣтъ ни въ укладѣ государственной жизни, ни въ соцiальномъ строѣ, ни въ группировкѣ населенiя, ни въ его нуждахъ и запросахъ.

Тѣмъ ярче выступаютъ выводы науки государственнаго строительства, выработанные на основанiи вѣкового опыта западныхъ конституцiонныхъ странъ. Они формулируются для всенароднаго представительства коротко: всеобщая, прямая, равная и тайная подача голосовъ.

Право гражданина участвовать въ отправленiи государственной дѣятельности вытекаетъ изъ факта подданства въ смыслѣ при-

надлежности къ данному государственному союзу. Логически оно ограничивается только способностью осуществлять свои права и нравственнымъ цензомъ, т.-е. физической и психической зрѣлостью и неопороченностью по суду. Отсюда—подача голосовъ всеобщая. Всѣмъ гражданамъ должна быть предоставлена одинаковая степень воздѣйствія на исходъ выборовъ. Отсюда—подача голосовъ прямая и равная. Людямъ слабой воли необходимо обезпечить свободу дѣйствій. Отсюда—подача голосовъ тайная.

И отправныя положенія, и ихъ юридическая конструкція просты и ясны. Ничего искусственно подобраннаго въ нихъ нѣтъ. Въ практикѣ Запада они испытаны. При отвлеченномъ сужденіи едва ли можно имъ противопоставить какія-либо иныя, столь же твердо обоснованныя.

Но организація представительства—вопросъ не только отвлеченно-правовой. Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ—вопросъ государственно-политическій. И, какъ таковой, требуетъ тщательнаго сообраafженія научныхъ выводовъ съ данными обстоятельствами, фактами и условіями. Когда изъ ста милліоновъ населенія, безконечно разнообразнаго по классовымъ и групповымъ интересамъ, по правовоззрѣніямъ и культурѣ, отбирается нѣсколько сотенъ или тысяча и этимъ сотнямъ или тысячѣ ввѣряется судьба государства во имя того, что въ своей совокупности они представляютъ всѣ сто милліоновъ,—государственно-политическая точка зрѣнія пріобрѣтаетъ первостепенное значеніе. Соціальныя явленія сложны и туго поддаются подведенію подъ математически точныя формулы. Отвлеченною справедливостью приходится въ области права постоянно поступаться, ибо для данныхъ условій и обстоятельствъ она можетъ дать прямо обратный—несправедливый результатъ. Съ этой точки зрѣнія, принципъ всеобщаго, прямого и равнаго избирательнаго права, въ примѣненіи къ потребностямъ минуты, вызываетъ самыя серьезныя сомнѣнія и опасенія.

Данные факты и обстоятельства русской дѣйствительности—не невѣжество народныхъ массъ, не территоріальная протяженность страны, не національная пестрота населенія. Избитая ссылка на невѣжество выдвигается противъ каждаго прогрессивнаго начинанія и для обоснованія каждаго же реакціоннаго мѣропріятія. Ею достаточно уже злоупотребляли: передъ освобожденіемъ крестьянъ, при ломкѣ земскаго положенія 1864 г., при введеніи инсти-

тута земскихъ начальниковъ, винной монополіи и т. д. Она неискренна и фальшива. Территоріальная протяженность при телеграфахъ и желѣзныхъ дорогахъ—обстоятельство несущественное. Разноплеменность въ другихъ странахъ, давно имѣющихъ представительныя учрежденія, не меньшая.

Всенародное представительство въ Россіи организуется впервые, населеніе обще-политической жизнью еще не жило, идея государственнаго всеединства затуманена въ сознаніи идеей единства классоваго и группового,—вотъ гдѣ лежитъ причина сомнѣній и опасеній.

Данныя условія — въ томъ броженіи умовъ, которымъ охвачено общество, и въ томъ состояніи маразма, въ которое впала бюрократія.

«Такъ дальше жить нельзя» — стало общей формулой. Отовсюду ежедневно приходятъ вѣсти о резолюціяхъ съ одной и той же господствующей нотой. Движеніе охватило людей зрѣлыхъ, уравновѣшенныхъ... Забастовки на фабрикахъ. Забастовки въ учебныхъ заведеніяхъ... Аграрныя волненія... Нервы общества напряжены до послѣдней степени... Событія совершаются съ изумительной быстротой... Появились зловѣщіе призраки движенія насильственнаго...

Россія расплачивается за то, что въ теченіе десятковъ лѣтъ показному благополучію безжалостно приносилось въ жертву все самое святое, самое дорогое для человѣка. За то, что двадцать лѣтъ давилась мысль, личность человѣка принижалась, никакихъ правъ за ней не признавалось. За то, что реакція, въ своемъ ослѣпленіи, думала остановить прогрессъ. Человѣческой жизни нельзя сказать: стой!.. Она движется впередъ неудержимо.

Россія расплачивается за то, что двадцать лѣтъ пожаръ оставался не потушеннымъ. За то, что двадцать лѣтъ только заливали огонь. Заливали грубыми, неумѣлыми руками. Когда онъ вспыхивалъ, пылающія головни вырывали и разбрасывали. Вырывали—мало заботясь о томъ, чтобы не вырвать не пылающія, и не думая о прочности остающихся частей. Разбрасывали—создавая опасность пожара тамъ, гдѣ ея раньше не было.

Полицейскій режимъ подъ руководствомъ В. К. Плеве, ничѣмъ не стѣсняемый и ни въ чемъ не стѣснявшійся, ускорилъ развязку. А еще несчастная война...

Подобнаго момента Россія не переживала много столѣтій.

Привелъ къ нему бюрократическій строй, отторгнувшій населеніе отъ Престола. Народное представительство должно слить царя съ народомъ воедино. Въ этомъ—вся надежда. Медлить съ выборами нельзя...

III.

А успѣшность выборовъ прямой, равной и всеобщей подачей голосовъ неизбѣжно предполагаетъ многое предшествующее: политическую агитацію, образованіе партій и долгую предвыборную борьбу. Иначе выборы никогда не дадутъ приблизительно даже вѣрнаго отраженія тенденцій и настроенія избирателей. И въ странахъ, живущихъ обще-политической жизнью, на агитацію и борьбу уходятъ мѣсяцы. Въ странѣ же, гдѣ такая жизнь только зарождается и партій нѣтъ, на это нужно времени много.

Голоса разобьются, и громадное большинство фактически не осуществитъ своего права. Изъ-за стремленія предоставить право голоса каждому отдѣльному гражданину цѣлыя категоріи населенія не получатъ представительства.

Предвыборная агитація и борьба — въ собраніяхъ и печати — предполагается не подпольная, а открытая, явная. Свободная и отъ противодѣйствія со стороны властей, и отъ ея направленія властью. Мыслимо ли перевоспитать въ короткое время губернаторовъ и особенно земскихъ начальниковъ, весь смыслъ дѣятельности которыхъ въ властномъ попечительствѣ и въ руководительствѣ всѣмъ, что составляетъ общественный интересъ и общественную потребность на мѣстахъ? Мыслимо ли, чтобы въ короткое время перевоспиталось сознаніе обывателей, пріученныхъ сторониться всякаго сборища и всякаго откровеннаго слова, привыкшихъ ждать начальственныхъ указаній, горькимъ опытомъ познавшихъ, что слѣдуетъ за дѣйствіями и разсужденіями безъ указаній или съ ними несогласными? У насъ нѣтъ правосознанія. Но привычка ходить на начальственныхъ помочахъ не могла не образоваться. Слишкомъ энергично и неумолимо послѣдовательно дѣйствовала въ этомъ направленіи всесильная бюрократія.

Но оставимъ даже это соображенiе.

Въ Россiи, не считая Финляндiи, 137 миллiоновъ населенiя. Обособленныхъ территорiальныхъ единицъ, уѣздовъ—764. Болѣе одного представителя отъ уѣзда, само собою разумѣется, призвать нельзя. И то общее число представителей, считая за особыя единицы крупные города, будетъ до тысячи.

Возьмемъ наименѣе сложную, но и наименѣе совершенную систему всеобщаго прямого избранiя. Населенiе уѣзда выбираетъ представителя изъ своей среды, безъ права подавать голосъ за лицо, вотирующее въ другомъ избирательномъ участкѣ. Подача голоса совершается путемъ опусканiя въ урну закрытаго бюллетеня. Число избирателей въ уѣздѣ примемъ въ 30—40 тыс. человѣкъ. Допустимъ, что по объявленiи о созывѣ представителей будетъ предложено произвести выборы въ теченiе одного или двухъ мѣсяцевъ. Для упрощенiя заданiя внѣшнее давленiе на выборы со стороны администрацiи совсѣмъ устранимъ.

Чтò получится?

Право свободнаго указанiя излюбленнаго кандидата населенiе, несомнѣнно, быстро усвоитъ. Умѣнiя же пользоваться своимъ правомъ, также несомнѣнно, въ теченiе мѣсяца или двухъ не прiобрѣтетъ. Чтобы его прiобрѣсти, нужно сознать, что если я буду дѣйствовать вполнѣ свободно, руководствуясь исключительно личной оцѣнкой избираемыхъ и намѣренно не считаясь съ мнѣнiями другихъ, то я тѣмъ самымъ откажусь отъ осуществленiя своего права. Мой голосъ будетъ единичнымъ и безслѣдно пропадетъ. Нужно сознать, что свобода выборовъ состоитъ въ свободѣ предвыборной агитацiи, а полная свобода въ моментъ опусканiя бюллетеня есть абсурдъ.

Принимавшiе участiе въ выборахъ гласныхъ петербургской городской думы осенью 1903 г., когда впервые были допущены въ число избирателей квартиронаниматели, хорошо помнятъ, какой протестъ встрѣчало предложенiе вотировать за рекомендуемое лицо и сколько въ бюллетеняхъ оказалось именъ, получившихъ по одному или по два голоса. Это было въ Петербургѣ, несмотря на двухмѣсячную широкую агитацiю въ газетахъ и частныхъ собранiяхъ и несмотря на то, что изъ миллiоннаго населенiя участвовало въ выборахъ двѣнадцать тысячъ — людей наиболѣе состоятельныхъ и почти сплошь интеллигентныхъ.

Легко себѣ представить, что будетъ въ захолустныхъ городахъ и въ темныхъ деревняхъ. Обыватели понимаютъ сладость почета и почетъ любятъ. Охотниковъ попасть въ представители окажется великое множество. Иванъ, твердо усвоивъ право свободнаго избранія, напишетъ Петра. Петръ—Ивана. И оба будутъ наивно полагать, что добросовѣстно исполнили свой долгъ.

Упрекнуть ихъ въ чемъ-либо будетъ несправедливо. За Иванами съ однимъ голосомъ послѣдуютъ Павлы, Сидоры съ десяткомъ голосовъ родной деревни. Люди, быть можетъ, вполнѣ достойные, но за предѣлами деревни никому невѣдомые.

Не съ вѣроятностью, а съ полной увѣренностью можно сказать, что если избраніе обусловить полученіемъ абсолютнаго большинства голосовъ, то Россія, вмѣсто тысячи представителей, пришлетъ два или три десятка.

Общей политической жизнью уѣзды не живутъ и всѣмъ извѣстныхъ именъ въ уѣздахъ нѣтъ. Жизнь дробится во множествѣ мелкихъ общеній—сословныхъ, по роду занятій, волостныхъ, приходскихъ, сельскихъ и т. п. Тридцать-сорокъ тысячъ голосовъ неизбѣжно размѣняются на единицы, десятки и самое большее на сотни.

Получить тысячи голосовъ, въ общемъ правилѣ, могутъ развѣ исправникъ, предводитель дворянства или предсѣдатель земской управы, потому что ихъ дѣятельность распространяется на всю территорію уѣзда и ихъ имена всѣ знаютъ.

Ихъ конкуррентами, пожалуй, окажутся прежніе кабатчики, кое-гдѣ священники или очень ужъ крупные землевладѣльцы.

Любопытно вспомнить опытъ почти что всенароднаго прямого голосованія въ Петербургѣ. Въ 1881 г., весной, вскорѣ послѣ событія 1 марта, при градоначальникѣ былъ образованъ совѣтъ изъ 25, особо выбранныхъ лицъ. Совѣтъ ни разу, кажется, не собирался, и весь описываемый эпизодъ основательно забытъ. Но кое у кого навѣрное сохранилось въ памяти, какъ выборы производились и кто былъ избранъ. Право избранія было предоставлено всѣмъ домовладѣльцамъ и квартиронанимателямъ безъ исключенія. Устранены отъ выборовъ были только угловые жильцы и обыватели ночлежныхъ домовъ. Участвовали въ голосованіи тогда и не достигшіе двадцатипятилѣтняго возраста, и женщины, ибо о нихъ ничего въ распоряженіи о производствѣ выборовъ не

говорилось, а отбиравшіе бюллетени старшіе дворники разсуждали такъ: на твое имя квартира, значитъ и пиши. Опубликованъ былъ затѣмъ списокъ 25 избранныхъ въ совѣтъ и 25 къ нимъ кандидатовъ. Сколько всего было предложено лицъ и по скольку голосовъ получили эти 50—осталось неизвѣстнымъ. Но однимъ изъ первыхъ избранниковъ оказался не задолго передъ тѣмъ оставившій должность градоначальника, генералъ Треповъ. Остальные были по преимуществу высшіе чины администраціи.

Если не повторится нѣчто подобное, то получится, во всякомъ разѣ, нѣчто неожиданное и совершенно случайное.

Одно можно предсказать безъ опасенія впасть въ ошибку. Рабочіе—единственный рѣзко обособленный классъ въ современной русской группировкѣ населенія—представителей имѣть не будутъ.

По закону, такого класса не существуетъ. Законъ знаетъ крестьянъ, мѣщанъ, почетныхъ гражданъ, дворянъ и т. п. и обязательную связь приписки. Рабочій, по нашему закону, принадлежитъ къ сословному общенію, и, прежде всего, къ тому территоріальному, реальную связь съ которымъ онъ давно порвалъ. Ни въ томъ, ни въ другомъ общеніи онъ голосовъ, конечно, не сосредоточитъ. Рѣчь можетъ идти лишь о территоріальномъ общеніи по мѣсту его жительства. И здѣсь, однако, разсчитывать на успѣхъ для рабочаго невозможно.

Эти общенія — по преимуществу самые большіе города, гдѣ, при всеобщемъ избирательномъ правѣ, будутъ вотировать сотни тысячъ лицъ,—лицъ, среди которыхъ рабочіе составляютъ, хотя и компактную группу, но, по соціально-экономическому положенію, равно отъ всѣхъ обособленную. Исключительность положенія рабочихъ парализуется на Западѣ окрѣпшею обще-политической жизнью. Рабочіе на Западѣ не замыкаются такъ глухо отъ другихъ слоевъ населенія, какъ у насъ. И лица, принадлежащія къ этимъ слоямъ, сочувствующія интересамъ рабочихъ, имѣютъ полную возможность вотировать за ихъ кандидатовъ. А у насъ этой возможности въ настоящій моментъ нѣтъ. Рабочіе на выборахъ, кромѣ своихъ голосовъ, можно смѣло сказать, ничьихъ со стороны не получатъ. Не потому, что не найдется желающихъ оказать имъ поддержку. А просто потому, что ихъ вожаки никому постороннему неизвѣстны. Въ большихъ же городахъ нѣкоторое сосредоточеніе голосовъ будетъ имѣть мѣсто. Январскія и фе-

вральскія событія въ Петербургѣ показали, что у рабочихъ имѣется чрезвычайная сплоченность и крѣпкая внутренняя организація. А многіе ли увидѣли въ печатавшихся спискахъ ихъ выборщиковъ и депутатовъ, за буквами и слогами, живыя лица?

При расширенномъ избирательномъ правѣ голоса въ уѣздахъ разобьются еще болѣе. Ровно настолько, насколько большее число лицъ долженъ будетъ предложить въ бюллетенѣ избиратель. Результатъ получится еще болѣе случайный.

Да и какъ можетъ быть иначе? Чьи имена пользуются у насъ широкой извѣстностью? Министровъ, двухъ-трехъ духовныхъ лицъ, писателей-беллетристовъ, пожалуй, нѣсколькихъ адвокатовъ, богачей-купцовъ или магнатовъ - благотворителей. Общественныхъ въ политическомъ смыслѣ дѣятелей знаютъ самые ограниченные круги. До сихъ поръ у насъ были только политическіе преступники.

Представительство, образованное прямой и всеобщей подачей голосовъ изъ лицъ, посланныхъ десятой, двадцатой, сотой частью избирателей, прежде чѣмъ оно соберется, будетъ дискредитировано въ глазахъ всѣхъ и вся.

Возможность этого никто не опровергнетъ. А моментъ критическій...

IV.

Какъ же быть?

Представительство изъ ста дворянъ, ста духовныхъ, ста купцовъ и ста крестьянъ, само собою разумѣется, никто всенароднымъ представительствомъ русской земли не назоветъ. Нельзя не удивляться, какъ могли люди серьезные, не въ насмѣшку, предполагать такой способъ образованія «собора».

Еще менѣе заслуживаетъ вниманія обошедшій одно время газеты слухъ, что будто предполагалось созвать, въ качествѣ представителей, предводителей дворянства, предсѣдателей земскихъ управъ и городскихъ головъ. Хотя эти лица служатъ по избранію, но, по порядку вступленія въ должности и по роду своей дѣятельности, они суть, прежде всего, чиновники губернской администраціи. Давая имъ полномочія, дворянскія и земскія собранія

и городскія думы не могли не считаться съ вѣроятностью утвержденія выбраннаго, съ его хозяйственными способностями, умѣньемъ уживаться съ начальствомъ и т. д. Они считались со всѣмъ, съ чѣмъ угодно, но никакъ не съ тѣмъ, что эти лица будутъ тѣми «довѣріемъ народа облеченными людьми», изъ которыхъ образуется государственное представительство.

На призывъ, во исполненіе рескрипта 18 февраля, лицо должно быть спеціально уполномочено. Это первое условіе. Отступленій отъ него не можетъ быть допущено никакихъ. Ихъ, впрочемъ, не допускаетъ и текстъ рескрипта. Вслѣдъ за формулой: «привлекать достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ», стоятъ слова: «избранныхъ отъ населенія людей». Послѣднія слова устраняютъ возможность повторенія того, что̀ имѣло мѣсто при образованіи въ январѣ 1904 г. губернскихъ совѣщаній для пересмотра законоположеній о крестьянахъ. Тогда, какъ извѣстно, слова манифеста 26 февраля 1903 г.: «при ближайшемъ участіи достойнѣйшихъ дѣятелей, довѣріемъ общественнымъ облеченныхъ» — получили примѣненіе въ формѣ предоставленія губернаторамъ права приглашать въ совѣщанія изъ земскихъ гласныхъ тѣхъ, кого они сочтутъ нужнымъ.

Второе условіе: всѣмъ слоямъ и классамъ населенія должна быть раскрыта возможность имѣть своихъ представителей. Не всѣмъ отдѣльнымъ гражданамъ, какъ при всеобщемъ избирательномъ правѣ, а всѣмъ общеніямъ ихъ. Возможность—хотя бы неравномѣрная, ибо равномѣрность при голосованіи въ общеніяхъ недостижима, по скольку въ самихъ общеніяхъ граждане не равномѣрно представлены.

Третье условіе: посредственное, такъ называемое, степенное избраніе. Только при немъ, на первый разъ, до образованія на мѣстахъ политическихъ партій, возможно сосредоточеніе голосовъ.

Прочія условія—гарантія неприкосновенности избирателей и избираемыхъ, свободное обнаруженіе и обмѣнъ мнѣній, тайная подача голосовъ и т. п. — одинаково относятся ко всѣмъ способамъ избранія.

Въ виду данныхъ фактовъ и обстоятельствъ дѣйствительности и, главное, срочности дѣла, не терпящаго отлагательства, другого исхода, кромѣ обращенія къ существующимъ въ населеніи обще-

ніямъ, не найти. Надо выбрать изъ нихъ такія, которыя наиболѣе бы концентрировали мѣстную жизнь, и ввести коррективы для группъ и интересовъ, внѣ ихъ стоящихъ. Пріемъ, теоретически далекій отъ совершенства, но легче другихъ осуществимый и болѣе другихъ соотвѣтствующій заданію.

Самыми прочными и всеобъемлющими общеніями, по дѣйствующему закону, представляются сословныя. Каждое лицо у насъ обязательно принадлежитъ къ какому-либо сословію, и почти всѣ сословія имѣютъ организацію. Было бы, однако, грубой ошибкой связать выборы съ сословіями. Сословный строй обветшалъ и разрушился. Жизнь давно стерла искусственныя рамки сословныхъ перегородокъ. Это—общеніе не реальное, а паспортное. Принадлежность къ сословію не служитъ показателемъ ни міровоззрѣнія, ни интересовъ. Съ другой стороны, сословный строй мѣстную жизнь отнюдь не концентрируетъ. Напротивъ, онъ разъединяетъ ее, противопоставляя каждое сословіе всѣмъ остальнымъ.

Общенія, болѣе другихъ концентрирующія мѣстную жизнь въ 34 среднихъ губерніяхъ—земство и, отчасти, города.

Русское земство блестяще доказало свою жизнеспособность. Сорокъ лѣтъ сплошной борьбы съ бюрократіей дали ему политическое воспитаніе. Оно поднялось до пониманія государственныхъ задачъ. Оно многократно свидѣтельствовало свою зрѣлость и умѣнье отрѣшаться отъ узкой точки зрѣнія повседневныхъ, дробныхъ мѣстныхъ «пользъ и нуждъ». Оно усвоило способность смотрѣть вдаль и вглубь. Въ немъ сложились традиціи и окрѣпла идея общественнаго служенія. Изъ земскихъ сферъ вышла первая формулировка жгучихъ потребностей переживаемаго момента и средствъ уврачеванія недуга, нашедшая единодушный откликъ въ печати, въ дворянствѣ, среди рабочихъ, въ учащихъ и учащихся, въ адвокатурѣ, биржевыхъ комитетахъ, среди инженеровъ, врачей—словомъ, во всей мыслящей Россіи. Нѣтъ основанія думать, что прошедшіе черезъ земство представители, въ общемъ, не окажутся на высотѣ положенія.

Города стоятъ гораздо ниже. Но это обстоятельство имѣетъ второстепенное значеніе, потому что, какъ о самостоятельныхъ единицахъ, можно говорить только о нѣкоторыхъ самыхъ большихъ городахъ. Города входятъ въ земскую организацію и вы-

дѣлить изъ нея для выборовъ нужно одни крупные интеллектуальные и промышленные центры.

Главный недостатокъ земства, въ смыслѣ концентрирующаго населеніе уѣзда общенія, заключается въ томъ, что въ основу земскаго представительства положенъ имущественный критерій, притомъ въ ограничительной формѣ: обладаніе недвижимымъ имуществомъ. Поэтому за гранью земскаго общенія остается обширная категорія тѣсно съ уѣздомъ связанныхъ лицъ. Другой—фиктивность представительства крестьянъ. Оба они, однако, не неустранимы. Для избранія народныхъ представителей согласно рескрипту 18 февраля составъ земскаго собранія безъ особыхъ затрудненій можетъ быть пополненъ гласными изъ лицъ, не имѣющихъ имущественнаго ценза, но постоянно проживающихъ въ уѣздѣ. Нынѣшнихъ крестьянъ-гласныхъ еще проще замѣнить выбранными въ волостяхъ.

Второй недостатокъ—преобладаніе представительства крупнаго дворянскаго землевладѣнія. Устраненіе этого недостатка значительно труднѣе. Оно возможно лишь совмѣстно съ полной переработкой земскаго положенія, что̀, по технической сложно̀сти дѣла, во всякомъ случаѣ, требуетъ времени. Съ другой стороны, этотъ недостатокъ, сравнительно съ первымъ, представляется малосущественнымъ, ибо преобладаніе имѣетъ условно-крупное землевладѣніе—200 или 250 десятинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, землевладѣніе недворянское, и крупное, и мелкое, не вовсе лишено представительства. Оно ему принадлежитъ, только въ меньшей мѣрѣ.

Въ ряду городскихъ жителей главная группа, не охватываемая общеніемъ городского самоуправленія—лица свободныхъ профессій. Характернымъ объединяющимъ для нихъ признакомъ, дающимъ возможность уловить, если не всѣхъ, то громадное большинство, служитъ наемъ квартиры—конечно, безъ ограниченія размѣромъ наемной платы. Не слѣдуетъ скрывать отъ себя, что соединеніе всѣхъ квартиронанимателей въ одно или нѣсколько избирательныхъ собраній представитъ въ такихъ городахъ, какъ Петербургъ, Москва, Одесса и др., большія практическія затрудненія. Зато выборъ кандидатовъ будетъ легче, чѣмъ въ уѣздахъ: проще устраивать предварительныя собранія и большую услугу окажутъ газеты. Выборные отъ квартиронанимателей подлежатъ включенію въ составъ думъ.

Нужно ли особое представительство отъ ученыхъ корпорацій, обществъ и учрежденій, отъ господствующей церкви и иновѣрныхъ религіозныхъ общинъ, отъ биржевого купечества и т. д.? Думаемъ, что нѣтъ. Такой путь—наклонная плоскость, на которой трудно удержаться. Отъ университетовъ неуловимъ переходъ къ высшимъ профессіональнымъ школамъ, отъ нихъ — къ стоящимъ на границѣ между высшими и средними. Отъ религіозныхъ общинъ, насчитывающихъ въ данномъ районѣ сотни тысячъ членовъ — къ насчитывающимъ единицы или десятки. Отъ обществъ, имѣющихъ задачи государственно-правовыя, постепенно можно дойти до спортивныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣтъ никакого логическаго основанія создавать для входящихъ въ составъ такихъ учрежденій и корпорацій бо́льшія права, чѣмъ тѣ, которыя имъ дастъ принадлежность къ земскому или городскому общенію. Нѣтъ основаній и съ точки зрѣнія цѣлесообразности. Званіе ученаго государствовѣда даже, само по себѣ, отнюдь не свидѣтельствуетъ о талантахъ и способностяхъ практическаго государственнаго дѣятеля.

Единственный классъ, для котораго должна быть создана спеціальная групповая избирательная единица — рабочіе. Въ противномъ случаѣ, ихъ интересы не получатъ выраженія въ государственномъ представительствѣ, какъ при всеобщемъ голосованіи, такъ и при проведеніи выборовъ черезъ земства и городскія думы. Признакъ найма квартиры къ нимъ не приложимъ, ибо они въ массѣ живутъ казарменнымъ порядкомъ. Никакого иного для введенія ихъ въ составъ городскихъ думъ подыскать нельзя. Да если бы такой и нашелся, они и въ думѣ оказались бы той же обособленной, замкнутой, далеко отъ другихъ классовъ стоящей группой, какъ въ общемъ проявленіи городской жизни. Между тѣмъ отсутствіе рабочихъ въ рядахъ всенародныхъ представителей составило бы пробѣлъ, который можетъ роковымъ образомъ отразиться на представительствѣ, какъ средствѣ разрѣшенія мучительнаго томленія минуты. Рабочіе — сила, сила организовавшаяся, сплоченная, большая. Чтобъ предупредить [illegible] пробѣлъ, необходимо — опять-таки на первый разъ — принять фактъ обособленія рабочихъ такъ, какъ онъ есть [illegible], отправляясь отъ него, предоставить рабочимъ каждаго фабрично-заводскаго [illegible] посылать представителей непосредственно [illegible]

совъ и фактически существующая организація обезпечиваютъ сознательное и справедливое производство избранія.

Итакъ, для 34 среднихъ губерній намѣчается слѣдующая схема:

Выборы представителя отъ уѣзда производятся въ уѣздномъ земскомъ собраніи нынѣшняго состава, съ замѣною назначенныхъ губернаторомъ гласныхъ отъ крестьянъ выбранными по одному каждою волостью и съ добавленіемъ опредѣленнаго числа гласныхъ отъ постоянныхъ жителей уѣзда, не имѣющихъ имущественнаго ценза. Какъ крестьянамъ на волостныхъ сходахъ, такъ и неимѣющимъ имущественнаго ценза на избирательномъ собраніи, равно уѣздному земскому собранію предоставляется выбирать не только изъ своей среды, а вообще изъ лицъ, обладающихъ правомъ голоса въ уѣздѣ.

Слѣдуетъ ли выбранныхъ отъ уѣздовъ проводить черезъ губернскія земскія собранія — подробность, имѣющая доводы и за, и противъ.

Въ одномъ случаѣ это безусловно необходимо: если представительство отъ каждаго уѣзда будетъ признано численно чрезмѣрно громоздкимъ. Сосѣдніе уѣзды, внѣ губернскаго общенія, другъ отъ друга совершенно чужды.

Выборы одного или нѣсколькихъ представителей отъ каждаго большого города производятся въ городской думѣ нынѣшняго состава, пополненнаго опредѣленнымъ числомъ гласныхъ отъ квартиронанимателей. Квартиронанимателямъ въ избирательныхъ собраніяхъ и городскимъ думамъ предоставляется выбирать всякое лицо, пользующееся въ городѣ правомъ голоса.

Въ тѣхъ же большихъ городахъ и въ негородскихъ фабрично-заводскихъ центрахъ рабочіе выбираютъ одного или нѣсколькихъ представителей непосредственно въ особыхъ собраніяхъ. Рабочимъ также предоставляется выбирать представителемъ каждое лицо, пользующееся правомъ голоса въ данномъ территоріальномъ районѣ.

V.

Тридцать четыре земскія губерніи—только одна часть Россіи. По населенію, пожалуй, равная всѣмъ другимъ. По протяженію же—небольшая.

Окраины безконечно разнообразны. Необъятная Сибирь, царство польское, западныя губерніи, остзейскія, сѣверныя и восточныя, Кавказъ, средне-азіатскія владѣнія и области казачьихъ войскъ съ вкрапленнымъ въ нихъ, такъ называемымъ, иногороднимъ населеніемъ.

Въ областяхъ казачьихъ войскъ существуетъ для коренного населенія твердое—и историческимъ прошлымъ, и настоящимъ—концентрирующее общеніе, поглощающее сословныя и, даже, экономическія различія. Всѣ казаки объединяются идеей казачества, равенствомъ въ своеобразныхъ условіяхъ отправленія воинской повинности. Опредѣлить, слѣдовательно, порядокъ избранія представителей казаками не можетъ представить крайнихъ затрудненій. Станица—опредѣляетъ естественный избирательный районъ. Станичный сходъ—готовый составъ выборщиковъ. Нѣкоторый коррективъ необходимо ввести для населенія неказачьяго, чему есть примѣръ въ порядкѣ избранія мировыхъ судей въ Донской области.

Прочія же окраины столь рѣзко отличны одна отъ другой, что никакого общаго шаблона для нихъ предложить нельзя. Можно намѣтить лишь общую идею.

Поляки, литовцы, армяне, нѣмцы, грузины, евреи и т. п., не говоря уже о некультурныхъ инородцахъ, какъ бы они ни были выбраны, придутъ въ обще-русское народное представительство съ своими спеціальными запросами и нуждами. Также точно русскіе по происхожденію сибиряки, жители Кавказа и средне-азіатскихъ владѣній придутъ съ нуждами и запросами мѣстными. Это неустранимо. Положеніе окраинъ и особенно населяющихъ ихъ инородцевъ настолько исключительно, что строго объективнаго отношенія къ обще-государственнымъ вопросамъ со стороны присланныхъ ими представителей ожидать невозможно. Каждый вопросъ они будутъ оцѣнивать подъ угломъ зрѣнія національныхъ или религіозныхъ или мѣстныхъ интересовъ, притомъ для каждой народности, каждаго вѣроисповѣданія и каждой мѣстности отличныхъ.

Для поляка, еврея, армянина доминирующее значеніе имѣютъ не государственный строй, а вопросы языка, національныхъ правоограниченій и религіозныхъ стѣсненій. Что ему до бюрократическаго произвола, когда онъ, въ силу закона, не можетъ дать сыну образованія, не можетъ говорить на родномъ языкѣ или выйти за черту осѣдлости. Его жизненный интересъ гораздо ближе, чѣмъ забота о государственномъ строѣ. И этотъ простой повседневный интересъ жизни стираетъ классовыя, экономическія, сословныя и всѣ другія различія. У себя дома, въ царствѣ польскомъ, полякъ будетъ работодателемъ или рабочимъ, дворяниномъ или крестьяниномъ, аристократомъ или демократомъ. Въ обще-русскомъ же представительствѣ онъ будетъ думать, говорить, вотировать—какъ полякъ.

Выводъ отсюда напрашивается самъ собой. Для избранія представителей населеніе окраинъ должно подлежать національной группировкѣ.

Набросанная система, повторяемъ, отъ совершенства далека. Скажемъ болѣе: она не удовлетворяетъ элементарнымъ требованіямъ нормальной системы государственнаго представительства. Но, какъ таковая, она и не предлагается. Отъ многаго въ ней мы готовы сами отказаться. Пусть только скорѣе получитъ осуществленіе Высочайшая воля, выраженная 18 февраля. Въ этомъ задача минуты. Событія не ждутъ... Поднимать теоретическіе споры, раскалываться изъ-за отвлеченной правды преступно...

Соберется представительство. Наступитъ успокоеніе умовъ. Государственный механизмъ станетъ на новые рельсы. Остановившаяся машина заработаетъ дружно, бодро. Тогда въ новомъ порядкѣ обсужденія законодательныхъ вопросовъ и будетъ выработана та система представительства, при которой въ одинъ голосъ сольются непосредственно голоса всѣхъ ста милліоновъ гражданъ. А на первый разъ голосомъ страны пусть будетъ хоть отзвукъ посредственный — тысячъ ихъ группъ. Что же дѣлать! Сто милліоновъ никогда не пѣвшихъ въ общемъ хорѣ голосовъ нельзя сразу слить въ стройный аккордъ...

Докладъ, читанный въ засѣданіи административнаго отдѣленія Спб. юридическаго общества 7 марта 1905 года.
«Русь» 8 марта 1905 г., № 59.

Справка о смертной казни по русскому праву [1]).

Кіевскій съѣздъ русской группы международнаго союза криминалистовъ 4 января 1905 г. слушалъ и обсуждалъ докладъ проф. И. А. Сикорскаго «О впечатлѣніяхъ человѣка при видѣ смертной казни».

Докладъ, по отчету, былъ законченъ слѣдующими словами: «Итакъ, постепенно сама жизнь показала людямъ, что смертная казнь есть такое позорное дѣло, отъ котораго нужно бѣжать. Тѣмъ болѣе, что сама смерть казненнаго не уничтожаетъ зла,—

---

[1]) Настоящая справка была написана въ отвѣтъ на статью «Московскихъ Вѣдомостей» (20 февраля 1906 г., № 51) подъ заглавіемъ «*Свобода наглаго слова*». Нѣкоторыя выдержки изъ этой статьи, какъ весьма типичныя, приводимъ цѣликомъ:

«Говорятъ, будто причиной смуты является у насъ, между прочимъ, отсутствіе свободы слова... Намъ кажется, что въ этомъ отношеніи мы достигли уже крайнихъ предѣловъ, и дальше идти безусловно некуда.

На V-мъ съѣздѣ русской группы международнаго союза криминалистовъ въ Кіевѣ, въ засѣданіи 4 января, слушался докладъ профессора И. А. Сикорскаго «О впечатлѣніяхъ человѣка при видѣ смертной казни». Аудиторія награждаетъ докладчика продолжительными апплодисментами... Тогда встаетъ членъ группы М. С. Маргуліесъ и говоритъ буквально слѣдующее:

«Мы не можемъ ограничиться одними только апплодисментами. О смертной казни, какъ о наказаніи, не можетъ быть двухъ мнѣній. Но у насъ смертная казнь примѣняется къ тѣмъ, кого казнящіе считаютъ тяж-

да и есть ли это зло, — мы уничтожаемъ только его оболочку, въ которой это зло хранится, само же оно остается. Нужно въ корнѣ измѣнить тѣ условія, которыя порождаютъ его. Тогда исчезнетъ и самая смертная казнь—это позорное зрѣлище. Пусть исчезнетъ!»

кими преступниками, а мы и весь народъ — *героями и мучениками за правду и благо народное.* Мы должны потребовать совершеннаго уничтоженія смертной казни».

...«Посмотримъ же, за какія именно политическія преступленія сохранена въ нашемъ уголовномъ законодательствѣ смертная казнь.

«По уголовному уложенію 22 марта 1903 года высшее наказаніе, смертная казнь, сохранена:

1) за насильственное посягательство на неприкосновенность Священной Особы Царствующаго Императора, Императрицы и Наслѣдника Престола (ст. 99 и 101);

2) за посягательство на жизнь членовъ Императорскаго Дома (ст. 105);

3) за государственную измѣну, заключающуюся въ преданіи непріятелю арміи или флота, отряда войска, укрѣпленнаго мѣста, военнаго порта, въ склоненіи отряда войска къ переходу на сторону непріятеля и такъ далѣе и, наконецъ,

4) за *насильственное* посягательство на измѣненіе въ Россіи установленныхъ законами основного образа правленія или порядка, наслѣдія Престола или на отторженіе отъ государства какой-либо его части и такъ далѣе.

«*И только.*

«Другими словами, по дѣйствующему законодательству смертная казнь установлена у насъ только за цареубійство, за тягчайшій видъ государственной измѣны и за насильственное посягательство на государственный переворотъ.

«И вотъ именно *цареубійцъ, измѣнниковъ и самыхъ опасныхъ заговорщиковъ* адвокатъ М. С. Маргуліесъ, а за нимъ и съѣздъ криминалистовъ провозгласили отъ имени русскаго народа «героями и мучениками за правду и благо народное».

...«Отчетъ о засѣданіи съѣзда криминалистовъ, заключающій въ себѣ восхваленіе цареубійства, помѣщенъ въ «юридической» газетѣ *Право,* въ составъ редакціи которой, какъ видно изъ ея заголовка, входятъ: приватъ-доценты В. М. Гессенъ и А. И. Каминка, профессоръ Л. И. Петражицкій и генералъ-маіоръ руской службы В. Д. Кузьминъ-Караваевъ.

«Можемъ удостовѣрить, что никакихъ сообщеній и слуховъ о привлеченіи къ законной отвѣтственности за публичное прославленіе цареубійства въ печати не появлялось.

«Кажется, свобода слова—достаточная. Дальше такой «свободы слова» можетъ идти только *свобода дѣла...*»

Затѣмъ съѣздъ единогласно принялъ резолюцію:

«Смертная казнь, сохранившаяся въ нашемъ уголовномъ законодательствѣ только за нѣкоторыя, такъ называемыя, политическія преступленія, а на практикѣ широко примѣняемая и во многихъ другихъ случаяхъ, должна быть безусловно исключена изъ нашихъ уголовныхъ кодексовъ, такъ какъ нѣтъ такихъ интересовъ или соображеній государственнаго характера, которые могли бы оправдать ея примѣненіе».

Резолюція эта въ научную постановку вопроса о смертной казни, строго говоря, не внесла ни одного новаго слова. Вопросъ рѣшенъ. Рѣшенъ давно и безповоротно. Попытка итальянской уголовно-антропологической школы вернуть научную мысль къ воззрѣніямъ на казнь среднихъ вѣковъ встрѣтила единодушный отпоръ. И если идею упраздненія уголовнаго права, съ замѣной его уголовной антропологіей, можно считать въ настоящее время отошедшей въ прошлое и не имѣющей будущаго, то, въ значительной мѣрѣ, потому, что она логически приводила къ суровости каръ вообще и къ смертной казни въ частности. Начало гуманности столь глубоко проникло въ сознаніе современнаго человѣка, что и въ наукѣ оно не можетъ не стоять непоколебимо, и разъ теорія его отвергаетъ, она тѣмъ самымъ обрекаетъ себя на скорое забвеніе.

Изъ русскихъ криминалистовъ - теоретиковъ нельзя назвать ни одного сколько-нибудь крупнаго имени, которое стояло бы среди именъ сторонниковъ смертной казни, независимо отъ рода и характера дѣяній, облагаемыхъ этимъ наказаніемъ.

Н. С. Таганцевъ послѣ тщательнаго обзора доводовъ за и противъ смертной казни говоритъ: «Жизнь не оправдала надеждъ, возлагаемыхъ на смертную казнь: она повсюду, какъ доказываютъ статистическія данныя, остается безъ всякаго вліянія на ростъ преступленій. Дѣтоубійство, угрожаемое по французскимъ законамъ смертною казнью, съ 1825 г. болѣе чѣмъ учетверилось; съ отмѣною квалифицированной смертной казни преступленія, ею угрожаемыя, не только не возросли, но нѣкоторыя даже и уменьшились; она не повлекла за собою, какъ предсказывали ея защитники, разрушенія всего существующаго порядка; то же мы видѣли въ Англіи послѣ отмѣны смертной казни за огромное число преступленій законами тридцатыхъ и шестидесятыхъ го-

довъ. Наоборотъ, сторонники смертной казни не могутъ представить данныхъ, которыя бы свидѣтельствовали, что введеніе смертной казни за какія-либо преступныя дѣянія содѣйствовало уменьшенію этихъ преступленій».

«Тѣ же соображенія — продолжаетъ ученый, — а нѣкоторыя еще и съ большею силою, относятся къ примѣненію смертной казни и къ преступленіямъ политическимъ, такъ какъ и въ этихъ случаяхъ, по крайней мѣрѣ въ области правосудія, государство должно преслѣдовать ту же общую карательную цѣль — охрану правопорядка. Смертная казнь и здѣсь также мало устрашительна и примѣрна, также непригодна для обезпеченія общества отъ преступника; недавнее прошлое указываетъ намъ, что эпоха наиболѣе частаго примѣненія смертной казни совпадаетъ съ періодами наиболѣе частаго повторенія тяжкихъ политическихъ посягательствъ. Не нужно забывать, что, дѣйствуя по большей части не изъ личныхъ разсчетовъ и побужденій, преступники политическіе, фанатики, всего менѣе доступны подавляющему чувству страха. Достаточно ничтожной доли фанатизма, чтобы муки смерти казались наградою, чтобы эшафотъ рисовался ступенью безсмертія. Какъ указываетъ опытъ исторіи, этотъ ореолъ мученичества способенъ часто не подавлять, а содѣйствовать развитію вѣрованія или ученія, даже не имѣвшаго, повидимому, надежды на успѣхъ. Оттого преступники, фанатики, сектанты часто жаждутъ публичной казни въ интересахъ своей партіи, жаждутъ принять вѣнецъ. Поучительные примѣры этого рода мы въ изобиліи можемъ найти въ исторіи нашего сектантства. Какъ замѣтилъ еще Гизо, въ то время, когда политическія движенія, революціи имѣли личный, такъ сказать, династическій характеръ, являлись переворотомъ, передававшимъ власть отъ одного лица къ другому, отъ одной главы партіи къ другой, тогда, конечно, уничтоженіе главы или коноводовъ революціоннаго движенія могло похоронить и самое движеніе, ихъ смерть могла дѣйствительно обезпечить на время, а иногда и навсегда, спокойствіе правящей власти; но эпоха подобныхъ движеній для большинства европейскихъ государствъ отошла въ прошлое. Нынѣ господствующее мѣсто заняли движенія, если можно такъ выразиться, идейнаго характера. Стремленія пересоздать государственный или экономическій строй, распростра-

нить то или другое религіозное вѣрованіе, какъ революціонные двигатели, не могутъ, по самому своему существу, сосредоточиваться въ опредѣленной личности, а уподобляются скорѣе гидрѣ Геркулеса съ ея саморастущими головами. Движенія, такъ сказать, демократизировались, а потому истребленіе, хотя бы и массами, ихъ кажущихся вожаковъ безсильно остановить самое движеніе и обезопасить отъ него общество. Лишь въ самомъ содержаніи этого движенія лежитъ залогъ его жизни или смерти».

«Конечно, никакое государство не можетъ безучастно смотрѣть на попытки поколебать его существованіе, его мирное развитіе. Изъ какихъ бы побужденій и идей ни выходили его противники, въ особенности когда ихъ стремленія переходятъ въ область практики, государство можетъ и должно карать виновныхъ; но оно не должно думать, что возможно смертью вырвать движеніе съ корнемъ. И чѣмъ крѣпче правительство, чѣмъ дальше въ глубь вѣковъ идутъ его устои, чѣмъ ближе связь его съ народомъ, не отдѣляющимъ отъ него свою историческую судьбу, тѣмъ безполезнѣе является для него смерть лицъ ему враждебныхъ».

«А потому не надо быть пророкомъ, чтобы сказать, что недалеко то время, когда смертная казнь исчезнетъ изъ уголовныхъ кодексовъ, и для нашихъ потомковъ самый споръ о ея цѣлесообразности будетъ казаться столь же страннымъ, какимъ представляется теперь для насъ споръ о необходимости и справедливости колесованія или сожженія преступниковъ». Этими словами цитируемый авторъ заканчиваетъ въ «Лекціяхъ» два десятка страницъ, посвященныхъ смертной казни и представляющихъ, по богатству матеріала и всесторонности оцѣнки вопроса, не отрывокъ изъ руководства, а самостоятельную монографію [1]).

Тѣ же воззрѣнія являются господствующими въ средѣ нашихъ криминалистовъ-практиковъ. Да и странно было бы иначе. Учениковъ Баршева осталось въ живыхъ немного. За послѣднія же сорокъ лѣтъ ни съ одной университетской каѳедры ни одинъ голосъ не поднимался на защиту вымирающаго института.

Таковымъ онъ признанъ и редакціонной коммиссіей, состав-

---

[1]) *Н. С. Таганцевъ,* Русское уголовное право. Лекціи. Изд. 2. Спб. 1902. Томъ II, стр. 1113—1134.

лявшей проектъ уголовнаго уложенія, воспріявшаго съ 1904 г. въ отношеніи государственныхъ преступленій силу закона. «Всѣ приведенныя данныя—говорится въ объясненіяхъ—несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что смертная казнь, какъ уголовная кара, находится въ періодѣ вымиранія, что, будучи, сравнительно въ недавнее время, центромъ карательной системы почти всѣхъ европейскихъ государствъ, она теперь повсюду сохранила характеръ исключительной мѣры, примѣняемой, и то болѣе какъ угроза закона, къ наиболѣе тяжкимъ дѣяніямъ, направленнымъ противъ основъ государственнаго строя или противъ жизни отдѣльныхъ лицъ».

Отвергнувъ, далѣе, ссылку сторонниковъ смертной казни на народную совѣсть, такъ какъ «эта ссылка стоитъ въ противорѣчіи съ исторіею и современнымъ положеніемъ наказанія смертью въ разныхъ законодательствахъ», и отмѣтивъ «общеизвѣстный аргументъ о непоправимости судебныхъ ошибокъ при примѣненіи смертной казни», составители уложенія въ слѣдующихъ выраженіяхъ формулируютъ свой конечный выводъ и объясняютъ включеніе смертной казни въ перечень ст. 2 проекта:

«Коммиссія Государственнаго Совѣта о тюремномъ преобразованіи, бывшая въ 1878 г. подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря К. К. Грота, также не сочла возможнымъ внести смертную казнь въ разрядъ ординарныхъ взысканій, почему о ней и не упоминается въ законѣ 11 декабря 1879 г. Коммиссія указала только, что «нынѣ не представляется надобности въ расширеніи предѣловъ примѣненія этого наказанія, а разрѣшеніе вопроса о томъ, слѣдуетъ ли удержать смертную казнь во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ она назначается по дѣйствующему законодательству, или же, наоборотъ, число ихъ можетъ быть ограничено, подлежитъ всецѣло составителямъ будущаго уголовнаго уложенія».

«Нынѣ редакціонная коммиссія для составленія первоначальнаго проекта уложенія, принявъ во вниманіе всѣ вышеизложенныя соображенія, полагаетъ, что Россія могла бы сдѣлать новый дальнѣйшій шагъ по историческому пути, преемственно начертанному еще съ прошлаго вѣка, съ царствованія Императрицы Елизаветы, и не только по возможности ограничить число случаевъ примѣненія смертной казни, но и вычеркнуть ее вовсе изъ списка уголовныхъ наказаній, налагаемыхъ по общимъ законамъ».

«Однако, въ виду того, что вопросъ объ отмѣнѣ смертной

казни, кромѣ стороны чисто юридической, заключаетъ въ себѣ и весьма важную политическую сторону, долженствующую значительно влiять на признанiе своевременности или несвоевременности таковой отмѣны, коммиссiя признала болѣе цѣлесообразнымъ, изложивъ приведенныя выше соображенiя о возможности отмѣны смертной казни, представить рѣшенiе сего вопроса на благоусмотрѣнiе Государственнаго Совѣта, а въ лѣстрицу проектируемыхъ нынѣ наказанiй внести и смертную казнь, ограничивъ область ея примѣненiя наиболѣе тяжкими изъ государственныхъ преступленiй» [1]).

При такомъ единодушномъ отношенiи къ вопросу о смертной казни, заранѣе нельзя было сомнѣваться въ томъ, что съѣздъ, по выслушанiи доклада И. А. Сикорскаго, вынесетъ ту именно резолюцiю, которую онъ вынесъ. Едва ли могли быть сомнѣнiя и въ томъ, что она будетъ принята единогласно.

Но безцѣльною резолюцiя эта не была. Съѣздъ не ломился въ открытую дверь.

Въ своемъ стремленiи достичь скорѣйшаго наступленiя желанной отмѣны смертной казни наши авторы особенно подчеркиваютъ исключительность случаевъ ея назначенiя. Во всѣхъ учебникахъ стереотипно повторяется, что Россiя, въ отличiе отъ западныхъ государствъ, уже давно отказалась отъ смертной казни за общiя правонарушенiя и что наказанiе это сохранено только: за наиболѣе тяжкiя формы государственныхъ преступленiй, за нѣкоторыя нарушенiя карантинныхъ правилъ и по военно-уголовнымъ законамъ въ военное время. Въ отношенiи прошлаго, приэтомъ, остается безъ достаточно яркаго освѣщенiя, что, отказавшись отъ повѣшенiя или обезглавленiя, законъ не отмѣнилъ ни кнута, ни плетей, ни шпицрутеновъ, почему въ теченiе долгихъ лѣтъ, послѣ отмѣны смертной казни простой, продолжала примѣняться за общiя правонарушенiя квалифицированная. А въ отношенiи настоящаго или вовсе замалчиваются, или упоминаются вскользь, малозамѣтно, тѣ законодательныя опредѣленiя о дѣянiяхъ, караемыхъ смертной казнью, которыя не занесены ни въ старое уложенiе, ни въ новое.

---

[1]) Уголовное уложенiе, объясненiя къ проекту редакцiонной коммиссiи. Спб. 1885. Часть общая, стр. 33, 35, 37, 39 и 40.

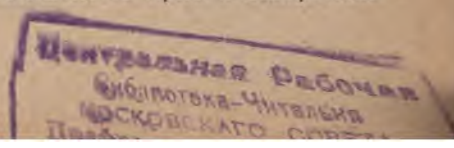
Между тѣмъ, такихъ опредѣленій много, и они охватываютъ громадное число самыхъ разнообразныхъ преступныхъ посягательствъ. Правда, всѣ относящіеся сюда законы именуются временными, примѣняются въ силу, такъ называемыхъ, чрезвычайныхъ обстоятельствъ и ихъ примѣненіе не обязательно, а предоставлено усмотрѣнію административныхъ властей. Но что же изъ этого, когда чрезвычайныя обстоятельства обратились въ нормальныя, когда законы эти дѣйствуютъ десятками лѣтъ и притомъ, непрерывно, а главный изъ нихъ, къ тому же, на пространствѣ всей территоріи государства.

Этотъ главный — положеніе о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія. На основаніи ст. 18 положенія, подвергаются смертной казни: виновные въ вооруженномъ сопротивленіи властямъ или нападеніи на чиновъ войска и полиціи и на всѣхъ вообще должностныхъ лицъ, при исполненіи ими обязанностей службы, или же вслѣдствіе исполненія сихъ обязанностей, коль скоро преступленія эти сопровождались убійствомъ или покушеніемъ на убійство, нанесеніемъ ранъ, увѣчій, тяжкихъ побоевъ или поджогомъ. Разъ какая бы то ни было мѣстность имперіи объявлена въ одномъ изъ видовъ исключительнаго положенія, приведенное правило можетъ имѣть примѣненіе «въ смежныхъ губерніяхъ и областяхъ или даже во всѣхъ остальныхъ мѣстностяхъ государства» (ст. 28 и 31).

Согласно закону 29 іюля 1891 г. (собр. узак. № 95, ст. 1003), подвергаются смертной казни: лица, виновныя въ вооруженномъ нападеніи на служащихъ закавказской желѣзной дороги, при исполненіи ими обязанностей службы, или на пассажировъ сей дороги, коль скоро преступленія эти сопровождались убійствомъ или покушеніемъ на убійство, нанесеніемъ ранъ, увѣчій, тяжкихъ побоевъ, или разбоемъ, грабежомъ или поджогомъ, а равно лица, виновныя въ умышленномъ поврежденіи той же дороги.

Закономъ 25 января 1893 г. (собр. узак. № 31, ст. 289) однородныя правила распространены «на участки Владикавказской желѣзной дороги въ предѣлахъ Терской и Кубанской областей и Ставропольской губерніи».

Законъ 13 сентября 1893 г. (собр. узак. № 160, ст. 1267) опредѣлилъ смертную казнь въ видѣ временной мѣры, впредь до искорененія разбойничества въ Кавказскомъ краѣ и Ставрополь-

ской губерніи за разбой, умышленное убійство, грабежъ съ насиліемъ, поджогъ жилыхъ строеній, возстаніе и вооруженное сопротивленіе властямъ, когда преступленія эти совершены туземцами края безъ различія національности, сословія и исповѣданія.

Наконецъ, и по военно-уголовнымъ законамъ смертная казнь можетъ быть назначаема далеко не исключительно въ военное время. На основаніи 91 ст. воинск. уст. о наказ., «въ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда преступленіе совершено хотя и въ мирное время, но по особенной важности обстоятельствъ, коими оно сопровождалось, представляется необходимымъ, для охраненія воинской дисциплины, судить виновныхъ по всей строгости военно-уголовныхъ законовъ, они подвергаются, по распоряженію главныхъ начальниковъ военныхъ округовъ, суду съ примѣненіемъ наказаній, опредѣленныхъ въ семъ уставѣ для военнаго времени».

Такимъ образомъ, по нашему дѣйствующему праву, въ ряду дѣяній, обложенныхъ смертной казнью, стоятъ и общія преступленія, и нарушенія въ мирное время противъ воинской дисциплины, и преступленія политическія въ самомъ широкомъ смыслѣ понятія — вплоть до нанесенія ранъ или тяжкихъ побоевъ губернатору, полицейскому приставу или околоточному надзирателю. Подобной широкой постановки смертной казни не знаетъ ни одно цивилизованное государство. И что примѣненіе смертной казни стало у насъ на практикѣ, особенно въ послѣдніе годы, повседневнымъ заурядным явленіемъ — объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ пестрящія въ газетахъ извѣстія.

Старое уложеніе разошлось съ дѣйствительностью. А новое ея въ себя не восприняло. Но какъ старательно ни закрывалъ бы глаза кодексъ уголовныхъ законовъ на то, къ чему не лежали симпатіи его составителей, фактъ остается фактомъ. И напоминать объ этомъ необходимо. Необходимо разсѣивать окутывающій дѣйствительность туманъ. *Иначе и вправду кто-нибудь подумаетъ, что возражать противъ смертной казни значитъ прославлять цареубійство.*

«Право» 26 февраля 1905 г., № 8.

Народные представители! Вы нужны немедленно!..

Близятся дни созыва народныхъ представителей.

Не долгими уже мѣсяцами приходится считать время, когда реализуется та мысль, которая могучей волной пронеслась по всей необъятной Россіи, отъ Архангельска до Эривани и отъ Варшавы до Харбина и Владивостока. Та мысль, которая охватила и слила въ одно цѣлое дворянство, чиновничество, купечество, крестьянъ и рабочихъ. Та надежда, за которую, какъ за якорь спасенія, ухватились, вмѣстѣ съ великороссами и малороссами, поляки, евреи, грузины, литовцы, армяне.

Цусимскій бой, гибель эскадры, позорное усиленіе нашими броненосцами японскаго флота—ускорили развязку. Послѣ Мукдена еще могло копошиться слабое сомнѣніе.

Въ водахъ Мадагаскара плавала громада Рождественскаго. Къ ней подходилъ Небогатовъ.

Счастье войны измѣнчиво. Японія отдѣлена отъ Манчжуріи и всего міра морями. Если Рождественскій разобьетъ Того... Если прерветъ сообщеніе Японіи съ материкомъ... Такъ мечтала шовинистическая печать и бюрократія, утопающая въ рѣкахъ крови, пролитой въ Артурѣ, подъ Ляояномъ, Шахэ, Мукденомъ.

Искали виноватыхъ. Хватались за соломину и, выводя изъ одного «если» другое, третье, десятое, забывали, что всѣ слѣдующія опредѣляются первымъ. А это первое—расползшаяся,

гнилая система внутренней жизни. Не соломина—по объему, но меньше соломины способная что-нибудь и кого-нибудь спасти.

Стремившаяся сокрытіемъ истины и хвастливыми увѣреніями, безсодержательными и витіевато напыщенными, кого-то ввести въ заблужденіе, бюрократія, все подавляя и заглушая, обманывала только самое себя. И обманула. Случилось то, что логически неизбѣжно должно было случиться, въ чемъ свободный отъ гипноза умъ не могъ сомнѣваться. Событія не управляются обманомъ, словами. Желать побѣды мало. Нужна дѣйствительная возможность побѣдить. Война—экзаменъ, жестокій, неумолимый...

Въ переживаемомъ ураганѣ событій цусимское пораженіе явилось оглушительнымъ раскатомъ грома и ослѣпительной молніей. Дѣйствительность превзошла самыя мрачныя предчувствія и ожиданія. Нельзя было серьезно вѣрить ни въ уничтоженіе эскадры Того, ни въ прорывъ во Владивостокъ всего флота Рождественскаго. Но никому и въ голову не могло прійти, что въ два дня, почти безъ урона для японцевъ, отъ пятидесяти вымпеловъ придутъ къ цѣли «Алмазъ» и два миноносца. Еще ужаснѣе, что цѣлый отрядъ судовъ поступилъ на службу къ непріятелю.

Полгода приготовленій, полгода плаванія, тысячи погибшихъ жизней, сотни милліоновъ денегъ. Результатъ: увеличеніе боевой силы непріятельскаго флота. Японцы тщетно искали, гдѣ купить броненосцы и крейсеры. Ихъ привели къ нимъ за 20 тысячъ миль мы сами.

И какой цѣной Японія достигла уничтоженія одной части эскадры, разоруженія въ нейтральныхъ портахъ—другой и захвата—третьей? Цѣной двухъ или трехъ потерянныхъ миноносцевъ. Быть можетъ, окажется—четырехъ...

Русскій народъ вѣками угнетенія и безправія, начальническаго всевластія и устраненія отъ малѣйшаго участія въ направленіи хода государственной жизни, разученъ шумно, на людяхъ, реагировать и въ радости, и въ горѣ. Иностранцы 16 и 17 мая ходили по Петербургу въ полномъ недоумѣніи. Они думали видѣть демонстраціи или антиправительственныя, или патріотическія—и не видѣли ничего. Только нѣсколькими днями позже были двѣ-три манифестаціи, вѣрнѣе—неудавшіяся попытки манифестировать.

Но не безразличіе скрылось за мертвой тишиной. Нѣтъ! Мучительно больно отозвалась во всѣхъ тихихъ съ виду обывате-

ляхъ, отъ мала до велика, вѣсть о новомъ тяжкомъ испытаніи и о безпримѣрномъ позорѣ. Когда же это кончится? Не война: несчастная война есть слѣдствіе, результатъ. Когда кончится то, чего разъѣденныя язвы такъ болѣзненно и безжалостно вскрыла война?

По всей странѣ раздался крикъ: немедленно, скорѣй, скорѣй созвать народныхъ представителей!

Зачѣмъ?—Тамъ видно будетъ. Наступилъ моментъ психологическій. У всѣхъ одна мысль, одна надежда... Милліоны голосовъ слились въ одномъ крикѣ больной изстрадавшейся народной души.

Цусимскій бой засталъ русское общество въ разгаръ процесса дифференціаціи политическаго сознанія. Общество, въ лицѣ руководителей движенія, стало готовиться къ будущей творческой дѣятельности. Появились программы. Начали формироваться партіи.

Раньше другихъ обособились партіи крайнія. Правая, реакціонная—протестующая противъ «реформы», отвергающая представительство, желающая задушить движеніе и съ этой лишь цѣлью въ немъ участвующая. Лѣвая, революціонная—пользующаяся движеніемъ, какъ средствомъ вызвать взрывъ и соціальный переворотъ, и потому также стремящаяся противодѣйствовать успѣшному и скорому осуществленію «реформы».

Партіи среднія начали разбиваться по двумъ вопросамъ: о государственной роли представительнаго учрежденія и о порядкѣ производства выборовъ. Возгорѣлась полемика тѣмъ болѣе страстная, чѣмъ ближе по своимъ воззрѣніямъ стоятъ спорящіе другъ къ другу. Наиболѣе детально опредѣлились различія по второму вопросу—первому конкретному для постояннаго живого общенія и сліянія Верховной власти съ народомъ.

Обозначились три главныхъ теченія: выборы всеобщимъ, прямымъ, равнымъ и тайнымъ голосованіемъ, съ примѣненіемъ той же системы въ первый разъ; выборы черезъ посредство органовъ земскаго и городского самоуправленія, преобразованныхъ и распространенныхъ повсемѣстно; выборы, на первый разъ, черезъ существующія земскія собранія и городскія думы, съ частичными поправками образованія ихъ состава.

На этихъ различіяхъ среднія партіи готовы были расколоться.

Особенно рѣшительно и неуклонно послѣдовательно отвергали всякія уступки сторонники всеобщаго избирательнаго права—теоріи, пріобрѣвшей колоссальную популярность и неуязвимо сильной въ своей логической конструкціи. Переходная форма, по ихъ мнѣнію, недостойный компромиссъ, не нужный, безцѣльный и прямо вредный. Ихъ требованіе: всеобщая подача голосовъ во что бы то ни стало. Если невозможно нормально осуществить систему въ краткій срокъ—лучше повременить. Раздавались еще и такіе голоса. Основное условіе системы—свободная и широкая предвыборная агитація. А потому раньше объявленія о созывѣ представителей необходимо обезпеченіе личной неприкосновенности, свободы слова, печати, собраній, сходокъ, уничтоженіе цензуры, отмѣна положенія объ усиленной охранѣ, амнистія и возвращеніе политическихъ ссыльныхъ и т. д.

Эти требованія громко раздавались 24 мая въ Москвѣ, гдѣ съѣхались болѣе трехсотъ земцевъ и горожанъ, мучительнымъ томленіемъ минуты стянутыхъ со всѣхъ концовъ коренной Россіи. Также категоричны были принципіальные противники всеобщаго избирательнаго права. «Представительство, образованное всеобщимъ голосованіемъ—ни за что «я» подъ этимъ не подпишусь!».

25 мая взяло верхъ сознаніе важности момента, безвыходности положенія терзаемой и терзающейся родины и нравственной отвѣтственности за рознь въ способахъ достиженія одной общей цѣли—обновить дорогую отчизну, вырвать изъ рукъ тѣхъ, кто ее поставилъ на край гибели, и не дать въ руки тѣмъ, кто готовъ ее бросить въ водоворотъ соціальной революціи, въ омутъ западной анархіи или нашей русской пугачевщины. Съѣхавшіеся оказались на высотѣ политической зрѣлости: обращеніе о немедленномъ созывѣ представительства отъ всѣхъ подданныхъ безъ различія національностей, состоянія, на равныхъ началахъ, но не обязательно всеобщимъ прямымъ, равнымъ и тайнымъ голосованіемъ—соединило подавляющее большинство.

Это обращеніе съ такимъ же единодушіемъ встрѣтила и поддержала печать. Раскола нѣтъ.

Но онъ каждый день можетъ возродиться.

— Требующіе всеобщей подачи голосовъ сейчасъ же и отвергаюіе какія бы то ни было уступки,—вы сила, сила громадная! Отъ ъ будетъ зависѣть, какъ пройдутъ выборы и какой дадутъ резуль-

татъ. Вы можете внести умиротвореніе въ страну, успокоеніе умовъ. Вы же можете разбудить окончательно готовыя проснуться и кое-гдѣ уже проснувшіяся боевыя силы народа. Но тогда направить ихъ, дать имъ исходъ—будетъ внѣ вашей власти...

Не будемъ спорить по существу вопроса. Мы сторонники одной теоріи. Не будемъ спорить о неподготовленности массъ населенія къ осуществленію избирательнаго права, о трудности или легкости усвоенія выборныхъ пріемовъ, объ отсутствіи всѣмъ извѣстныхъ именъ политическихъ дѣятелей, о большей или меньшей случайности группировки голосовъ. Не будемъ даже спорить о сложившейся, особенно въ деревнѣ, привычкѣ ходить на начальственныхъ помочахъ... Перенесемъ вопросъ на иную почву.

Ваше первое требованіе: устранить все то, что препятствуетъ свободной предвыборной дѣятельности. То, при существованіи чего никакіе выборы не могутъ дать вполнѣ вѣрнаго отраженія истинныхъ нуждъ избирателей и ихъ настроенія, и что при всеобщемъ голосованіи не только можетъ, а должно исказить и неизбѣжно исказитъ волю народа.

Что же это такое? Нѣчто малое, что устранить легко и просто—однимъ росчеркомъ пера?

Цензура, усиленная охрана, административный произволъ, отрицаніе личности—да вѣдь въ этомъ все: все содержаніе нашего государственнаго управленія. Это наслоялось и нагромождалось вѣками и выросло въ стройную своимъ нестроеніемъ и безчисленными противорѣчіями систему, въ которой внѣшній цементъ все связалъ, однако, въ сплошную компактную массу. Это—вкоренилось въ нравы. Этимъ—проникнуты опредѣленія всѣхъ шестнадцати томовъ свода закона. Этимъ—регулируется общественная жизнь страны. Въ этомъ—весь смыслъ современной бюрократіи... Безправіе и произволъ—основные устои нашей жизни—сказано было въ одной резолюціи и затѣмъ повторено въ нѣсколькихъ другихъ. При всей ея парадоксальности, глубоко вѣрная мысль.

Развѣ бюрократія, какъ система, важна сама по себѣ? Развѣ не въ томъ дѣло, что она органически ведетъ къ подавленію личности, къ вѣчной борьбѣ съ проявленіями свободнаго духа, активной мысли, искренняго чувства?

Если бы Россія получила свободу печати, слова, собраній, если бы личность получила признаніе, если бы правовое начало

стало единственнымъ регуляторомъ отношеній между управляемыми и управляющими, то что осталось бы въ пользу настойчиваго, горячаго требованія политической «реформы»? Зачѣмъ она?—спросилъ бы всякій.

Революція реальная, въ области поступковъ и дѣйствій, рисуется у насъ только въ будущемъ. Революція же идейная, въ области мысли, уже есть въ настоящемъ. Внимательное чтеніе ходатайствъ, требованій, адресовъ и резолюцій, въ ихъ хронологическомъ порядкѣ, не оставляетъ въ этомъ ни тѣни сомнѣнія. Неудержимый вихрь, захвативъ общественную мысль, высоко поднялъ ее надъ землей и закружилъ. Причина смѣшалась со слѣдствіемъ и слѣдствіе трактуется какъ самостоятельное явленіе, независимое отъ причины. Что просто и ясно—затуманилось.

Имѣетъ ли какое-либо значеніе форма правленія, сама по себѣ взятая?—Конечно, нѣтъ. Не во имя монархіи, республики, бюрократіи или народовластія образуется государственное общеніе, а во имя тѣхъ благъ, духовныхъ и матеріальныхъ, которыя обезпечиваетъ за человѣкомъ государство. Весь смыслъ формы правленія въ соотвѣтствіи съ задачами государственной организаціи, при данныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ. И если такъ опредѣленно и рѣзко конкретизировалось требованіе созданія въ Россіи народнаго представительства, то только потому, что по единодушному признанію всего мыслящаго общества, одряхлѣвшая, давно себя пережившая и изжившаяся бюрократическая система задачамъ государственнаго бытія не удовлетворяетъ. Какъ же ожидать отъ нея, чтобы она дала свободу слова, мысли, собраній, чтобы она законностью и устраненіемъ произвола самое себя упразднила и тѣмъ расчистила путь къ участію въ государственномъ строительствѣ представителей народа?

Она этого не дастъ. Вы скажете: мы добьемся. — Я отвѣчу: она дать не можетъ.

12 декабря была сдѣлана попытка бюрократическимъ путемъ достичь «упроченія правильнаго хода государственной и общественной жизни». Датированный тѣмъ числомъ указъ заключаетъ въ себѣ едва не цѣликомъ программу освободительнаго движенія. Приведеніе законовъ о крестьянахъ «къ объединенію съ общимъ законодательствомъ Имперіи», въ цѣляхъ обезпеченія пользованія лицами этого сословія положеніемъ «полноправныхъ свободныхъ

сельскихъ обывателей». Принятіе дѣйствительныхъ мѣръ къ охраненію полной силы закона, «дабы ненарушимое и одинаковое для всѣхъ исполненіе его почиталось первѣйшею обязанностью всѣхъ подчиненныхъ властей и мѣстъ». Развитіе на началахъ истиннаго самоуправленія земскихъ и городскихъ учрежденій. Введеніе единаго для всѣхъ и независимаго суда. Государственное страхованіе рабочихъ. Пересмотръ исключительныхъ законовъ, «примѣненіе коихъ сопряжено съ значительнымъ расширеніемъ усмотрѣнія административныхъ властей». Устраненіе національныхъ и религіозныхъ стѣсненій и ограниченій. Установленіе для свободы печатнаго слова точно опредѣленныхъ закономъ предѣловъ.

Прошло шесть мѣсяцевъ кипучей канцелярской работы. И что получилось, кромѣ вороховъ бумаги, исписанной на непонятномъ языкѣ, длинно, безсодержательно и неубѣдительно, и десятка коммиссій, совѣщаній, комитетовъ?—Ничего. Полушагъ впередъ, двадцать полныхъ шаговъ назадъ и сотня шаговъ на мѣстѣ...

Самая мысль объ измѣненіи правового положенія крестьянъ оставлена. А обращеніе ихъ въ гражданъ изъ безгласныхъ и безправныхъ объектовъ начальственныхъ экспериментовъ земскихъ начальниковъ, уѣздныхъ съѣздовъ и губернаторовъ, само собою разумѣется, для свободной подготовки выборовъ неизмѣримо важнѣе всего остального. Крестьянъ вѣдь 80 проц. населенія.

Предположенія о созданіи органовъ административной юстиціи свелись на безконечные споры и пререканія: кому должна подчиняться канцелярія сената—министру юстиціи или первоприсутствующему, — кто долженъ въ засѣданіяхъ докладывать дѣла и сколько слѣдуетъ назначить сенаторамъ жалованья.

По рабочему вопросу были опубликованы длинныя разсужденія о премуществахъ подчиненія фабричной инспекціи министерству финансовъ, а не министерству внутреннихъ дѣлъ. Теперь идутъ пренія о ремесленныхъ инспекторахъ.

Уничтожающе охарактеризовалъ въ комитетѣ министровъ положеніе объ усиленной охранѣ и его практическое примѣненіе товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, бывшій ранѣе директоромъ департамента полиціи. Такой характеристики въ печати никогда не появлялось. Съ его авторитетомъ всѣ согласились и... вынесли рѣшеніе на тему: съ одной стороны нельзя не признаться,

съ другой—должно сознаться. Образована коммиссія, и ей поручено оставить все по старому, но изложить въ иной формѣ. Тѣмъ временемъ усиленная охрана нигдѣ не снята, а вновь введена и въ Ялтѣ, и въ Сморгони — всѣхъ мѣстъ не перечесть. 21 мая снабженъ еще большими полномочіями, чѣмъ знаетъ даже чрезвычайная охрана, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдывающій полиціей. Возстановляется печальной памяти третье отдѣленіе.

17 апрѣля возглашена «терпимость въ дѣлахъ вѣры», свобода инославныхъ исповѣданій и облегченія стѣсненій старообрядцевъ и сектантовъ.

Но 18 мая образованіемъ внѣвѣдомственнаго совѣщанія осуществленіе началъ вѣротерпимости отложено на долгій срокъ.

О свободѣ печати уже пять мѣсяцевъ работаетъ коммиссія. Отвергнута предварительная цензура, право предостереженій, пріостановки изданій, запрета розничной продажи. Осуждена система циркулярнаго изъятія изъ печатнаго обсужденія отдѣльныхъ фактовъ и вопросовъ. Многое еще полезнаго и необходимаго занесено въ журналы коммиссіи. А цензоры вычеркиваютъ цѣлые газетные номера, задерживаютъ книги, кары сыплются на редакторовъ и издателей попрежнему, рѣдкая недѣля не приноситъ новаго циркуляра...

Неужели опыта бюрократическими силами провести въ жизнь возвѣщенное и намѣченное 12 декабря недостаточно? Неужели возможно думать, что бюрократія, если бы даже пожелала, въ силахъ создать правовыя условія—обезпечить неприкосновенность личности и жилища, отграничить сферу общественной самодѣятельности гражданина, дать свободу слова, собраній, сходокъ, печати?

Для этого нужна громадная—и по объему, и по напряженности—творческая работа. Отмѣнить уставъ о цензурѣ не значитъ дать свободу печати. Нужно создать на мѣсто его другой кодексъ, нужно передѣлать уголовное уложеніе, измѣнить законы гражданскіе, учрежденіе губернское. Отмѣнить исключительный законъ, не измѣняя общаго, тоже нельзя. Не лучше тогда будетъ, а хуже. [illegible] е не примѣнилъ однажды исключительнаго закона къ лицу, [illegible] ему черезъ границу нелегальное изданіе, а предалъ его [illegible] точномъ основаніи общаго закона. Вмѣсто администра-

тивной ссылки, виновный былъ присужденъ къ заключенію въ исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи, съ лишеніемъ правъ и послѣдующей отдачей подъ надзоръ полиціи. Наказанія онъ полностью не отбылъ, но не въ силу общаго закона, а вопреки ему.

Недавно два редактора газетъ за однородный проступокъ печати не подверглись никакой административной карѣ. Съ ними поступили по закону: противъ нихъ возбуждено судебное преслѣдованіе. Имъ грозитъ заключеніе въ исправительномъ домѣ до трехъ лѣтъ или поселеніе. Если судъ найдетъ смягчающія обстоятельства—тюрьма. Говорятъ: судъ ихъ оправдаетъ. Но если поступки заключаютъ въ себѣ признаки состава преступнаго дѣянія, это тоже будетъ актъ неправомѣрный.

Нельзя сказать: отнынѣ личность человѣка, не совершившаго дѣянія, воспрещеннаго закономъ подъ страхомъ наказанія, неприкосновенна, отнынѣ основа дѣятельности администратора—законъ. Сказать—и поставить точку. Вѣдь это значитъ сразу, вдругъ, упразднить институтъ земскихъ начальниковъ. Упразднить его необходимо и какъ можно скорѣе. Но упразднивъ, нужно одновременно замѣнить какой-нибудь новой организаціей. Ибо и земскіе начальники не только осуществляютъ дискреціонную карательную власть надъ крестьянами и опекаютъ ихъ отъ самихъ себя. И они несутъ обязанности, безъ исполненія которыхъ кѣмъ-нибудь деревня не можетъ обойтись ни одного дня...

Первый тезисъ нынѣшняго освободительнаго движенія: такъ дальше жить нельзя. Населеніе задыхается въ тискахъ произвола. Экономическія силы истощены. Кредитъ подорванъ. Всякое развитіе законодательства остановилось. Ужасная война...

Второй тезисъ: на смѣну произвола долженъ стать правовой порядокъ.

Третій: создать его, укрѣпить и обезпечить можетъ только, въ согласіи съ Верховной властью, самъ народъ, черезъ выбранныхъ имъ представителей.

Гдѣ же логика въ требованіи отъ существующаго строя — отъ бюрократіи,—чтобы онъ создалъ самъ, для нормальнаго образованія представительства, то, что составляетъ главные элементы правового порядка и въ созданіи чего цѣль созыва представителей?

Для тѣхъ, кто не вѣритъ въ мирное разрѣшеніе кризиса, кого руководятъ иныя стремленія, и кто ставитъ себѣ иные

идеалы—такая постановка логична. Но для тѣхъ, кто работаетъ, чтобы предотвратить взрывъ, кто сохраняетъ надежду на мирный исходъ, кто вѣритъ въ представительство и въ правовое государство, кому одинаково чужды и бюрократическій произволъ и неясныя очертанія нигдѣ неизвѣданныхъ новыхъ формъ соціальнаго быта—въ ней есть внутреннее противорѣчіе.

Въ вопросахъ политическихъ нѣтъ ни абсолютно хорошаго, ни абсолютно дурного. Есть лучшее и худшее. Все относительно и условно. Чашки вѣсовъ, на которыхъ взвѣшиваются соображенія и доводы за и противъ, обыкновенно колеблются едва замѣтно. Рѣдко, когда одна рѣшительно перетягиваетъ другую.

Фактическую недостижимость предварительнаго созданія, длл первыхъ выборовъ, условій свободной предвыборной дѣятельности признаютъ менѣе прямолинейные сторонники всеобщаго избирательнаго права. И все-таки они требуютъ, чтобы первое народное представительство было созвано всеобщей, прямой и равной подачей голосовъ. Съ ихъ точки зрѣнія, большая вредоносность отсутствія нормальныхъ условій для системы всеобщаго голосованія съ избыткомъ покрывается несовершенствами земскаго и городского представительства, искусственностью группировки населенія для выборовъ гласныхъ земскихъ собраній и городскихъ думъ, громаднымъ преобладаніемъ въ земствѣ—сословно-дворянскаго представительства, въ городахъ—купеческаго.

Опять не будемъ спорить по существу вопроса. Допустимъ, что ваша оцѣнка правильнѣе. Не въ этомъ дѣло.

— А можете ли вы разсчитывать, что правительство добровольно убѣдится вашими доводами или сочтетъ себя вынужденнымъ удовлетворить ваше требованіе?—Отвѣтьте не выраженіемъ желанія и убѣжденія. Отвѣтьте на основаніи объективныхъ данныхъ.

Какъ сообщаютъ газеты, коммиссія А. Г. Булыгина нашла всеобщее избирательное право «неосуществимымъ». Это ли именно соображеніе руководило коммиссіей или другія—все равно. Коммиссія отвергла систему—въ этомъ суть. За нею отвергнетъ совѣтъ министровъ и совѣщаніе. Сомнѣваться было бы наивно.—Вы громадная сила для страны, ибо за вами и въ вашихъ рукахъ общественное мнѣніе. Но въ глазахъ правительства вы сила, еще не признанная...

Бюрократія не дастъ всеобщаго избирательнаго права и не можетъ дать.

Для этого тоже нужна громадная творческая работа. Схема: всѣ подаютъ голоса прямо, равно и тайно—проста только въ отвлеченномъ построеніи. Нигдѣ въ мірѣ она не осуществляется цѣликомъ, безъ изъятій, безъ частныхъ поправокъ, обусловливаемыхъ примѣненіемъ схемы къ конкретнымъ условіямъ—историческимъ, бытовымъ и соціальнымъ—каждаго даннаго государства. Захваченная вихремъ общественная мысль не считается съ безконечнымъ множествомъ вопросовъ, на первый взглядъ второстепенныхъ, техническихъ, въ сущности же могущихъ или развить принципъ, или свести его на нѣтъ. Сколько писать избирателю именъ, какъ сформировать участки, раздѣлить ли активное право и пассивное, кого устранить отъ участія въ выборахъ и т. д., и т. д.—все это надо тщательно обсудить и сообразить съ фактами русской дѣйствительности, въ свою очередь безконечно разнообразными для Петербурга и глухой деревни, Варшавы и Кавказа, Туркестанскаго края и Архангельска, Иркутска и Владивостока.

Можно ли ждать, что бюрократія, безсильная создать ветеринарный уставъ, дорожный законъ, тридцать лѣтъ работающая надъ проектомъ гражданскаго уложенія, вдругъ—и именно въ настоящій бурный моментъ—обнаружитъ такую колоссальную творческую способность! Она можетъ идти лишь по готовымъ шаблонамъ: брать настоящее или вчерашнее прошлое—земское положеніе 1864 г.

Только народные представители въ силахъ будутъ справиться съ задачей организаціи всеобщихъ, прямыхъ и равныхъ выборовъ. Это будетъ ихъ первый шагъ.

Они еще не собраны, а вы уже бросаете имъ упрекъ. Вы говорите, что представители, посланные не всеобщимъ голосованіемъ никогда не измѣнятъ избирательной системы. Что даетъ вамъ право безапелляціонно осуждать тѣхъ, кто придетъ въ Государственную Думу черезъ земскія избирательныя собранія? Или, по вашему, это вѣрный выводъ изъ сорокалѣтней дѣятельности земскихъ учрежденій, изъ сорокалѣтней страды на пользу обездоленныхъ, голодныхъ, немощныхъ физически и духовно?... Крестьянство, не смотря на всѣ бюрократическія путы, выросло. Кому оно обязано?...

При первыхъ выборахъ всеобщаго голосованія не будетъ. Это фактъ неустранимый.

— Неужели же вы откажетесь баллотировать и баллотироваться? Неужели вы направите свои усилія на дискредитированіе выборовъ? Неужели вы будете дѣйствовать по принципу: или все, или ничего?

— Помните: вы сила. Въ вашей власти отдать родину въ руки всесокрушающей реакціи или пугачевщины. На васъ падетъ страшная отвѣтственность...

— Примиритесь съ фактомъ. Ведите въ предѣлахъ факта—да съ оглядкой, да среди не гражданъ, а ихъ классовыхъ и групповыхъ общеній—предвыборную агитацію. Не задавайтесь созданіемъ сразу идеально-прекраснаго, даже просто хорошаго. Стремитесь достичь наименѣе дурного, наиболѣе, при данномъ фактѣ, хорошаго. Баллотируйте, баллотируйтесь!...

— Вы до боли нужны Россіи. *Вы нужны немедленно!*

«Пора изъ-за черныхъ и зловѣщихъ тучъ показаться солнцу свободы и порядка»...

Пора разрѣшить ужасный внѣшній конфликтъ. Пора потушить пламя внутренней усобицы...

Прочь рознь! Всѣ сплотимся дружно подъ однимъ знаменемъ.

«Немедленный созывъ народныхъ представителей!»

«Пусть рѣшатъ представители жизненный вопросъ государства, вопросъ о мирѣ и войнѣ, пусть опредѣлятъ они условія мира или, отвергнувъ его, сдѣлаютъ войну народною. Пусть они явятъ всему міру Россію, не раздѣляемую и болѣе не изнемогающую во внутренней борьбѣ, но исцѣленную и могущественную въ своемъ возрожденіи и сплотившуюся вокругъ единаго стяга народнаго. Пусть установятъ они въ согласіи съ Царемъ обновленный государственный строй»...

«Русь» 9 іюня 1905 г.,
№ 152.

Объясненія по поводу іюльскаго земскаго съѣзда.

6—8 іюля 1905 г. въ Москвѣ происходилъ четвертый земскій съѣздъ. По окончаніи съѣзда, на сенатора Постовскаго было возложено порученіе произвести разслѣдованіе о съѣздѣ и о принятыхъ на немъ рѣшеніяхъ. Въ числѣ другихъ участниковъ съѣзда, я также былъ привлеченъ къ опросу. Печатаемыя объясненія были представлены сенатору Постовскому 30 іюля.

Авторъ.

---

6 іюня Государемъ Императоромъ была принята депутація земскихъ и городскихъ дѣятелей, выбранная совѣщаніемъ 24—25 мая, причемъ Его Величество разрѣшилъ передать сказанныя Имъ слова всѣмъ близкимъ, живущимъ на землѣ и въ городахъ, и выразилъ призывъ къ содѣйствію въ предначертанной государственной работѣ.

При такихъ условіяхъ, для всѣхъ участниковъ совѣщанія не оставалось мѣста для сомнѣнія въ томъ, что новое совѣщаніе въ ближайшее время не только можетъ, но должно состояться. Принять мѣры для его созыва являлось прямой обязанностью для депутаціи, ибо содѣйствіе въ предначертанной государственной работѣ явно относилось къ выбравшимъ и пославшимъ депутацію и не могло выразиться иначе, какъ въ совмѣстномъ обсужденіи

вопросовъ, связанныхъ съ выполненіемъ предначертаній Его Величества.

Разрѣшенная указомъ 18 февраля всѣмъ обществамъ и отдѣльнымъ лицамъ, разработка видовъ и соображеній, касающихся усовершенствованія государственнаго устройства, для участниковъ обще-земскихъ совѣщаній, собиравшихся уже три раза, послѣ 6 іюня стала обязанностью, долгомъ.

Между тѣмъ, совѣщаніе 6 іюля встрѣтило неожиданныя препятствія, противорѣчивые слухи о чемъ проникли въ печать задолго до его открытія.

6 іюля совѣщаніе собралось. Передъ началомъ занятій, Ф. А. Головинъ сдѣлалъ докладъ о своихъ личныхъ переговорахъ и письмѐнныхъ сношеніяхъ съ московскими генералъ-губернаторомъ, губернаторомъ и и. д. градоначальника. Докладъ показалъ, что по поводу созыва совѣщанія происходили какія-то непонятныя пререканія между генералъ-губернаторомъ и подчиненными ему лицами, дѣйствовавшими по приказаніямъ «изъ Петербурга». Но и намека не было, чтобы эти приказанія исходили отъ Государя Императора.

Вслѣдъ затѣмъ явилась полиція въ лицѣ полиціймейстера и нѣсколькихъ офицеровъ. Полиціймейстеръ прочелъ предписаніе на его имя и. д. градоначальника. На вопросъ, по чьему распоряженію и. д. градоначальника требуетъ, чтобы собравшіеся участники совѣщанія разошлись, полиціймейстеръ, какъ въ этотъ моментъ, такъ и потомъ, при чтеніи протокола, давалъ сбивчивые и уклончивые отвѣты,—сперва говорилъ о какой-то телеграммѣ отъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ, затѣмъ отъ этого отказался.

Полиціймейстеръ прочелъ бумагу и удалился составлять протоколъ. Совѣщаніе приступило къ занятіямъ. Полицейскіе офицеры стояли въ дверяхъ и слушали, въ качествѣ любопытныхъ. Составленіе протокола продолжалось до 6 ч. вечера, очевидно для того, чтобы не мѣшать занятіямъ.

Предъявленное въ такихъ условіяхъ требованіе разойтись имѣло характеръ соблюденія какой-то безсодержательной формальности и было совершенно непонятно своей непослѣдовательностью и тщательнымъ для чего-то сокрытіемъ, по чьей инщіативѣ оно предъявляется.

Но самый фактъ явки полиціи произвелъ на совѣщаніе угнетающее впечатлѣніе. Имъ явно обнаружилось противорѣчіе въ дѣйствіяхъ административной власти словамъ и волѣ Его Величества. Ораторы, при обсужденіи разныхъ вопросовъ, въ теченіе всѣхъ трехъ дней многократно къ нему возвращались.

Явка полиціи несомнѣнно отразилась на настроеніи совѣщанія и была одною изъ причинъ нервности и повышенности тона преній.

Второю причиною, отчасти, были свѣдѣнія о какихъ-то прокламаціяхъ, въ которыхъ народъ призывался расправиться дикой силой съ участниками совѣщанія и писалась недостойная клевета на нѣкоторыхъ уважаемыхъ лицъ.

Главная причина, однако, заключалась не въ этомъ. Съ половины мая я живу въ деревнѣ и за полтора мѣсяца значительно отсталъ отъ хода развитія общественнаго движенія. Меня поразило, насколько онъ измѣнился въ такой короткій промежутокъ времени. Участники совѣщанія 6—8 іюля—тѣ же самые люди—были, по взглядамъ, совсѣмъ не тѣми, какими они были 24—25 мая. Взгляды и требованія всѣхъ, за немногими исключеніями, рѣзко передвинулись влѣво. И бесѣды, съ цѣлью выясненія этого явленія, меня убѣдили, что участники совѣщанія не лично измѣнили свои взгляды, а ихъ взгляды, будучи отраженіемъ воззрѣній на мѣстахъ, отразили перемѣщеніе влѣво всего общественнаго настроенія. На мѣстахъ, особенно на югѣ, болѣзненно ждутъ созыва представительства, и медленность, откладываніе объявленія закона со дня на день, съ недѣли на недѣлю, въ связи съ частными вспышками открытыхъ волненій, породили уже вопросъ: да можно ли ожидать обѣщанную реформу, дадутъ ли ее?

На совѣщаніи этотъ вопросъ не былъ предметомъ обсужденія, но опасность въ этомъ отношеніи была. Опасность—потому что общее настроеніе не давало увѣренности за спокойный отвѣтъ большинства.

Несмотря на такое настроеніе, совѣщаніе все-таки въ своихъ резолюціяхъ осталось, по моему убѣжденію, вѣрнымъ тѣмъ началамъ, которыхъ оно держалось ранѣе. А именно: полное отрицаніе дѣятельности революціонной, законность способовъ и открытый (не тайный) характеръ засѣданій. По первому требованію полиціи, 6 іюля ея представителю были вручены всѣ доклады, проекты резолюцій и пр.

Резолюція, называемая «обращеніемъ», заключаетъ въ себѣ, быть можетъ, нѣкоторыя выраженія, которыя можно было бы смягчить. Но въ этомъ отношеніи совѣщаніе вынуждено было сдѣлать уступку наиболѣе крайнимъ мнѣніямъ, дабы сохранить главное: указаніе, нѣсколько разъ повторенное, на мирныя, легальныя и открытыя средства дѣйствій. Не менѣе важнымъ представляется принятый совѣщаніемъ способъ оглашенія резолюціи: напечатать въ газетахъ, а если это окажется невозможнымъ— разослать членамъ совѣщанія и въ земскія и городскія управы, какъ было сдѣлано съ резолюціями 22 — 26 апрѣля. Подпольное печатаніе резолюціи придало бы иной тонъ дѣятельности совѣщанія, и совѣщаніе это отвергли.

Проектъ учредительнаго закона, напечатанный въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», совѣщаніемъ во всѣхъ подробностяхъ не былъ разсматриваемъ и не былъ принятъ, а потому о представленіи его въ совѣтъ министровъ, насколько я помню, рѣчи въ совѣщаніи не было.

Вопросъ о единствѣ дѣйствій съ союзомъ союзовъ и съ другими какими-либо организаціями въ совѣщаніи не обсуждался, даже не возникалъ и никакого рѣшенія по этому предмету принято не было.

Около 2 часовъ ночи съ 8 на 9 іюля совѣщаніе было закрыто, и какія бы за симъ ни были принимаемы членами совѣщанія резолюціи, онѣ не могутъ считаться рѣшеніями совѣщанія.

Я уѣхалъ изъ Москвы утромъ 9 іюля; на бывшемъ въ тотъ день банкетѣ не присутствовалъ.

Въ заключеніе считаю долгомъ привести свое мнѣніе о современномъ положеніи общественнаго настроенія и о роли и значеніи обще-земскихъ совѣщаній.

Россія или наканунѣ широкихъ коренныхъ реформъ, или наканунѣ взрыва безпощадной революціи. Революціи и политической, и соціальной въ одно время, которая все смететъ. Медлить съ реформами — играть съ огнемъ. Каждую минуту можетъ вспыхнуть взрывъ и тогда уже будетъ поздно.

Движеніе среди молодежи, бурное, съ рѣзко выраженными эксцессами, не такъ опасно, какъ движеніе среди людей уравновѣшенныхъ, зрѣлыхъ, сейчасъ еще чуждающихся незаконной дѣятельности. Только они могутъ служить надежнымъ оплотомъ

для проведенія реформъ. Если они извѣрятся, правительству не на кого будетъ опереться.

Пока эти элементы, комплектующіе земскія собранія, а черезъ нихъ и обще-земское совѣщаніе, находятся у совѣщанія въ рукахъ: они твердо держатся его рѣшеній. А за ними прислушиваются къ голосу совѣщанія и иныя общественныя группы, отлично понимая, кто составляетъ на мѣстахъ, въ глуши, наибольшую силу.

Отсюда вытекаетъ громадное значеніе земскаго совѣщанія, какъ союза, сдерживавшаго до сихъ поръ требованія и заявленія въ предѣлахъ разумной осторожности и возможной осуществимости. Но съ каждымъ мѣсяцемъ его положеніе становится все болѣе труднымъ. Принятіе 6 іюня Государемъ Императоромъ депутаціи казалось легализировало занятія совѣщанія и давало надежду на то, что слѣдующее собраніе будетъ уже оффиціально признаннымъ съѣздомъ. Вышло наоборотъ.

Повторяю: совѣщаніе 6—8 іюля осталось на прежнихъ началахъ. Не останется ли то, которое предстоитъ, если на него опять будутъ направлены полицейскія воздѣйствія—большой вопросъ. Разъ совѣщаніе сойдетъ съ этихъ началъ, его существованіе окончится, образуется одна или нѣсколько политическихъ группъ, безъ значенія и сдерживающаго вліянія обще-земскаго совѣщанія.

Глубокое заблужденіе думать, что члены совѣщанія наиболѣе радикальные представители земскихъ собраній, питающіе духъ недовольства.

Нынѣшніе члены совѣщанія проникнуты стремленіемъ предотвратить революцію. Но, будучи сами преслѣдуемы, они скоро могутъ сдѣлаться безсильными.

Совѣщательное представительство.

I.

Въ древнемъ, какъ міръ, спорѣ охранителей съ прогрессистами первые всегда упрекаютъ вторыхъ въ теоретичности, разумѣя подъ нею отвлеченность и оторванность сужденій, выводовъ и требованій отъ реальныхъ фактовъ и условій.

Когда вопросъ касается простого сохраненія того, что существуетъ,—такой упрекъ, пожалуй, понятенъ. Но когда обѣ стороны сходятся въ отрицательномъ отношеніи къ существующему и въ необходимости коренной реформы, онъ не можетъ не вызывать недоумѣнія.

Не все ли равно, куда обращать взоръ отъ данныхъ фактовъ и условій: впередъ или назадъ? Не все ли равно: создавать новое или возсоздавать старое, если это старое давно утрачено? Въ обоихъ случаяхъ отправною точкою является не существующее, а нѣчто иное, отвлеченное.

Образованіе въ Россіи представительнаго учрежденія, послѣ рескрипта 18 февраля и особенно послѣ словъ Государя, сказанныхъ 6 іюня, спорнаго вопроса болѣе не составляетъ. Охранители въ буквальномъ смыслѣ понятія отпали и говорить съ ними не о чемъ. Общественная мысль занята инымъ вопросомъ: какой характеръ долженъ быть данъ представительству—слѣдуетъ ли его снабдить правомъ рѣшающаго голоса или совѣщательнаго?

Современная русская дѣйствительность не знаетъ государ-

ственнаго представительства вовсе, а потому сами по себѣ факты дѣйствительной жизни отвѣта не даютъ. Неизбѣжно отвлеченное логическое построеніе. Прогрессивные элементы, основываясь, между прочимъ, на опытѣ Запада, объединились на принципѣ рѣшающаго голоса. Голосъ совѣщательный приняли подъ свою защиту элементы, черпающіе идеалъ изъ далекаго прошлаго московскаго государства. Они суть тоже охранители, ибо охраняютъ незыблемыя и своеобразныя, по ихъ утвержденію, начала, исключительно свойственныя русскому народу. И они тоже упрекаютъ противниковъ въ теоретичности.

А между тѣмъ, кто, какъ ни они, переносятъ споръ на почву самой высокой отвлеченности!

Доводы въ пользу совѣщательнаго представительства не многосложны. Неограниченное самодержавіе царя и общеніе царя съ народомъ въ формѣ призыва выборныхъ представителей для свободнаго обнаруженія передъ царемъ мнѣнія народа—суть исконныя русскія начала. «Царю—вся сила власти, народу—сила свободнаго мнѣнія».

Д. Н. Шиповъ въ своей извѣстной запискѣ подкрѣпляетъ ихъ еще ссылками на авторитетъ тѣхъ западныхъ писателей, которые несочувственно относятся къ парламентаризму. Точнѣе—не признаютъ парламентаризма абсолютно совершенной формой правленія, одинаково приложимой, не только въ главныхъ чертахъ, но и въ деталяхъ, во всѣ времена, къ нравамъ, быту и прочимъ особенностямъ всѣхъ странъ и народовъ.

Но ссылки эти ничего не доказываютъ и ничего не прибавляютъ къ основному положенію. Во-первыхъ, въ необъятной литературѣ государственнаго права на каждое цитируемое слово Джемса Брайса, Токвиля, Дайси, Каутскаго и т. д. легко найти столь же краснорѣчивыя слова другихъ, не менѣе авторитетныхъ авторовъ. Достаточно напомнить, что пишетъ о совѣщательномъ представительствѣ нашъ русскій ученый, Чичеринъ: «Совѣщательныя представительныя собранія пригодны лишь для идиллическаго взаимнаго объясненія въ любви правительства и депутатовъ, а не для рѣшенія государственныхъ вопросовъ. Безправная сила—несообразность въ государствѣ, и совѣщательное собраніе или исчезаетъ, или получаетъ опредѣленный объемъ правъ» [1]).

---

[1]) Б. Н. Чичеринъ, «О народномъ представительствѣ», стр. 137.

А, во-вторыхъ—и это самое важное,—аргументація цитатъ, приводимыхъ Д. Н. Шиповымъ, направлена не на то, что утверждаютъ конституціоналисты, а на его собственное произвольное обобщеніе ихъ утвержденій. Онъ говоритъ, что конституціоналисты будто бы исходятъ, прежде всего, изъ признанія, что «политическое творчество человѣчества изсякло» и «ничего, кромѣ западнаго парламентаризма, ни одинъ народъ для себя создать не можетъ». Развѣ въ этомъ предметъ разнорѣчія? Думаемъ, что всѣ современные русскіе конституціоналисты, вмѣстѣ съ Д. Н. Шиповымъ и съ «самыми крупными авторитетами политической мысли западно-европейскаго міра», безъ всякихъ цитатъ согласятся, что человѣческое творчество не изсякло, что черезъ тысячелѣтіе во Франціи едва ли сохранится нынѣшняя республика съ президентомъ, двумя палатами и съ ежегодно распадающимся министерствомъ, въ Германіи—конституція 1870 года, въ Австро-Венгріи искусственное сочетаніе, частью автономныхъ, частью полуправныхъ народностей, и что парламентаризмъ непримѣнимъ сейчасъ въ Монголіи, Тибетѣ и центральной Африкѣ.

Предметъ спора не въ томъ, какую форму правленія должна имѣть Россія черезъ тысячу, даже черезъ сто лѣтъ. Онъ неизмѣримо ближе. Онъ касается Россіи современной, Россіи 1905 года, всколыхнувшейся, пробудившейся и стоящей на грани перехода отъ одного политическаго строя къ другому. Онъ касается средствъ и способовъ участія населенія въ направленіи хода государственной жизни черезъ представительство которое не сегодня-завтра будетъ созвано.

И въ предѣлахъ такой постановки, «конституціоналисты», по терминологіи Д. Н. Шипова, дѣйствительно считаютъ единственно нормальнымъ исходомъ предоставленіе представительству не только права давать совѣтъ, но и права постановлять рѣшенія, вступающія въ силу по утвержденіи ихъ монархомъ. Охранители же русской старины требуютъ возсозданія совѣщательныхъ земскихъ соборовъ XVI и XVII вѣковъ.

II.

Дабы «исконность началъ» являлась доводомъ не отвлеченнымъ, необходимо, чтобы существовала неразрывная историческая преемственность между ними и данными конкретными фактами. Необходимо, чтобы начала эти сохраняли реальное воплощеніе въ современныхъ условіяхъ. Воплощенія номинальнаго, т.-е. сохраненія термина, а не его содержанія, само собою разумѣется, недостаточно.

Славянофилы блестяще выяснили всю глубину Петровской реформы. Ея суть, говоритъ Д. Х.***, «сводится къ одному—*къ замѣнѣ русскаго самодержавія — абсолютизмомъ.* Самодержавіе, означавшее первоначально единодержавіе, становится съ нею римо-германскимъ *императорствомъ*».

«Власть ради власти, автократорство ради самого себя, самодовлѣющее,—вотъ чѣмъ Петръ и его преемники, а за ними ихъ современные апологеты стремились замѣнить живое народное понятіе объ органическомъ строѣ государства, въ которомъ царь—глава, народъ—члены, требующіе для правильнаго дѣйствія своего «взаимодѣйствія» и «органической» связи, при наличности которыхъ «свобода» власти не исключаетъ зависимости своей отъ общихъ всему народному организму началъ; при ней же свобода власти—не произволъ, а зависимость народа—не рабство» [1]).

Авторъ, правда, затѣмъ развиваетъ излюбленную славянофилами мысль, что идеи истиннаго самодержавія, противополагаемаго абсолютизму, изъ народнаго сознанія не вытравили ни Петръ, ни его преемники, ни «ихъ современные апологеты». Но сохраняться въ сознаніи не значитъ имѣть реальное воплощеніе въ фактахъ дѣйствительности.

Фактическій «разрывъ съ историческимъ народнымъ прошлымъ», наступленія котораго въ 1905 г. опасается всеподданнѣйшій адресъ, представленный депутаціей «истинно-русскихъ» людей, произошелъ двѣсти лѣтъ назадъ. «Истинно-русскіе» люди «жаждутъ уничто-

---

[1]) Д. Х.*** «Самодержавіе. Опытъ схематическаго построенія этого понятія. Приложеніе къ сочиненіямъ А. С. Хомякова». Изд. 2. Москва. 1905. Стр. 12.

женія того средостѣнія, которое въ теченіе долгихъ лѣтъ понемногу созидалось и съ каждымъ годомъ все болѣе крѣпло между живыми общественными силами и самодержцемъ», и не замѣчаютъ— насколько своими собственными словами разбиваютъ не отвлеченно-идейное, а практическое значеніе ссылки на исконныя начала.

«Исторически выработавшійся государственный укладъ» (слова того же адреса) за двѣсти лѣтъ петербургскаго періода русской исторіи рухнулъ. «Средостѣніе» созидалось — и создалось; съ каждымъ годомъ все болѣе крѣпло—и обратилось въ могущественный непроницаемый монолитъ. На мѣсто русскаго самодержавія, въ основныхъ его, по ученію славянофиловъ, признакахъ, сталъ западный абсолютизмъ съ неизбѣжнымъ для него, по тому же ученію, противоположеніемъ—народоправствомъ [1]).

Гдѣ же непрерывная преемственность началъ? Что общаго въ реальныхъ фактахъ и условіяхъ настоящаго момента и разрушеннаго далекаго прошлаго? Попытка возсоздать прошлое возможна—не споримъ. Но она требуетъ иного обоснованія. Мало сказать, что такое прошлое когда то имѣло мѣсто. Раньше московскаго періода Россія пережила долгій періодъ удѣльно-вѣчевой. Никто, однако, не станетъ утверждать, что мыслимо въ XX в. вернуться къ юридическимъ формамъ этого періода только потому, что онѣ когда то примѣнялись. Если не слѣдуетъ забывать отдаленной исторіи народа, то тѣмъ менѣе позволительно вычеркивать и игнорировать исторію ближайшихъ эпохъ и ея наличный результатъ.

Основной реальный фактъ нынѣшняго нашего государственнаго строя—разъединеніе верховной власти и народа, и, «созданное бюрократіей—по выраженію Д. Н. Шипова—ограниченіе самодержавной царской власти».

Основныя реальныя условія: безправіе населенія, съ одной стороны, бюрократическое всевластіе и произволъ, захватившіе область управленія, суда и даже законодательства—съ другой.

Эти фактъ и условія суть слѣдствія отступленія отъ исконныхъ началъ—говорятъ требующіе возврата назадъ на двѣсти лѣтъ. Пусть такъ! Но вѣдь они—эти фактъ и условія—нынѣ

[1]) Тамъ же, стр. 11 и др.

существуютъ конкретно, а не начала, отступленіе отъ которыхъ ихъ породило. Для настоящаго момента исконныя начала неизмѣримо большая отвлеченность, нежели примѣръ чужихъ странъ.

И этой отвлеченностью затемняется практическая сторона вопроса.

Сторонники совѣщательнаго представительства оставляютъ вовсе безъ освѣщенія, какимъ способомъ достижимо осуществленіе ихъ формулы—не въ условіяхъ московскаго государства, а въ условіяхъ государства современнаго,—государства, живущаго кипучей жизнью, въ которомъ правовая регламентація не скользитъ по поверхности, а пронизываетъ до глубинъ безконечно сложныя и ежечасно смѣняющіяся юридическія отношенія,—государства, вставшаго на путь властнаго регулированія отношеній экономическихъ и не могущаго уже съ него сойти,—государства, населеніе котораго лишь въ тайникахъ души, быть можетъ, таитъ, какъ идеалъ, «свободу отъ прельщенія дѣлами вѣка и его мнимымъ величіемъ» (допустимъ это), въ дѣйствительности же всѣми помыслами привязано къ благамъ матеріальнаго существованія,—государства, въ которомъ и власть, и населеніе познали и признали безсиліе сторонняго управленія удовлетворять неудержимо растущія потребности желудка, здравія, просвѣщенія.

Остается безъ отвѣта практически примѣнимый способъ возврата, на основаніи положенія: «такъ было встарь», въ тотъ моментъ,—когда система опеки обнаружила свою полную несостоятельность,—когда стало ясно для всѣхъ и вся, что единственно надежный экономическій факторъ—самодѣятельность населенія, что самодѣятельной можетъ быть только активная личность, сильная своимъ правосознаніемъ, и что установленіе твердыхъ правоотношеній—основная «нужда» всего населенія Россіи, особенно «деревни»,—когда опытъ свести на нѣтъ реформы шестидесятыхъ годовъ — крестьянскую, земскую, городскую, судебную, — такъ широко поставленный гр. Д. А. Толстымъ и такъ систематично веденный двадцать лѣтъ, привелъ къ неожидавшемуся реакціонерами результату: разбудилъ живыя силы народа...

Безконечной оторванностью мечтаній вѣетъ отъ ссылки на «исконныя начала»!..

Не прогрессисты стоятъ на мертвомъ принципѣ: «политическое творчество человѣчества изсякло», а охранители. Для нихъ

истина позади, въ сѣдой старинѣ. Смахните съ нея пыль вѣковъ, и она засіяетъ во всей своей возвышенной неувядаемой чистотѣ... Спуститесь съ высотъ заоблачныхъ мечтаній и, не зарываясь въ глубь былого, останьтесь на землѣ. Положите въ основу сужденій о государственномъ строѣ реальнаго современнаго человѣка и попытайтесь отвѣтить на простые конкретные вопросы.

Возможно ли для верховной власти, при конструкціи совѣщательнаго представительства, обнаружить истинное мнѣніе народа и отличить его отъ неистиннаго?

Возможно ли для народа доставить торжество своему мнѣнію, чтобы оно было признано истиннымъ?

Наконецъ, какъ согласовать съ совѣщательнымъ представительствомъ безспорный психологическій афоризмъ: «совѣтовать легко, рѣшать трудно»?

III.

Какимъ бы способомъ ни было образовано представительство—всеобщимъ ли и прямымъ голосованіемъ, или многостепенными выборами по сословіямъ—оно никогда не будетъ однороднымъ. Скажемъ болѣе: оно не должно быть однороднымъ. Ибо представительство должно отражать все населеніе, во всемъ разнообразіи классовыхъ и групповыхъ интересовъ, культурныхъ запросовъ, возраста, степени умственнаго развитія и т. д., и т. д. Представительство однородное, по правовоззрѣніямъ и вообще по своему отношенію къ предлежащимъ его рѣшенію—или хотя бы только обсужденію—задачамъ, явится лучшимъ показателемъ несовершенства и искусственности принятой системы.

Въ разнородной же коллегіи, изъ сотенъ «лучшихъ», слѣдовательно, самостоятельно мыслящихъ людей никогда не можетъ быть полнаго единогласія.

Въ странахъ съ давно сложившимися политическими партіями по наиболѣе крупнымъ парламентскимъ вопросамъ обыкновенно бываетъ два рѣзко различныхъ мнѣній. А у насъ, на первыхъ порахъ особенно, при баллотировкѣ каждаго вопроса будетъ неизбѣжно образовываться десятокъ, если не десятки, мнѣній, при-

томъ съ явно замѣтными различіями только двухъ крайнихъ полюсовъ. Которое же изъ мнѣній должно быть признано истиннымъ мнѣніемъ народа? Какъ это разгадать верховной власти?

Когда представительное учрежденіе пользуется правомъ рѣшающаго голоса, на утвержденіе главы государства подносится, какъ рѣшеніе парламента, то мнѣніе, которое сосредоточило воззрѣнія большинства депутатовъ. И если у главы государства является сомнѣніе, соотвѣтствуетъ ли по данному вопросу большинство парламента большинству гражданъ, онъ апеллируетъ къ странѣ, распуская палату и назначая новые выборы. Пріемъ, конечно, несовершенный, какъ несовершенно все, что имѣетъ въ своей основѣ условный механическій подсчетъ, и не дающій полной гарантіи обнаруженія истиннаго мнѣнія страны,—ибо никакая система выборовъ, ни очередныхъ, ни чрезвычайныхъ, не устраняетъ абсолютно случайности ихъ исхода. Но въ практикѣ общественной жизни и государственнаго строительства гоняться за совершенствомъ пріемовъ и полными гарантіями не приходится.

Сущность же снабженія представительства только совѣщательнымъ голосомъ въ томъ и состоитъ, что главѣ государства подносятся всѣ мнѣнія.

Верховной власти незачѣмъ апеллировать къ странѣ: сосредоточило ли данное мнѣніе подавляющее большинство или ничтожное меньшинство—безразлично. Голосъ единственнаго представителя, одиноко прозвучавшій въ Государственной Думѣ, можетъ быть признанъ истиннымъ мнѣніемъ, а дружное заявленіе многихъ сотенъ—ложнымъ.

Передъ верховной властью всегда будетъ стоять неразрѣшимая дилемма. Участіе населенія въ отправленіи законодательной дѣятельности окажетъ не помощь ея нормальному направленію, а создастъ новыя неисчислимыя затрудненія. Неизбѣжно снова выступятъ, на ряду съ совѣтниками изъ народа, совѣтники бюрократическіе, которымъ тѣмъ легче станетъ доставлять торжество своимъ личнымъ взглядамъ, что среди разнообразныхъ мнѣній представительства развѣ въ рѣдкихъ случаяхъ не найдется совпадающаго съ ихъ собственнымъ.

«Значеніе бюрократическаго режима,—пишетъ Г. А. Евреиновъ,—основано, главнымъ образомъ, на томъ, что чиновная бюрократія находится въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ для

пріобрѣтенія въ государствѣ властнаго положенія, такъ какъ изъ всѣхъ органовъ власти государственной—законодательныхъ, судебныхъ и исполнительныхъ—только ея представители находятся въ постоянномъ и личномъ общеніи съ главою государства, имѣя возможность непосредственно вліять на велѣнія верховной власти. Поэтому—при отсутствіи противовѣса въ самостоятельныхъ органахъ законодательной власти, самодержавіе государя, неизбѣжно, роковымъ образомъ, по самой силѣ вещей отождествляется съ самовластіемъ исполнительныхъ органовъ управленія [1])».

Совѣщательное представительство не устранитъ причины явленія, и оно не замедлитъ возродиться.

Такая же неразрѣшимая дилемма будетъ висѣть надъ народомъ, въ лицѣ его выборныхъ представителей. Мысль ихъ будетъ занята не столько изученіемъ внесенныхъ законопроектовъ и бюджетныхъ предположеній, сколько изысканіемъ путей доставить торжество тому мнѣнію, которое та или иная группа или партія по совѣсти считаетъ единственно правымъ. Зачѣмъ усилія убѣдить коллегъ по представительному учрежденію? — они не нужны. Нужно убѣдить или инымъ способомъ склонить на свою сторону министра и это вѣрнѣе всего обезпечитъ успѣхъ.

Прямые пути довести до Престола въ формѣ совѣта свою мысль и волю народу закрыты. Ихъ нѣтъ и создать невозможно. Для воздѣйствія косвеннаго со стороны отдѣльныхъ лицъ, въ глазахъ которыхъ всѣ средства равно хороши, лазейки всегда найдутся,—къ ихъ услугамъ исполнительные органы подчиненнаго управленія. Ужели, однако, отъ *такого* представительства мы ждемъ разрѣшенія великой задачи обновленія отечества?..

Строить общеніе Верховной власти съ народомъ на этической основѣ значитъ—строить его на пескѣ. Область этики не для грѣховнаго, несовершеннаго человѣка. Всѣ отношенія гражданъ въ государствѣ и къ государству суть отношенія правовыя. Для того и образуется государственный союзъ, чтобы обратить этико-соціальный строй жизни въ правовой. Правовое же общеніе какъ между гражданами, такъ и гражданъ съ властью, необходимо предполагаетъ взаимность правъ и обязанностей. «Взаимодѣй-

---

[1]) *Г. А. Евреиновъ.* «Бюрократія и народное представительство». ...аво», 1905 г., № 27.

ствіе», когда одна сторона обладаетъ только правами, а на другой лежатъ исключительно обязанности, для юриста — логическій абсурдъ.

Представительство съ совѣщательнымъ голосомъ—это птица безъ крыльевъ, форма безъ содержанія, ширма для бюрократическаго самовластія.

Сказанное вдвойнѣ приложимо къ совѣщательному представительству, поставленному въ инстанціонно-подчиненное положеніе по отношенію къ совѣщательному же органу, комплектуемому изъ рядовъ бюрократіи—къ нынѣшнему государственному совѣту.

IV.

«Совѣтовать легко, рѣшать трудно».

Что можетъ быть легче, какъ дать совѣтъ и, когда исполненіе обнаружитъ его ошибочность, успокоить совѣсть словами: «Рѣшеніе отъ меня не зависѣло, я только совѣтовалъ!» Что можетъ быть тяжелѣе авторитетнаго рѣшенія по предмету, съ которымъ связаны интересы и судьба другого или другихъ?

Не найти человѣка—отца семейства, общественнаго дѣятеля, чиновника, журналиста, врача-практика, юриста, который бы тысячи разъ не испыталъ на себѣ легкости совѣтовать и трудности рѣшать. Повседневный опытъ учитъ, что это черта общечеловѣческая, свойственная всѣмъ людямъ на всѣхъ ступеняхъ умственнаго развитія и соціальнаго положенія.

Совѣтующій категориченъ, сомнѣнія его не мучаютъ. Ему всякое дѣло рисуется простымъ и яснымъ. Онъ недоумѣваетъ, что заставляетъ рѣшающаго колебаться... Рѣшающій, полный сознанія принимаемой на себя отвѣтственности, вдумчивъ, остороженъ. Передъ его взоромъ сами собой встаютъ возможныя возраженія. Онъ силится охватить и оцѣнить вопросъ не съ казовой только стороны.

При равныхъ личныхъ данныхъ—добросовѣстности, свойствахъ характера, темперамента, образа мыслей и пр.—совѣтующій всегда неумѣреннѣе и радикальнѣе рѣшающаго.

Въ совмѣстной дѣятельности людей получаютъ особенно яркое

выраженіе и сильныя, и слабыя стороны человѣческаго духа. Не составляетъ исключенія и отмѣчаемая черта. Напротивъ: она проявляется съ исключительной рѣзкостью. Одна и та же коллегія поразительно мѣняетъ свою физіономію, какъ только переходитъ отъ безотвѣтственнаго мнѣнія, ходатайства, указанія къ отвѣтственному рѣшенію. Сознаніе отвѣтственности—не внѣшней, проблемматической и случайной, а внутренней, неустранимой и самой реальной—вотъ въ чемъ сила самостоятельныхъ общественныхъ организацій и суда присяжныхъ. Тѣ сужденія человѣка только цѣнны, которыя онъ произноситъ, стоя открыто передъ лицомъ неумолимыхъ судей—своей совѣсти и общественнаго мнѣнія, когда нѣтъ щита, за который ему можно спрятаться.

Наши земскія учрежденія въ большей части отведенныхъ ихъ компетенціи дѣлъ дѣйствуютъ самостоятельно, т.-е. земскія собранія постановляютъ окончательныя опредѣленія, подлежащія исполненію на основаніи одного факта ихъ принятія. Въ то же время законъ, стремясь обставить рѣшенія по нѣкоторымъ категоріямъ дѣлъ большими гарантіями всесторонней оцѣнки «за» и «противъ», установивъ пересмотръ рѣшеній по такимъ дѣламъ административной властью и еще иными способами, ограничилъ самостоятельность земства. Результатъ для земскихъ собраній получился прямо обратный. Именно въ отношеніи этой категоріи дѣлъ наблюдается наименьшая осторожность въ принятіи рѣшеній.

Особенно характернымъ примѣромъ можетъ служить отраженіе въ земской практикѣ закона о фиксаціи обложенія недвижимыхъ имуществъ. До изданія временныхъ правилъ 1900 г. земскія смѣты, въ совокупности 362 уѣздныхъ земскихъ единицъ, обнаруживали постоянную наклонность расти, и за послѣдніе передъ тѣмъ годы обложеніе увеличивалось, въ среднемъ, на пять процентовъ въ годъ. Но по отдѣльнымъ уѣздамъ повышеніе обложенія вовсе не было систематически повторяющимся явленіемъ. Правила разрѣшили земскимъ собраніямъ увеличивать обложеніе только на три процента, и это увеличеніе получило характеръ какъ будто должнаго и неизбѣжнаго. О немъ въ собраніяхъ не спорятъ и даже не говорятъ. Инертная мысль нашла способъ освободить себя отъ отвѣтственности. Рѣдко встрѣчаетъ бурный отпоръ на почвѣ не принципіальныхъ, а финансовыхъ соображеній, и предложеніе повысить обложеніе на большій процентъ,—

ибо въ такомъ случаѣ земство лишено права рѣшенія и излагаетъ свое опредѣленіе въ формѣ ходатайства.

Съ судомъ присяжныхъ подобныхъ экспериментовъ пока не дѣлалось. Ограниченъ кругъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ присяжнымъ, но всѣ ихъ рѣшенія остаются окончательными и не подлежатъ ревизіи по существу, въ апелляціонномъ порядкѣ. Присяжные никогда не выносятъ мнѣнія или сужденія. Они выносятъ безповоротный вердиктъ: «да виновенъ», «нѣтъ, не виновенъ». И достаточно разъ побывать съ ними въ совѣщательной комнатѣ, чтобы стало ясно, почему институтъ независимыхъ судей изъ общества—«судъ улицы», пріобрѣлъ довѣріе всего міра, почему онъ такъ чутко отличаетъ правду жизни отъ правды бездушнаго закона.

Мнѣ довелось нѣсколько лѣтъ назадъ быть присяжнымъ засѣдателемъ. По одному дѣлу я не вошелъ въ составъ двѣнадцати по жребію и сѣлъ въ публикѣ. Разбиралось дѣло самое заурядное: судили вора-рецидивиста. Фактическая сторона мнѣ показалась безспорной. Я не сомнѣвался, что подсудимый будетъ осужденъ. Вышли присяжные, и старшина прочелъ: «нѣтъ, не виновенъ». За время сессіи я успѣлъ близко узнать индивидуальныя свойства и склонности всѣхъ товарищей, а потому для разъясненія своего недоумѣнія нарочно выбралъ наиболѣе сурово относящихся къ участи подсудимыхъ вообще. Оказалось, что вердиктъ состоялся почти единогласно и на основаніи такихъ черточекъ и штриховъ, которые на мою мысль, какъ простого зрителя и слушателя, не произвели никакого впечатлѣнія.

Блестящую иллюстрацію безудержности коллективной мысли въ области пожеланій и совѣтовъ даетъ развернувшаяся нынѣ грандіозная картина образованія во всѣхъ слояхъ русскаго общества политическихъ идеаловъ и начертанія программъ.

Всѣ резолюціи, адресы, петиціи, въ сущности, не что иное, какъ указанія или совѣты, обращаемые или къ власти, или къ народу. Съѣзды, союзы и собранія, формулирующіе ихъ, совершенно аналогичны палатѣ представителей съ совѣщательнымъ голосомъ. Они столь же безотвѣтственны, и если ихъ постановленія еще болѣе далеки отъ авторитетнаго рѣшенія, зато ихъ составъ обыкновенно гораздо однороднѣе.

Какихъ-нибудь пять-шесть мѣсяцевъ назадъ, впервые въ одной

изъ резолюцій нашло мѣсто требованіе политической равноправности женщинъ. А теперь оно уже стало общимъ. *И характерно не столько само требованіе, сколько его обоснованіе поражающее односторонностью и, да позволено будетъ сказать, легкомысліемъ.*

Нельзя ограничивать поломъ право избирать и быть избираемымъ, потому что это нелогично и несправедливо. Нѣтъ надобности въ такихъ ограниченіяхъ—ибо, во-первыхъ, гдѣ-то на островахъ Тихаго океана и въ нѣкоторыхъ штатахъ Америки женщины политически равноправны съ мужчинами; ибо, во-вторыхъ, у насъ въ деревнѣ, когда на улицу для схода скликаютъ «по человѣку съ дома», непремѣнно требуютъ, чтобы изъ дома, гдѣ налицо нѣтъ мужика, вышла баба, и бываютъ случаи, что жены, за отсутствіемъ мужей, исполняютъ нѣкоторыя полицейскія обязанности сельскихъ старостъ, сотскихъ и десятскихъ—указываютъ проѣзжимъ дорогу, разносятъ пакеты и даже сопровождаютъ арестантовъ. Вотъ и всѣ обычные доводы. А какъ сочетать активное участіе женщинъ въ политической жизни страны съ вѣками установившимся укладомъ семейнаго строя, отразится ли оно—въ какой формѣ и въ какой мѣрѣ—на семьѣ, на дѣтяхъ, на хозяйственномъ крестьянскомъ обиходѣ—съ этой, казалось бы, главнѣйшей стороны вопросъ не дебатируется.

Ссылающіеся на участіе женщинъ въ крестьянскомъ сходѣ или забываютъ, или не знаютъ, что оно ничего общаго не имѣетъ съ равноправностью половъ въ области политики. Сходъ отрываетъ отъ работы по человѣку изъ каждаго дома. За что же, разсуждаютъ крестьяне, окажется въ привилегированномъ положеніи тотъ домъ, хозяинъ котораго отлучился не по общественному, а по своему личному дѣлу? Пусть и этотъ домъ несетъ равную со всѣми тяготу. То же разсужденіе объ общественной службѣ, какъ о назойливой тяготѣ, и та же мелочность въ учетѣ непроизводительной для дома траты времени и труда объясняютъ кажущееся снабженіе женщинъ правами и властью сельскаго старосты и сельской полиціи, въ дѣйствительности состоящее въ одномъ отправленіи ничтожныхъ обязанностей. Не обходится, конечно, безъ курьезовъ, въ родѣ сопровожденія бабой арестантовъ. Но не на нихъ же строить серьезные выводы.

Несправедливость! А какъ быть, когда сама природа къ женщинѣ несправедлива? Мужчина не знаетъ тягости долгой бере-

менности, мукъ родовъ, не кормитъ грудью дѣтей. Онъ всегда способенъ къ общественной дѣятельности, его болѣзнь—состояніе исключительное. А женщина?..

Говорятъ, въ мотивахъ нѣкоторыхъ резолюцій, что не всѣ женщины выходятъ замужъ, не всѣ имѣютъ семью, что съ возрастомъ наступаетъ періодъ, когда женщина дѣлается свободной отъ беременности и рожденія дѣтей. Стоитъ ли отмѣчать, впрочемъ, это соображеніе?..

Численно средняя русская женщина, избирательница и избираемая при женской равноправности,—замужняя семейная крестьянка. Мужикъ настоящій—въ сермягѣ и лаптяхъ, привыкшій недоѣдать, работать на надѣлѣ, никого не удивитъ, если придетъ въ Государственную Думу. Онъ въ ней нуженъ. Необходимо такъ сдѣлать, чтобы именно онъ вошелъ въ нее, а не мужикъ по паспорту—въ поддевкѣ тонкаго сукна и лакированныхъ сапогахъ. Но образъ бабы, забитой мужемъ, свекромъ и нуждой, бросившей корову, куръ и все домообзаводство и пріѣхавшей съ груднымъ ребенкомъ въ Петербургъ для занятій въ Думѣ—неужели онъ не вызываетъ горькой улыбки?..

Другая, еще болѣе смѣлая мысль—требованіе «обобществить орудія производства»—пока стоитъ въ немногихъ платформахъ. Еслибы она стояла въ платформахъ узко партійныхъ, ничего страннаго въ томъ бы не было. Но нѣтъ. Первоначально ее включилъ въ свою программу съѣздъ журналистовъ, состоявшій изъ представителей разныхъ политическихъ и соціальныхъ оттѣнковъ, изъ людей, по роду своей дѣятельности близко знакомыхъ съ общественными вопросами. И принята она была въ двѣ-три минуты чуть не сотней голосовъ противъ ничтожныхъ единицъ, какъ будто ею выражалась безспорная азбучная истина. Въ двѣ-три минуты люди образованные, привыкшіе много вдумываться, въ формѣ совѣта разрѣшили мировую проблемму.

Мыслимо ли думать, чтобы тѣ же самые люди такъ же точно отнеслись къ женскому вопросу и къ реформѣ соціально-экономическаго строя, если бы они призваны были не указывать и совѣтовать, а рѣшать?

А вопросъ о войнѣ? Съ какой легкостью пишутъ и говорятъ въ резолюціяхъ: миръ немедленно, миръ во что бы то ни стало—говорятъ, не справляясь съ требованіями побѣдившаго противника,

не думая о цѣнѣ, какой миръ придется купить. Стали ли бы такъ говорить о войнѣ и мирѣ въ англійскомъ, французскомъ или германскомъ парламентѣ?

V.

Противники парламентаризма часто называютъ палаты представителей презрительной кличкой—говорильни. Быть говорильней—печальная участь совѣщательнаго представительства.

Возможность доставить торжество своему воззрѣнію, хотя бы оно не встрѣчало ничьей поддержки, явится несокрушимымъ препятствіемъ развитію партійной дисциплины, столь необходимой для успѣшнаго и спокойнаго теченія дѣлъ. Пренія будутъ безконечныя и расплывчатыя.

Роль эксперта по политическимъ вопросамъ свойственна ученому конгрессу, но не народному представительству. Его задача—раздѣлять съ властью труды по законодательству и верховному управленію. А для этого необходимо, чтобы сознаніе отвѣтственности за каждое слово, за каждое опредѣленіе, въ той же мѣрѣ ни на одинъ моментъ не покидало представителей, какъ оно не покидаетъ верховную власть. Иначе прочное и живое общеніе и единеніе власти съ представительствомъ, а черезъ него съ народомъ, создаться не можетъ.

«Совѣщательное собраніе или исчезаетъ, или получаетъ опредѣленный объемъ правъ»,—въ этомъ его роковая судьба. Вмѣсто развитія чувства отвѣтственнаго долга, оно способствуетъ воспитанію гражданъ въ чувствѣ неудержимаго протеста и борьбы. Для власти—оно докучная, ненужная помѣха. Какъ учрежденіе постоянное, оно—мостъ надъ пропастью, раздѣляющею главные элементы бытія государства: верховную власть и населеніе. Мостъ на шаткихъ, трепещущихъ устояхъ, готовый каждую минуту рухнуть. Не мостъ тутъ нуженъ. Нужная мощная, несокрушимая дамба, заполняющая пропасть съ глубинъ низа до самаго верха.

Быть представителемъ съ рѣшающимъ голосомъ—почетное право гражданина, но еще болѣе—тяжелая, трудная обязанность. Быть представителемъ съ голосомъ совѣщательнымъ — гораздо менѣе обязанность, чѣмъ привилегія.

Глубокое заблужденіе считать, что народы стремятся къ представительному правленію изъ суетной жажды власти. Сколь заманчива власть, столь же велико бремя отвѣтственности. Народы стремятся къ положительнымъ благамъ отчизны и берутъ на себя обязанность представительства, познавъ, что она одна обезпечиваетъ отъ произвола и безправія, разрушающихъ блага и дѣлающихъ изъ человѣческаго существованія какое то жалкое прозябаніе въ вѣчномъ страхѣ, въ вѣчной нищетѣ.

Д. Х.*** призываетъ вѣрить, что русскій государственный строй покоится «на нежеланіи народа властвовать». Русскій народъ всегда, когда его къ тому требовали, обнаруживалъ готовность принять на себя часть «бремени неудобоносимаго». Ни отъ какой тяготы онъ не отказывается и нынѣ. Почему же освобождать его отъ нея?

«Дѣла собственно государственныя могутъ лучше идти при правленіи представительномъ и въ дѣйствительности чаще лучше идутъ, чѣмъ при правленіи самодержавномъ»,—говоритъ въ концѣ анализа понятія «самодержавіе» тотъ же писатель. Такъ въ чемъ же споръ? Въ чемъ смыслъ и оправданіе государства, какъ не въ «государственныхъ дѣлахъ»? Зачѣмъ вырабатываются формы правленія, какъ не для того, чтобы «государственныя дѣла» шли лучше?

Принципъ полноты власти монарха и при представительствѣ съ рѣшающимъ голосомъ сохраняетъ свою силу. За монархомъ остается абсолютное право veto. Ни одно рѣшеніе не вступаетъ въ дѣйствіе безъ санкціи монарха.

«Русь» 2 августа 1905 г.,
№ 176.

Отвѣтъ моимъ оппоненткамъ.

Въ статьѣ «Совѣщательное представительство», иллюстрируя безудержность коллективной мысли въ области пожеланій и совѣтовъ, я между прочимъ писалъ:

«Какихъ-нибудь пять-шесть мѣсяцевъ назадъ впервые въ одной изъ резолюцій нашло мѣсто требованіе политической равноправности женщинъ. А теперь оно уже стало общимъ. *И характерно не столько само требованіе, сколько его обоснованіе, поражающее односторонностью и, да позволено будетъ сказать, легкомысліемъ*».

Подчеркнутыя слова, думалось мнѣ, ясно показываютъ, что весь дальнѣйшій текстъ относится не къ существу требованія, а къ его обоснованію, и что именно обоснованіе требованія по предмету столь важному я считаю поражающимъ односторонностью и легкомысліемъ.

При принятой постановкѣ вопроса и въ цѣляхъ развитія основного тезиса статьи: «совѣтовать легко, рѣшать трудно», въ мою задачу входило сличеніе ходячихъ доводовъ «за» съ возможными «противъ». Ссылкѣ на несправедливость ограниченія поломъ избирательныхъ правъ я противопоставилъ несправедливость къ женщинѣ самой природы. Указанію на то, что въ современной рус-[illegible]ой деревнѣ женщины иногда исполняютъ обязанности старостъ, [illegible]скихъ и десятскихъ и нерѣдко участвуютъ на сходѣ — про-[illegible]ольность пониманія этого явленія. Условности доводовъ во-

обще—многовѣковую прочность установившагося, дѣйствительно несправедливаго и принижающаго женщину уклада семейно-хозяйственной жизни, особенно въ крестьянствѣ. Устранившись затѣмъ отъ оцѣнки едва-ли претендующаго на серьезность соображенія о томъ, что не всѣ женщины выходятъ замужъ, не всѣ имѣютъ семью и т. д., я закончилъ вопросомъ: «Неужели не вызываетъ горькой улыбки образъ бабы (численно средней русской женщины), забитой мужемъ, свекромъ и нуждой, бросившей корову, куръ и все домообзаводство и пріѣхавшей съ груднымъ ребенкомъ въ Петербургъ для занятій въ Государственной Думѣ»?

Данную эпизодическую часть моей статьи г-жи А. Милюкова («Сынъ Отечества», № 150) и Л. Ч. (Русь, № 187) признали за самостоятельный трактатъ о женскомъ вопросѣ и обратились ко мнѣ съ рядомъ горячихъ укоровъ. Дѣйствуютъ оба автора въ одномъ направленіи, но впрочемъ разными способами. Г-жа Л. Ч. только укоряетъ и притомъ не меня лично, а въ моемъ лицѣ мужчинъ вообще. Г-жа же Милюкова обильно снабдила свою статью булавочными уколами.

Г-жа Милюкова готова признать, что «прогрессисты», подъ которыми она разумѣетъ составителей резолюцій съ требованіемъ предоставленія избирательныхъ правъ женщинамъ и отъ имени которыхъ беретъ на себя смѣлость говорить, «не подумали», какъ сочетать активное участіе женщинъ въ политической жизни страны съ существующимъ семейнымъ строемъ. Не подумали — пишетъ она—«такъ подумаемъ сейчасъ».

И вотъ образчикъ этой «думы». Во-первыхъ, для громадной массы женщинъ избирательныя функціи должны выражаться въ обязанности одинъ разъ въ нѣсколько лѣтъ подойти къ урнѣ и положить свой бюллетень. Во-вторыхъ, почему не вызываетъ опасеній за цѣлость и нерушимость семейнаго уклада «земледѣльческій и промышленный трудъ, отрывающій женщину непрерывно, цѣлыми днями отъ домашняго очага»? Въ-третьихъ, предполагать выборъ «бабы, забитой» и т. д.—«значитъ клеветать на народъ, считая его лишеннымъ разсудка и здраваго смысла».

Г-жѣ Милюковой ея аргументація кажется уничтожающе убѣдительной. А меня она укрѣпила въ мысли, что при отсутствіи сознанія отвѣтственности за результатъ, совѣтовать безконечно легко, и что въ состояніи идейнаго гипноза люди могутъ разрѣ-

шать самыя сложныя соціально-этическія и правовыя проблеммы по принципу: разъ, два—и готово.

Если вся суть участія народа, черезъ выборныхъ представителей, въ направленіи судебъ родины состоитъ въ исполненіи формальной процедуры выборовъ, т.-е. въ опусканіи одинъ разъ въ нѣсколько лѣтъ бюллетеня въ урну, то неужели есть о чемъ спорить? Богъ съ нимъ тогда и съ представительствомъ! Если предположеніе о выборѣ въ Государственную Думу численно средней русской женщины равносильно клеветѣ на народъ, то тоже спорить не приходится.

Вѣдь не станетъ же г-жа Милюкова серьезно утверждать, что кампанія ведется для того, чтобы раскрыть двери Государственной Думы такимъ лишь женщинамъ, которыя, по выраженію г-жи Авчинниковой, отслужили роду, или такимъ, которыя, въ силу болѣзни или по другимъ разнообразнымъ причинамъ, служить роду не могутъ. Было бы прямо дикостью включать въ конституцію параграфъ о гинекологическомъ изслѣдованіи кандидатокъ въ представители, и политическія права ставить въ зависимость отъ такого изслѣдованія.

А что касается опасеній за цѣлость семейнаго уклада при нынѣшнемъ земледѣльческомъ и промышленномъ женскомъ трудѣ, то ихъ нѣтъ по очень простой причинѣ: трудъ этотъ женщину, въ общемъ правилѣ, отъ домашняго очага не отрываетъ. Просмотрите статистическія данныя объ отхожемъ промыслѣ и обратите вниманіе на продолжительность нахожденія въ отходѣ отдѣльныхъ мужчинъ и отдѣльныхъ женщинъ.

Не менѣе категорично разсуждаетъ г-жа Л. Ч. Переходя къ «существу» вопроса, она пишетъ:

«Женщина обижена природой, — говоритъ г. Кузьминъ-Караваевъ.—Можно сказать, что противъ такихъ обидъ люди идутъ на борьбу».

«Когда природа лишаетъ человѣка руки, носа—ихъ придѣлываютъ; когда природа дѣлаетъ наводненія—люди всѣми техническими способами ограждаютъ себя отъ нихъ; когда природа налетаетъ шкваломъ на землю и губитъ всѣ труды человѣка — не апеллируютъ къ Богу объ этомъ, а скорѣе спѣшатъ исправить и возстановить исчезнувшее».

Да, медицина сдѣлала большіе успѣхи. И техника—тоже. Люди

выучились строить плотины и дѣлать искусственныя конечности и даже носы. Да, когда ливень размоетъ желѣзнодорожное полотно, современный человѣкъ не опускаетъ безнадежно рукъ, а стремится сдѣлать новую насыпь прочнѣе прежней.

Но какъ бороться противъ обиды женщины природой—самая пылкая фантазія тутъ пасуетъ. Перестать воспроизводить себѣ подобныхъ—люди не перестанутъ. И женщины «носить во чревѣ» и рожать — тоже не перестанутъ. Какъ бы ни выросли успѣхи всѣхъ человѣческихъ знаній и техническихъ пріемовъ, мужчина ни испытывать долгой беременности, ни мучиться въ родахъ, по очереди съ женщиной, не будетъ. Въ борьбѣ съ этой несправедливостью и обидой даже къ Богу никто не апеллируетъ. На что самоувѣренный народъ англичане и на что высокаго они мнѣнія о всесильности своего парламента—и то они говорятъ: «Англійскій парламентъ одного не можетъ—сдѣлать изъ женщины мужчину»...

Г-жа Милюкова говоритъ, что, коснувшись вопроса о политическихъ правахъ женщины, я «высказался рѣшительно и рѣзко противъ нихъ».

Это невѣрно. Рѣзкость и рѣшительность моихъ сужденій относилась, повторяю, не къ существу вопроса, а къ его обоснованію. Своего мнѣнія о женской равноправности мнѣ высказывать въ печати пока не приходилось.

Попытаюсь его формулировать въ двухъ словахъ. Кстати это будетъ отвѣтомъ на анкетный опросъ, который предприняло бюро союза равноправности женщинъ.

Бюро проситъ отвѣтить, хотя бы коротко (да или нѣтъ), на слѣдующіе вопросы: «1) Считаете ли вы, что женщины должны пользоваться равными съ мужчинами правами при избраніи народныхъ представителей и въ органахъ мѣстнаго самоуправленія и 2) считаете ли вы предоставленіе этихъ правъ женщинамъ своевременнымъ при созывѣ учредительнаго собранія?»

Безотносительно ко времени и пространству, смѣло отвѣчаю на первый вопросъ: да. Оцѣнивая же факты и условія настоящей минуты, на второй говорю—нѣтъ.

Въ ряду всѣхъ міровыхъ вопросовъ, вопросъ женскій занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ по важности, сложности и трудности его разрѣшенія. Сравнительно съ нимъ, вопросъ о формѣ

правленія есть второстепенная частность. Уравненіе женщины съ мужчиной въ соціальномъ, экономическомъ и правовомъ отношеніяхъ должно неизбѣжно отразиться, такъ или иначе, на всѣхъ областяхъ личной, семейной и государственно-общественной жизни. Съ другой стороны, абсолютно полное уравненіе недостижимо. Солдатомъ женщина никогда не будетъ. Равной мужчинѣ по физической силѣ—тоже.

Политическая равноправность—малая частица вопроса, въ техническомъ смыслѣ не представляющая неустранимыхъ препятствій для разрѣшенія. Ея разрѣшеніе весьма слабо подвинетъ впередъ весь вопросъ, во всемъ его колоссальномъ объемѣ, но въ существующемъ положеніи не оставитъ. Произойдетъ какой-то неизвѣстный сдвигъ и прежде всего онъ коснется семьи, дѣтей. Неизвѣстный потому, что опыта въ этомъ отношеніи ни одинъ народъ Европы и Азіи не имѣетъ. Въ то же время можетъ получиться нѣкій, опять-таки неизвѣстный, результатъ для практики государственнаго управленія.

Бросаться въ неизвѣстность всегда рискованно, а въ тотъ историческій моментъ, который мы переживаемъ — особенно. И то передъ нами стоитъ громадное неизвѣстное: новый политическій строй. Своевременно ли нагромождать на него другія, еще большія?

Женская равноправность вообще и политическая въ частности есть идеалъ, приблизиться къ которому теперь раскрывается для насъ возможность. Практическое осуществленіе идеала безконечно трудно и требуетъ, чтобы его разработала спокойная общественная мысль, сильная не въ однихъ абстрактныхъ построеніяхъ...

«Русь» 19-го августа 1905 г.,
№ 193.

---

126 статья уголовнаго уложенія.

Эта статья, точнѣе ея номеръ, навѣрное врѣзалась въ память всѣхъ, читающихъ газеты. Въ послѣднее время десятки разъ въ отдѣлѣ хроники газетъ приводилось краткое, но выразительное сообщеніе: такой-то общественный дѣятель привлеченъ къ отвѣтственности по 126 ст. новаго уголовнаго уложенія, или:—противъ такого-то возбуждено обвиненіе по 126 ст., и онъ лишенъ возможности продолжать свои обычныя занятія.

Сообщалось также, что цѣлыя группы общественныхъ дѣятелей совершаютъ то, что́ на языкѣ устава уголовнаго судопроизводства называется «явкой съ повинной»: сознаются въ принадлежности къ тому или другому союзу и въ участіи въ составленіи инкриминируемой нѣкоторымъ членамъ даннаго союза резолюціи, и сами требуютъ привлеченія ихъ къ отвѣтственности по этой именно статьѣ.

Послѣ возбужденія преслѣдованія противъ присяжныхъ повѣренныхъ Винавера и Беренштама съ такимъ требованіемъ обратилась къ прокурорскому надзору едва ли не сотня адвокатовъ петербургскихъ, московскихъ и провинціальныхъ.

Что же это за статья закона, объемлющая дѣятельность такой массы лицъ, привлеченныхъ къ дознанію, слѣдствію и суду по инціативѣ власти или на основаніи «явки съ повинной»? Въ широкихъ слояхъ общества извѣстно только, что она предусматриваетъ участіе въ сообществѣ и назначаетъ чрезвычайно су-

ровую кару—каторгу или поселеніе. Но въ какомъ именно сообществѣ должно принимать участіе лицо, дабы она къ нему могла имѣть примѣненіе, — объ этомъ имѣются крайне смутныя свѣдѣнія.

Въ ряду другихъ статей уголовнаго уложенія, введенныхъ въ дѣйствіе закономъ 7 іюня 1904 г., стоитъ и 126-я. Занимаетъ она мѣсто въ главѣ V «о смутѣ» и гласитъ слѣдующее:

«Виновный въ участіи въ сообществѣ, завѣдомо поставившемъ цѣлью своей дѣятельности ниспроверженіе существующаго въ государствѣ общественнаго строя или учиненіе тяжкихъ преступленій посредствомъ взрывчатыхъ веществъ или снарядовъ, наказывается:

каторгою на срокъ не свыше восьми лѣтъ или ссылкою на поселеніе.

Если такое сообщество завѣдомо имѣло въ своемъ распоряженіи средства для взрыва или складъ оружія, то виновный въ участіи въ такомъ сообществѣ наказывается:

срочною каторгою».

Подъ «сообществомъ», въ отличіе отъ «скопища», законъ разумѣетъ не случайное единеніе людей, а болѣе или менѣе постоянное, выражающееся въ собраніяхъ для обмѣна мнѣній или установленія условій совмѣстной дѣятельности, въ организаціи и т. п. Участіе въ сообществѣ съ политическимъ характеромъ само по себѣ не наказуемо. Оно дѣлается таковымъ, во-первыхъ, при завѣдомости для виновныхъ воспрещенія даннаго сообщества «въ установленномъ порядкѣ» (ст. 124—крѣпость до одного года или арестъ) и, во-вторыхъ, когда сообщество поставитъ для своей дѣятельности закономъ указанную преступную цѣль.

Въ послѣднемъ отношеніи, какъ сказано въ объясненіяхъ, различаются: съ одной стороны, сообщества, составленныя для учиненія какого-либо опредѣленнаго мятежническаго или измѣнническаго дѣйствія, и съ другой—такія, которыя «могутъ только посредственно посягать на бытіе государства, имѣя въ виду подрывъ государственной безопасности, ниспроверженіе установленныхъ закономъ взаимныхъ отношеній общественныхъ классовъ и т. д., подготовленіе государственнаго переворота, однимъ словомъ, учиненіе смуты государственной». Участіе въ сообществахъ перваго рода влечетъ отвѣтственность по статьямъ 102 или 118.

Въ главѣ же пятой предусматриваются лишь сообщества второго рода.

Приведенная цитата принимаетъ выраженіе «государственный переворотъ» въ широкомъ смыслѣ, охватывающемъ подготовительную дѣятельность къ достиженію какъ политическаго, такъ и соціальнаго переворота. Но въ дальнѣйшемъ текстѣ объясненій и въ законѣ между этими не совпадающими понятіями проводится опредѣленное различіе.

А потому слова ст. 126: «ниспроверженіе существующаго въ государствѣ общественнаго строя» — должны быть понимаемы отнюдь не распространительно. Подъ формулу этой статьи подходитъ исключительно участіе въ сообществѣ, имѣющемъ своей задачей революцію соціальную. Если сообщество преслѣдуетъ цѣли политической революціи, то его участники могутъ отвѣчать по ст. 100, 102 и другимъ главы третьей или по пункту первому ст. 125, но ни въ какомъ случаѣ не по ст. 126. Независимо отъ задачъ, ст. 126 предусматриваетъ лишь такія сообщества, которыя составились для совершенія тяжкихъ преступленій вообще, хотя бы и не соціально-политическихъ, посредствомъ взрывчатыхъ веществъ или снарядовъ.

Проектъ редакціонной коммиссіи не употреблялъ термина «ниспроверженіе», а говорилъ о «насильственномъ разрушеніи», и тогда включеніе въ ту же статью сообществъ, односторонне охарактеризованныхъ по способу насильственныхъ дѣйствій, имѣло полное оправданіе. Но и въ окончательной редакціи оно небезразлично. Оно тѣмъ болѣе обязываетъ къ ограничительному толкованію слова «ниспроверженіе». Н. С. Таганцевъ (Уголовное уложеніе съ мотивами, стр. 231) разъясняетъ, что «для примѣненія 126 ст. требуется, чтобы общество имѣло своей цѣлью не только обсужденіе и оцѣнку существующаго строя и его недостатковъ, обсужденіе предположеній о другихъ основаніяхъ общественной жизни и ея организаціи, даже о средствахъ подготовки такихъ измѣненій, но чтобы оно имѣло цѣлью принятіе конкретныхъ, слѣдовательно — болѣе или менѣе опредѣленныхъ мѣръ къ уничтоженію существующаго порядка и замѣнѣ его другимъ».

Итакъ, вотъ законный составъ ст. 126 угол. улож.: участіе въ сообществѣ, поставившемъ цѣлью своей дѣятельности принятіе опредѣленныхъ конкретныхъ мѣръ къ уничтоженію существую-

щаго въ Россіи соціальнаго строя и къ замѣнѣ его другимъ, или участіе въ сообществѣ, поставившемъ цѣлью своей дѣятельности учиненіе тяжкихъ преступленій вообще посредствомъ взрывчатыхъ веществъ или снарядовъ.

Сопоставимъ теперь съ ст. 126 собранія различныхъ общественныхъ союзовъ—адвокатовъ, врачей, инженеровъ и т. д.—и принятыя собраніями революціи, петиціи, платформы и программы. Намъ неизвѣстно, конечно, какъ именно формулированы обвиненія, предъявленныя привлеченнымъ къ отвѣтственности лицамъ. Но все, что на собраніяхъ обсуждалось, говорилось и рѣшалось, имѣло такую широкую огласку, что объ общемъ характерѣ задачъ и способовъ дѣйствій союзовъ можно судить безошибочно.

Едва ли на какомъ собраніи или въ какомъ изъ закрытыхъ засѣданій бюро было принято рѣшеніе дѣйствовать посредствомъ взрывчатыхъ веществъ или снарядовъ. Думаемъ, что о второмъ изъ предусматриваемыхъ ст. 126 дѣйствій не стоитъ трактовать и достаточно сосредоточить вниманіе на первомъ.

Главный интересъ современнаго освободительнаго движенія заключается въ реформѣ политической. Вопросы политическаго строя государства во всѣхъ собраніяхъ составляли основной прелметъ сужденій. Рескриптъ 18 февраля поставилъ на очередь «ниспроверженіе» существующаго бюрократическаго строя, а Высочайшій указъ отъ того же числа объявилъ призывъ частнымъ лицамъ и учрежденіямъ представлять ихъ виды и предположенія по вопросамъ, касающимся государственнаго благоустройства. Никакихъ ограниченій при этомъ въ указѣ выражено не было. Отвѣчая на призывъ и захваченные интересомъ минуты, союзы критически оцѣнивали существующій политическій строй и намѣчали основы его реорганизаціи. Красной нитью черезъ всѣ резолюціи проходитъ стремленіе измѣнить строй именно политическій, не касаясь соціальнаго. Ст. 126 угол. улож. слѣдовательно къ главному предмету дѣятельности всѣхъ союзовъ примѣненія имѣть не можетъ.

Только нѣкоторыя собранія, въ связи съ реформой политической, обсуждали соціально-экономическіе вопросы. Но врядъ ли самому придирчивому юристу удастся извлечь изъ резолюцій то, что Н. С. Таганцевъ именуетъ «принятіемъ конкретныхъ, болѣе или менѣе опредѣленныхъ мѣръ къ уничтоженію существующаго

порядка и къ замѣнѣ его другимъ». Опять нѣтъ состава 126 статьи.

Допустимъ однако, что Н. С. Таганцевъ ошибается. Допустимъ, что мирная пропаганда идеи иного соціальнаго строя равносильна ниспроверженію существующаго. И въ такомъ случаѣ условія наказуемаго участія въ сообществѣ отсутствуютъ.

Что дозволено, то не запрещено и не можетъ влечь уголовной отвѣтственности. Указъ 18 февраля создалъ «вѣрноподданнымъ, радѣющимъ объ общей пользѣ и нуждахъ государственныхъ», право обсуждать и представлять не только виды и предположенія по вопросамъ, касающимся усовершенствованія государственнаго благоустройства, но равнымъ образомъ виды и предположенія объ «улучшеніи народнаго благосостоянія». Мыслимо ли улучшеніе народнаго благосостоянія безъ коренной реформы экономическихъ условій жизни, составляющихъ, въ свою очередь, первую основу соціальнаго строя?

Съ изданія указа 18 февраля распространеніе «вредныхъ ученій коммунизма и соціализма», какъ выражается цензурный уставъ, и участіе въ сообществахъ, поставившихъ цѣлью своей дѣятельности таковое распространеніе, перестало быть преступнымъ. А потому внесенная въ уголовный кодексъ, въ видахъ борьбы съ этими ученіями, ст. 126 потеряла свое значеніе. Наступило время и для нашего законодательства признать, что теоретической мысли, пока ея сторонники не переходятъ къ дѣйствію опасными средствами, неразумно и безцѣльно противопоставлять уголовныя кары.

Новымъ указомъ 6 августа дѣйствіе указа 18 февраля отмѣнено. Неужели же тѣмъ самымъ возстановлено дѣйствіе ст. 126 угол. уложенія?

Нѣтъ. Ошибочно полагаетъ московскій генералъ-губернаторъ П. П. Дурново, что утвержденіемъ «Учрежденія Государственной Думы» вопросъ о всѣхъ реформахъ «нужно считать окончательно исчерпаннымъ», и что права, предоставленныя общественнымъ организаціямъ и частнымъ совѣщаніямъ шесть мѣсяцевъ назадъ, утратили силу.

Въ манифестѣ 6 августа прямо сказано: «Мы сохраняемъ всецѣло за собою заботу о дальнѣйшемъ усовершенствованіи Учрежденія Государственной Думы, и когда жизнь сама укажетъ не-

обходимость тѣхъ измѣненій въ ея учрежденіи, кои удовлетворяли бы вполнѣ потребностямъ времени и благу государственному, не преминемъ дать по сему предмету соотвѣтственныя въ свое время указанія».

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ указѣ 6 августа значится:

«Принявъ засимъ въ уваженіе, что виды и предположенія по вопросамъ, касающимся усовершенствованія государственнаго благоустройства и улучшенія народнаго благосостоянія, имѣютъ восходить къ Намъ порядкомъ, въ учрежденіи Государственной Думы установленномъ, повелѣваемъ: дѣйствіе указа Нашего, правительствующему сенату 18-го февраля 1905 года по изъясненнему предмету даннаго,—нынѣ же отмѣнить».

Отмѣненъ такимъ образомъ лишь порядокъ направленія «видовъ и предположеній» въ совѣтъ министровъ.

«Русь» 14 августа 1905 г.,
№ 188.

Наказаніе смертью несовершенно-лѣтнихъ.

Кіевскій съѣздъ русской группы международнаго союза криминалистовъ 4 января нынѣшняго года принялъ резолюцію, осуждавшую смертную казнь и требовавшую ея исключенія изъ уголовныхъ законовъ.

Вскорѣ послѣ закрытія съѣзда «Московскія Вѣдомости» обрушились громовой статьей за эту резолюцію на участниковъ съѣзда и на тѣ органы печати, которые ее воспроизвели. Въ статьѣ упоминались фамиліи, и вообще она имѣла обычный для московской газеты характеръ не столько обращенія къ читателямъ, сколько доноса властямъ. Основаніемъ доноса служили слѣдующія положенія: по русскому законодательству смертная казнь опредѣляется только за посягательство на жизнь царствующаго Императора, а потому возражать противъ смертной казни—значитъ прославлять цареубійство.

Насколько явно невѣжественны или завѣдомо лживы были утвержденіе и выводъ газеты—выяснять и доказывать теперь не приходится. Рѣдкій день проходитъ безъ того, чтобы военные суды въ Петербургѣ, Либавѣ, Москвѣ, Варшавѣ, Одессѣ и т. д. не выносили смертнаго приговора за нарушеніе воинской дисциплины и за убійство, за покушеніе на убійство или за нанесеніе ранъ чинамъ полиціи всѣхъ степеней, вплоть до околоточныхъ надзирателей и городовыхъ.

Судъ военный хотя и дѣйствуетъ въ исключительномъ порядкѣ, но, во всякомъ случаѣ, по закону, ссылки на который обязательно стоятъ въ каждомъ приговорѣ. И отсюда съ несомнѣнностью вытекаетъ, что нашъ уголовный законъ назначаетъ смертную казнь отнюдь не только за цареубійство, а за такой длинный рядъ самыхъ разнообразныхъ по составу преступныхъ дѣяній, успѣшно конкуррировать съ которымъ можетъ развѣ одно китайское право.

Но назначаетъ ли дѣйствующій законъ смертную казнь и несовершеннолѣтнимъ — вопросъ, подлежащій, по нашему мнѣнію, отрицательному рѣшенію. Практика же, по недавно разсмотрѣннымъ дѣламъ Сидорчука, Васильева и Гершковича, разрѣшила его въ утвердительномъ смыслѣ. Сидорчукъ и Васильевъ имѣли во время совершенія дѣяній по 20 лѣтъ, а возрастъ Гершковича судомъ установленъ не былъ. Въ судебныхъ отчетахъ писалось, что по виду ему 16 лѣтъ.

Всѣ трое были преданы военному суду на основаніи ст. 18 положенія объ усиленной охранѣ, облагающей, въ формѣ ссылки на наказаніе, предусмотрѣнное ст. 279 воинск. уст. о наказ., смертной казнью нападеніе на чиновъ полиціи, сопровождавшееся убійствомъ или покушеніемъ на него, или нанесеніемъ ранъ, увѣчій или тяжкихъ побоевъ.

Названная статья положенія объ усиленной охранѣ представляетъ собою самостоятельный уголовный законъ, дающій прямой отвѣтъ касательно состава дѣянія и наказанія, но и только. Ни одного общаго вопроса — о вмѣняемости и вмѣненіи, а также о вліяніи возраста на наказуемость и т. п.—ни она, ни другія статьи того же положенія даже не затрагиваютъ. Остаются, слѣдовательно, въ полной силѣ правила такъ называемой общей части уголовнаго законодательства.

Что же говорятъ эти правила? Должно ли и несовершеннолѣтняго приговаривать къ смерти за нападеніе на полиціймейстера, пристава или городового? Отвѣтовъ законъ даетъ три— ибо у насъ трактуютъ о смертной казни въ связи съ возрастомъ три различныхъ кодекса: уложеніе о наказаніяхъ 1845 г., уголовное уложеніе 1903 г. и воинскій уставъ о наказаніяхъ.

По уставу, несовершеннолѣтніе, имѣющіе менѣе 21 г. отъ роду, подвергаются положенному въ законѣ наказанію съ обяза-

тельнымъ его уменьшеніемъ на одну степень — т.-е. никогда не могутъ быть подвергнуты смертной казни.

По уголовному уложенію: «для несовершеннолѣтняго отъ 17 до 21 г. смертная казнь замѣняется безсрочной каторгой» (ст. 57).

А уложеніе о наказаніяхъ, опредѣляя порядокъ смягченія несовершеннолѣтнимъ каждаго наказанія въ отдѣльности, о смертной казни умалчиваетъ.

Къ Сидорчуку, Васильеву и Гершковичу, очевидно, было примѣнено уложеніе 1845 г., при чемъ умолчаніе закона о смягченіи смертной казни было истолковано судомъ въ смыслѣ его недопущенія.

Съ узко-формальной точки зрѣнія военный судъ, пожалуй, былъ правъ. Закономъ 7 іюня 1904 года уголовное уложеніе введено въ дѣйствіе лишь въ отношеніи нѣкоторыхъ точно перечисленныхъ государственныхъ преступленій; дѣянія же, предусмотрѣнныя ст. 18 полож. объ усил. охранѣ, суть преступленія противъ порядка управленія, а не государственныя. Съ другой стороны, въ 1881 году былъ повѣшенъ двадцатилѣтній Рысаковъ, въ 1887 г.—Ульяновъ, и сенатъ разъяснялъ тогда, что уложеніе не обязываетъ переходить для несовершеннолѣтнихъ отъ смертной казни къ каторгѣ. Что касается воинскаго устава, то онъ къ Сидорчуку, Васильеву и Гершковичу, какъ не военнослужащимъ, не могъ имѣть примѣненія.

По существу, однако, приложеніе къ разбираемому вопросу такой узко-формальной точки зрѣнія не можетъ быть оправдано.

Въ 1881 и 1887 гг. уложеніе о наказаніяхъ было закономъ дѣйствующимъ во всемъ его объемѣ. Съ 1904 года оно прекратило свое дѣйствіе, какъ разъ въ отношеніи тѣхъ дѣяній, для которыхъ, главнымъ образомъ, сохранена смертная казнь. И за эти дѣянія установленъ категоричный запретъ наказывать смертью несовершеннолѣтнихъ. А за дѣянія, неизмѣримо менѣе важныя, разницы между отвѣтственностью совершеннолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ не существуетъ,—говоритъ намъ практика военныхъ судовъ.

Это абсурдъ, — отвѣтитъ каждый здравомыслящій человѣкъ, не посвященный въ тонкости юриспруденціи. Не можетъ быть, чтобы въ государствѣ, претендующемъ на правовой строй, Гершковичъ, Васильевъ и Сидорчукъ, которымъ за посягательство

на жизнь Монарха или за особо тяжкіе виды измѣны грозила бы только каторга, были повѣшены потому, что одинъ убилъ полицейскаго офицера, другой—околоточнаго надзирателя, третій легко ранилъ пристава. Не можетъ быть, чтобы такой приговоръ о нихъ состоялся на точномъ основаніи истиннаго разума закона.

Да, не можетъ этого быть и этого нѣтъ. Нельзя, толкуя законъ, доводить его содержаніе до абсурда. Нельзя, примѣняя законъ, руководствоваться одной буквой. Юристъ обязанъ вникать во внутренній смыслъ закона и скорѣе поступаться буквой, нежели разумомъ.

«Русь» 12 августа 1905 г.,
№ 186.

Кабинетъ министровъ.

Политическая однородность и солидарность лицъ, стоящихъ во главѣ отдѣльныхъ отраслей подчиненнаго управленія, есть необходимое условіе правильнаго и успѣшнаго функціонированія государственной власти.

Когда форма правленія обезпечиваетъ прямое участіе народа, черезъ выборныхъ представителей, въ законодательствѣ и въ верховномъ управленіи, однородность и солидарность министровъ составляютъ одинъ изъ коренныхъ признаковъ государственнаго строя. При этомъ степень участія народа не имѣетъ рѣшающаго значенія.

Какова бы она ни была, министръ является звеномъ, связующимъ верховную власть съ представительствомъ. Онъ — докладчикъ и совѣтникъ верховной власти и, въ то же время, лицо, вносящее доклады въ представительное учрежденіе и дающее предъ нимъ объясненія. Такая роль министра, само собою разумѣется, не допускаетъ розни между министрами.

Съ другой стороны, черезъ министра же обнаруживается въ дѣйствіяхъ совокупная воля монарха и народныхъ представителей, какъ бы она ни слагалась. Если каждый министръ будетъ считать себя и ввѣренное ему вѣдомство самостоятельными, не обязанными сообразовываться, въ примѣненіи закона и въ общемъ направленіи административной политики, съ дѣйствіями другихъ министровъ, то въ подчиненномъ управленіи получится сплошной хаосъ.

Рознь между министрами недопустима, далѣе, въ интересахъ единства законодательства. Хотя право законодательной инициативы составляетъ неотъемлемую прерогативу представителей, но опытъ всѣхъ конституціонныхъ странъ учитъ, что пользованіе этимъ правомъ, въ формѣ внесенія детально разработанныхъ законопроектовъ—не норма, а исключеніе. Направленіе законодательной политики фактически, если не принадлежитъ министрамъ, то всегда въ значительной мѣрѣ отъ нихъ зависитъ. Для представительнаго учрежденія регулировать ее, при принципіальныхъ различіяхъ во взглядахъ отдѣльныхъ министровъ—задача невѣроятно трудная.

Все это съ логической неизбѣжностью приводитъ къ обращенію, «министерствъ» въ «министерство», т.-е. въ единое установленіе, слагающееся изъ лицъ, совмѣстно отвѣтственныхъ и передъ монархомъ, и передъ народнымъ представительствомъ.

Актъ 6 августа, положившій начало конца бюрократіи, какъ всепроникающей основѣ нашей государственной жизни, и раскрывшій двери для перехода къ иному порядку вещей, вопроса о «министерствѣ» не рѣшилъ. Но какъ только послѣдовало опубликованіе акта, вопросъ естественно самъ собою выдвинулся на очередь.

Абсолютизмъ отрицаетъ право политическихъ воззрѣній. Говоря точнѣе, онъ признаетъ въ гражданахъ, вообще, и въ высшихъ агентахъ власти, въ особенности, только одну политическую идею, поглощающую всѣ оттѣнки мысли и настроенія. Съ точки зрѣнія абсолютизма, эти оттѣнки ничтожны и съ ними не стоитъ считаться. Для гражданъ существуетъ одно дѣленіе: на вѣрноподданныхъ и невѣрноподданныхъ. Вторые—преступники и потому стоять у власти не могутъ. Первые же однородны въ силу общей всѣмъ имъ вѣрноподданности и потому, независимо отъ различія во взглядахъ, могутъ совмѣстно и одновременно быть министрами.

Отсюда вытекаетъ, что абсолютизмъ знаетъ визиратъ въ восточномъ смыслѣ, но ему неизвѣстно «министерство» въ смыслѣ западномъ.

Жизненно ли, однако, такое исходное положеніе? Дѣйствительно ли идея вѣрнаго подданства поглощаетъ и безъ остатка растворяетъ все безконечное разнообразіе политическаго мышле-

нія человѣка? Дѣйствительно ли возможно не считаться съ оттѣнками политическаго образа мыслей министровъ, равно и одинаково вѣрныхъ своему монарху?

Думаемъ, что намъ, русскимъ, передъ которыми нынѣ раскрылся во всей наготѣ результатъ бюрократическаго режима, особенно долго задумываться надъ этими вопросами не приходится. У каждаго передъ глазами сотни иллюстрацій вѣдомственной обособленности и абсолютизма министровъ, губернаторовъ, земскихъ начальниковъ и всякаго рода чиновниковъ, вплоть до самыхъ мелкихъ. Наши вѣдомства—разсыпанная храмина. Наши министерства фактически лишены всякаго объединяющаго начала.

Достаточно вспомнить, что въ теченіе долгихъ лѣтъ были вмѣстѣ министрами: графъ Д. А. Милютинъ—военнымъ и графъ Д. А. Толстой—народнаго просвѣщенія. Толстой, откровенно высказывавшій, что въ Россіи образованныхъ людей слишкомъ много и что они «не распредѣляются въ общественной средѣ» и неуклонно проводившій свой оригинальный взглядъ. Милютинъ — создавшій цѣлую систему общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній, военныхъ только по имени, добившійся, несмотря на энергичное противодѣйствіе Толстого, такой конструкціи льготъ по отбыванію воинской повинности, которая поощряла полученіе средняго и, особенно, высшаго образованія, пріютившій, наконецъ, въ военномъ госпиталѣ женскіе медицинскіе курсы.

А позднѣйшіе примѣры! Лѣтъ десять назадъ Н. В. Муравьевъ приступилъ къ пересмотру судебныхъ уставовъ въ цѣляхъ возсозданія единства судебной организаціи. Бюрократическая машина, пущенная въ ходъ съ исключительной помпой, заработала вовсю. Коммиссіи исписали вороха бумаги. И бытовыя особенности чердынскаго уѣзда или среднеазіатскихъ владѣній были предметомъ самаго внимательнаго сужденія. Не обсуждалось только одно, главное: институтъ земскихъ начальниковъ, мало сказать поколебавшій, а въ прахъ повергнувшій низшую юстицію. Всякій разъ, какъ заходила о немъ рѣчь, раздавалось veto: земскіе начальники принадлежатъ къ вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ.

Попытка собрать разсыпанную храмину была сдѣлана въ началѣ царствованія Александра II. Тогда былъ образованъ совѣтъ министровъ. Совѣтъ нашелъ свое мѣсто въ сводѣ законовъ, но не въ жизни: болѣе сорока лѣтъ онъ не собирался. Указъ 18 фев-

раля 1905 г. его возродилъ. Указъ 6 августа опять перевелъ на бумагу.

Не неопредѣленныя и безжизненныя формы совѣта министровъ нужны Россіи, датирующейся шестымъ августа, а «министерство»—кабинетъ министровъ.

Судя по газетнымъ свѣдѣніямъ, предположенія объ образованіи кабинета министровъ уже вылились въ представленіе, внесенное или вносимое министромъ финансовъ.

Послѣднее обстоятельство, въ связи съ нашей вѣдомственной обособленностью, невольно обращаетъ вниманіе на слова г. А. Гурьева («Слово», № 233):

«Необходимость финансоваго премьерства въ составѣ правительственной организаціи вытекаетъ изъ самой сущности финансовой отрасли государственнаго управленія. Достаточно сказать, что министръ финансовъ собираетъ и распредѣляетъ по всѣмъ вѣдомствамъ «народную шкатулку», — и тотчасъ же выступитъ передъ вами органическая необходимость вліянія министра финансовъ на весь ходъ государственныхъ дѣлъ. Припомните только двѣ государственныя аксіомы: «потребности государства безпредѣльны» — «средства государства ограничены», и вы тотчасъ же нащупаете какое-то лицо, которое руководитъ «ранжировкой» государственныхъ потребностей, что-то удовлетворяетъ — что-то отклоняетъ, одно осуществляетъ медленно—другое быстро и т. д. Уже «теоретически» ясно, что если министръ финансовъ хочетъ правильно исполнять свою функцію, то, помимо какихъ бы то ни было стремленій личнаго характера, по самому существу своихъ функцій, онъ обязательно долженъ идти или къ *законному премьерству*, или къ *фактической узурпаціи власти*». Далѣе авторъ приводитъ примѣры такой узурпаціи изъ исторіи Франціи ancien régim'a и изъ нашего недавняго прошлаго, граничащаго съ настоящимъ.

Что узурпація власти, при устраненіи народа отъ участія въ законодательствѣ и въ верховномъ управленіи, всегда возможна— противъ этого никто не станетъ спорить. Что при отсутствіи разборчивости въ средствахъ министру финансовъ особенно легко узурпировать власть—спорить также нельзя. Но выводить отсюда финансовое премьерство настолько же мало логично, насколько странно, при существованіи народнаго представительства, видѣть

въ министрѣ финансовъ какого-то хозяина «народной шкатулки», распредѣляющаго деньги по вѣдомствамъ и ранжирующаго государственныя потребности.

Въ томъ и заключается цѣнность и сила представительства, что узурпація его правъ ни для одного министра невозможна.

Первый министръ долженъ выражать идею единаго министерства. Желательно, чтобы въ непосредственномъ его вѣдѣніи находилась та отрасль государственнаго управленія, которая въ данный моментъ сосредоточиваетъ главный интересъ. Въ эпоху внутреннихъ реформъ занимать этотъ постъ наиболѣе свойственно министру внутреннихъ дѣлъ. Въ эпоху образованія внѣшняго могущества — министру иностранныхъ дѣлъ. Когда реформируются финансы—министру финансовъ. Когда вниманіе страны приковано къ вопросамъ культурно-просвѣтительнымъ—министру народнаго просвѣщенія. Но и это не обязательно. При выборѣ перваго министра не меньшую роль, чѣмъ спеціальныя знанія должны играть его индивидуальныя качества. Первый министръ можетъ и вовсе не имѣть портфеля.

Кабинетъ министровъ, сказали мы, нуженъ Россіи, датирующейся шестымъ августа. Да, послѣ образованія Государственной Думы онъ безусловно необходимъ. Но сейчасъ, въ періодъ всеобщаго броженія и готовящейся предвыборной кампаніи, когда борьба между реакціонными и прогрессивными элементами находится въ состояніи высшаго напряженія, когда бюрократія еще всесильна и борется за сохраненіе режима — не представитъ ли опасности замѣна разобщенныхъ вѣдомствъ единымъ министерствомъ? Не лучше ли, если пока все останется по старому?

Эти мысли какъ-то помимо воли приходятъ на умъ россійскому обывателю насквозь пропитанному скептицизмомъ. Къ чему приведетъ кабинетъ министровъ на почвѣ нынѣшнихъ реальныхъ фактовъ?

Кабинетъ сплотитъ вѣдомства въ компактное цѣлое и тѣмъ ихъ во много кратъ усилитъ. А первый министръ окажется фактически снабженнымъ почти безграничной властью. Въ конституціонныхъ государствахъ принадлежащая ему полнота власти не страшна. Не только конституція парламентарная, въ полной мѣрѣ осуществляющая принципъ отвѣтственности передъ страной министерства, но и прусская или германская даютъ въ руки на-

родныхъ представителей широкое право контроля. За ихъ контролемъ стоитъ контроль общественный. Даже тѣ слабые намеки на право требовать министерство къ отвѣту, которые даетъ ст. 35 Учрежденія Государственной Думы, въ связи съ гласностью думскихъ засѣданій—правда, условной и ограниченной—и они представляютъ собою нѣчто. Нѣчто—что можетъ и должно получить развитіе.

Но полнота власти перваго министра, свободнаго отъ всякаго контроля и умѣряющаго воздѣйствія общества, явится диктатурой. Какое направленіе получитъ диктатура въ данный переживаемый моментъ—едва ли могутъ быть сомнѣнія.

Нельзя забывать, что, какъ справедливо говоритъ «Сынъ Отечества» (№ 164), «раздѣльность министерствъ, совпадая съ интересами короны, приносила извѣстную пользу и обществу, ослабляя то здѣсь, то тамъ, гнетъ всей системы, вообще, и административной опеки—въ частности».

«Русь» 29 августа 1905 г.,
№ 203.

Законность и циркуляръ.

Не такъ давно въ одной мѣстной коллегіи смѣшаннаго состава возникъ споръ о соотношеніи между данной коллегіей и другой, вѣдающей тѣ же дѣла, только въ иномъ порядкѣ и въ иномъ объемѣ.

Въ засѣданіи участвовалъ свѣжій человѣкъ, впервые вступившій въ число членовъ коллегіи. Онъ раскрылъ соотвѣтственный законъ и прочелъ двѣ — три статьи, исключающія всякую возможность возникновенія спора. Онъ недоумѣвалъ, почему люди спорятъ, какъ могутъ опытные въ дѣлѣ чиновники не знать закона. Оказалось, что присутствующіе много разъ законъ читали и отлично его знаютъ, но...

— Этотъ законъ не дѣйствуетъ, отмѣненъ, — уничтожающе отрѣзалъ уѣздный авторитетъ. Въ тонѣ голоса слышалось глубокое презрѣніе къ мнящему себя юристомъ профану.

— Когда, кѣмъ?

— Уже годъ назадъ, его превосходительствомъ, такимъ-то.

И профану показали длинный и, какъ всегда бываетъ, туманный циркуляръ. Прямо въ немъ не говорилось ни да, ни нѣтъ. Но изъ-за красотъ канцелярскаго слога сквозило желаніе его превосходительства, чтобы законъ не дѣйствовалъ.

Эпизодъ весьма характерный. Дебри нашего права за время вѣкового неограниченнаго господства бюрократіи обросли дремучимъ лѣсомъ явныхъ, а еще болѣе тайныхъ инструкцій, циркуляровъ, толкованій, разъясненій и т. д.

Судья не вдумывается въ законъ. Когда онъ рѣшаетъ казусный случай, то обращается въ ищейку и часами роется въ своей памяти, въ справочныхъ изданіяхъ и въ ворохахъ кассаціонныхъ рѣшеній, въ надеждѣ найти подходящій номерокъ—опубликованный или неопубликованный. Администраторъ, главная задача котораго нюхать воздухъ, дабы дѣйствовать сообразно поминутно мѣняющимся и трудно осязаемымъ «видамъ правительства», — этотъ уже прямо боится закона. Нарушишь законъ, но исполнишь волю начальства—начальство заступится и еще въ утѣшеніе за непріятности отъ какого-нибудь кляузника представитъ къ наградѣ. Нарушишь волю начальства или сдѣлаешь вопреки «видамъ правительства», хотя бы и на точномъ основаніи закона—не жди ни наградъ, ни повышеній. Еще самъ прослывешь кляузникомъ.

«Я вамъ дѣло говорю, а вы мнѣ въ законъ тычете» — было любимой фразой одного умершаго нѣсколько лѣтъ назадъ администратора, своей безпримѣрно блестящей служебной карьерой доказавшаго житейскую непреложность непонятнаго для иностранца афоризма.

Отвлеченную теоретичность законодательныхъ опредѣленій позналъ и обыватель. Въ земскихъ собраніяхъ и городскихъ думахъ очень трудно бываетъ доказать правоту своего сужденія ссылкою на законъ или его логическимъ разборомъ. У слушателей всегда копошится сомнѣніе: а нѣтъ ли сенатскихъ рѣшеній, не было ли министерскаго циркуляра?

Единственная цѣль инструкціи или циркуляра—изъяснять, въ порядкѣ подчиненнаго управленія, условія примѣненія закона. Единственное оправданіе—въ неясности законодательнаго текста. Бюрократія же въ циркулярахъ и инструкціяхъ нашла легкій и вѣрный способъ подъ флагомъ «изъясненія» законъ измѣнять.

Излюбленнымъ дѣтищемъ администраціи вотъ уже 15 лѣтъ неизмѣнно являются земскіе начальники. За это время перемѣнилось шесть министровъ. И хотя всѣ они болѣе или менѣе одинаково любовно относились къ давящему «деревню» институту, но каждый обязательно вкладывалъ свое «я» въ обезпеченіе его неприкосновенности и въ упорядоченіе дѣятельности мѣстныхъ судей-администраторовъ. Естественно, что циркуляровъ о земскихъ начальникахъ и для земскихъ начальниковъ накопилось неисчислимое множество. Тощее положеніе 1889 г. въ изданіи

частныхъ предпринимателей, снабдившихъ его подстатейными разъясненіями, обратилось въ огромный увѣсистый томъ.

Но пока все-таки былъ только одинъ томъ. А теперь положено начало второму. Изданъ наказъ земскимъ начальникамъ, заключающій въ себѣ сотни статей. И не успѣлъ еще никто наказа хорошенько прочесть, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ распубликовалъ циркуляръ (отъ 31 августа 1905 г. № 30) губернаторамъ «о введеніи въ дѣйствіе наказа». Получилась инструкція объ инструкціи, циркуляръ о циркулярѣ.

Яснѣе ли отъ того сталъ законъ?

Циркуляръ между прочимъ пытается ввести въ границы произволъ земскихъ начальниковъ. Отправною точкою для разсужденій по этому предмету служитъ «признаніе ихъ властью правительственною».

«Изъ этого начала непосредственно вытекаетъ обязанность земскихъ начальниковъ слѣдовать въ своихъ дѣйствіяхъ общему порядку и цѣлямъ правительственной дѣятельности, не поставляя, вмѣсто нихъ, ни собственнаго, хотя бы и благожелательнаго усмотрѣнія, ни безотчетнаго и постоянно мѣняющагося способа дѣйствій».

Поэтому, продолжаетъ циркуляръ, какъ внѣшнія процессуальныя формы дѣятельности земскихъ начальниковъ, «такъ и внутреннее ея содержаніе» должны быть повсемѣстно однородны, «не завися отъ личныхъ соображеній отдѣльныхъ исполнителей». «Такому положенію отнюдь не противорѣчатъ предоставленныя земскимъ начальникамъ, согласно дѣйствующему закону, нѣкоторыя дискреціонныя полномочія. Подобнаго рода полномочія являются вообще непремѣнной принадлежностью административной дѣятельноети, которая состоитъ, въ извѣстной части, въ приложеніи административныхъ полномочій къ непрерывно мѣняющимся явленіямъ, ускользающимъ по своему свойству отъ точной регламентаціи закона. Примѣненіе такихъ полномочій, однако, только тогда можетъ быть почитаемо законнымъ, когда оно происходитъ въ опредѣленныхъ, указанныхъ закономъ, рамкахъ и цѣляхъ».

Что представляютъ изъ себя приведенныя слова? Правило для руководства, или теоретическое разсужденіе въ категорической формѣ о болѣе чѣмъ спорныхъ положеніяхъ?

Создать внѣшнія однородныя процессуальныя условія дѣятельности не трудно, и наказъ это дѣлаетъ. Но какъ сдѣлать, чтобы была однородна дѣятельность земскихъ начальниковъ «и по внутреннему содержанію», когда опредѣляющимъ его началомъ служитъ не законъ, а «общій порядокъ и цѣли правительственной дѣятельности», нигдѣ и никѣмъ не формулированныя — остается такой же неразрѣшимой загадкой, какой были и до циркуляра всѣ соображенія объ ограниченіи произвола земскихъ начальниковъ.

Съ другой стороны, циркуляръ несомнѣнно отступаетъ отъ духа положенія 1889 года. «Собственное благожелательное усмотрѣніе» неразрывно связано съ той степенью дискреціонныхъ полномочій, какими снабжены земскіе ыачальники. Циркуляръ заблуждается, прилагая къ земскимъ начальникамъ общія нормы административной дѣятельности. Будучи властными «попечителями» крестьянъ и обладая дисциплинарными правами надъ лицами, не состоящими на службѣ, они занимаютъ совершенно обособленное положеніе, недопускающее ни сопоставленій, ни аналогій.

Тотъ же циркуляръ констатируетъ многіе давно извѣстные неприглядные факты дѣятельности земскихъ начальниковъ и уѣздныхъ съѣздовъ. Послѣдніе, значится въ циркулярѣ, обратились въ учрежденія, огульно утверждающія постановленія земскихъ начальниковъ и огульно же оставляющія безъ уваженія приносимыя на нихъ жалобы.

И въ этомъ отношеніи соображенія циркуляра суть отвлеченныя разсужденія. Причина явленія лежитъ слишкомъ глубоко: въ принципахъ, на которыхъ покоятся основы образованія уѣздныхъ съѣздовъ.

Дефекты закона можно исправлять только закономъ же. Особенно это приложимо къ институту земскихъ начальниковъ. Его исправлять нельзя. Его необходимо упразднить...

Военные денщики.

I.

Неудачная война всегда влечетъ за собой военныя реформы. Это вполнѣ естественное явленіе, и было бы странно, если бы государство, перенесшее неудачную войну, не поставило на первую очередь преобразованія арміи.

Война для арміи—экзаменъ. Экзаменъ—суровый и безпощадный. Успѣхъ на войнѣ единственное оправданіе войска, его воспитанія и обученія, всей военной организаціи и колоссальныхъ жертвъ государства на военное дѣло. Съ другой стороны, для войска десятки лѣтъ мирнаго времени есть ни что иное, какъ сплошное приготовленіе къ экзамену—войнѣ. Если экзаменъ не выдержанъ, значитъ, приготовленіе велось неправильно. Необходимъ пересмотръ пріемовъ обученія, средствъ и способовъ воспитанія, снабженія, снаряженія и вооруженія, устройства управленія, командпаго и административнаго, системы и условій комплектованія, порядка прохожденія службы, вспомогательныхъ военныхъ институтовъ и т. д., и т. д.

Не будетъ парадоксомъ сказать, что если бы не было неудачныхъ войнъ, не было бы прогресса въ военномъ дѣлѣ. Но такъ какъ всякая война неизбѣжно для одного изъ воюющихъ кончается неудачей, то отсюда и вытекаетъ, что въ результатѣ войнъ всегда наблюдается скачокъ впередъ по пути развитія воен-

ной науки и техники, а также по пути усовершенствованія организаціи арміи.

Въ «Руси» (№ 194) была помѣщена бесѣда съ «извѣстнымъ знатокомъ военнаго дѣла и виднымъ государственнымъ дѣятелемъ», который, намѣчая схему предстоящихъ военныхъ реформъ, между прочимъ, сказалъ:

«Очень большимъ зломъ являются денщики. Уничтоженіе этого института является одной изъ самыхъ безотлагательныхъ мѣръ, тѣмъ болѣе, что проведеніе ея не вызоветъ особыхъ расходовъ. Въ проектѣ мы рѣшили выдавать офицерамъ на наемъ прислуги особыя деньги. Сказать точно, сколько числится теперь денщиковъ въ нашей арміи, довольно трудно, но ихъ десятки тысячъ. Черезъ 5 — 6 лѣтъ, по объявленіи военныхъ дѣйствій, всѣ они, будучи призваны изъ запаса подъ ружье, составятъ уже довольно большую, но не грозную армію въ 100,000 плохо или совсѣмъ необученныхъ солдатъ. Такимъ образомъ, мы безотлагательно должны позаботиться о совершенномъ уничтоженіи этого штата военныхъ «услужающихъ» людей. Если и придется ихъ оставить, то только для тѣхъ мѣстностей, гдѣ нельзя будетъ достать другой прислуги. Но и въ этомъ случаѣ ихъ штатъ долженъ быть значительно сокращенъ».

Итакъ, вновь поставленъ на очередь «денщичій» вопросъ. Среди другихъ военныхъ реформъ, уничтоженіе института денщиковъ представляетъ собою, конечно, второстепенную частность,— частность, однако, признаваемую существенно важной и со спеціально-военной точки зрѣнія. Съ точки же зрѣнія государственно-правовой и экономической ея значеніе еще неизмѣримо большее.

Нѣсколько лѣтъ назадъ этотъ вопросъ былъ предметомъ оживленныхъ дебатовъ въ «Русскомъ Инвалидѣ», «Развѣдчикѣ» и въ общей прессѣ. Доводы дебатировавшихъ явно склонялись въ пользу упраздненія денщиковъ. И терминъ дѣйствительно былъ затѣмъ упраздненъ: слова «денщикъ» нашъ законъ болѣе не знаетъ. Денщиковъ замѣнили «постоянные вѣстовые». Но въ существѣ положеніе дѣла не измѣнилось ни на одну іоту. Остались въ арміи тѣ же десятки тысячъ солдатъ, взятыхъ изъ населенія, на основаніи принципа: «защита Престола и Отечества есть священная обязанность каждаго русскаго подданнаго»—и проходящихъ службу въ роли домашней прислуги.

Военные «денщики» или «постоянные вѣстовые»—одинъ изъ яркихъ пережитковъ рабства.

Рекрутскій уставъ и все дореформенное военное законодательство послѣдовательно проводили начала крѣпостного права: принадлежность лица помѣщику, казнѣ, учрежденію или вѣдомству. «Крещеная собственность» помѣщика, монастыря, завода и т. п., принятіемъ въ рекруты, обращалась въ такую же собственность военнаго вѣдомства. Состояніе лица «въ крѣпости» ни въ чемъ не нарушалось. До поступленія крѣпостного крестьянина на службу хозяиномъ и полнымъ распорядителемъ его рабочей силы былъ помѣщикъ. Съ момента рекрутства такимъ же точно хозяиномъ-собственникомъ крестьянъ и другихъ лицъ податныхъ состояній становилось военное вѣдомство.

По окончаніи срока военной службы солдатъ, правда, дѣлался свободнымъ. Но это отнюдь не нарушало основного воззрѣнія закона. Напротивъ, увольненіе «на волю» было естественнымъ слѣдствіемъ использованія въ теченіе долгихъ лѣтъ службы рабочей силы солдата, съ одной стороны, и являлось такой же наградой, какъ отпускъ «на волю» помѣщиками чѣмъ-либо особенно угодившихъ крѣпостныхъ — съ другой. До истеченія же срочныхъ лѣтъ службы, т.-е. до использованія рабочей силы солдата, военное вѣдомство ревниво оберегало свои интересы собственника. Даже отъ солдатъ, совершившихъ наиболѣе тяжкія преступленія, за которыя полагалась ссылка въ каторжныя работы, войско неохотно отказывалось. Генералъ-аудиторіатъ въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно испрашивалъ особыя Высочайшія повелѣнія о замѣнѣ каторжныхъ работъ отдачей въ крѣпостныя арестантскія роты, дабы виновные «съ пользою могли быть употреблены по военному вѣдомству».

При такихъ условіяхъ отдача солдатъ для домашнихъ услугъ офицерамъ являлась однимъ изъ способовъ «употребленія съ пользою по военному вѣдомству» людей, взятыхъ не отъ населенія, а отъ такихъ же, какъ военное вѣдомство, рабовладѣльцевъ. Помѣщики имѣли крѣпостныхъ, въ собственномъ смыслѣ, крестьянъ и дворовыхъ. И войско имѣло солдатъ, въ собственномъ смыслѣ, и прислугу для офицеровъ.

Рѣшающее значеніе въ вопросѣ могли имѣть соображенія удобства и сравнительной дешевизны для казны давать офице-

рамъ прислугу натурой вмѣсто учета стоимости ея найма при исчисленіи жалованья, но никакъ не права и интересы населенія, и сдаваемыхъ въ рекруты, въ частности. Личные права и интересы рабовъ игнорировались. Интересъ хозяйскаго рубля надъ ними безпредѣльно господствовалъ. Въ отношеніи денщиковъ законъ не допускалъ лишь одного: чтобы офицеры торговали ихъ рабочей силой. Это почиталось преступнымъ и влекло за собою кару, съ современной точки зрѣнія безобразную, для крѣпостной же эпохи въ высшей степени характерную. За отдачу своего денщика въ услуженіе постороннему лицу военно-уголовный уставъ предписывалъ съ имѣній обоихъ, какъ отдавшаго денщика, такъ и принявшаго, взыскивать столько рекрутъ безъ зачета, сколько одинъ неправильно отдалъ, а другой принялъ.

Для виновныхъ офицера и посторонняго лица кара составляла ущербъ только имущественный. Для военнаго вѣдомства она съ избыткомъ возмѣщала ущербъ въ крещеной собственности. А чѣмъ она была для людей, ни въ чемъ неповинныхъ — о томъ законъ не думалъ: она касалась не людей, а рабовъ...

19 февраля 1861 года упразднило крѣпостное право. Уставъ 1 января 1874 года поставилъ отбываніе воинской повинности въ причинную связь съ обще-гражданской обязанностью защиты Престола и Отечества. А денщики въ арміи остались. Почему?

Потому же, почему крестьяне до сихъ поръ не уравнены въ правахъ съ другими сословіями и состоятъ подъ властнымъ попечительствомъ земскихъ начальниковъ. Потому же, почему весь нашъ юридическій строй полонъ самыхъ крайнихъ противорѣчій. Потому—что крѣпостное право во многомъ еще не умерло.

II.

Въ «Поединкѣ» Куприна, дающемъ, кстати сказать, фотографически-точное и правдивое изображеніе бытовыхъ чертъ полковой захолустной жизни, есть нѣсколько сценъ, чрезвычайно выпукло рисующихъ положеніе денщика.

Прибавьте къ нимъ то, что многожды писали въ беллетристической формѣ другіе авторы, и вы получите слѣдующую сложную картину.

Денщикъ—лакей, горничная, нянька; денщикъ—забава, посмѣшище, шутъ; денщикъ—посредникъ между ротнымъ командиромъ и солдатами, ловко пользующійся выгодами лакейской близости къ начальнику; денщикъ встрѣчаетъ пьянаго офицера, раздѣваетъ и укладываетъ спать; подъ сердитую руку его жестоко бьютъ; въ благодушномъ настроеніи съ нимъ интимно бесѣдуютъ; на глазахъ денщика проходитъ вся семейная жизнь женатаго офицера; онъ обязательный свидѣтель развратныхъ похожденій капитана Стельковскаго (см. «Поединокъ») и т. д., и т. д. Онъ—все, что угодно, только не то, во имя чего взятъ отъ производительнаго труда.

Денщикъ — даровая прислуга. Денщикъ безправное существо, полностью отданное во власть темперамента, характера и привычекъ офицера, его жены, тещи, кухарки. Ни одинъ штрихъ не отличаетъ фактическаго положенія денщика отъ положенія бывшаго двороваго. Если современный денщикъ не вполнѣ совпадаетъ съ некрасовскимъ Ванькой, то разницу скорѣе слѣдуетъ относить на счетъ измѣненія нравовъ, нежели на счетъ различія юридическаго положенія—вѣрнѣе, его выраженія въ фактахъ дѣйствительной жизни.

Офицеръ для денщика — «баринъ». Такъ обыкновенно денщики и говорятъ между собой: «мой баринъ», «твой баринъ». Но не баринъ вольнонаемной прислуги, отношенія къ которой устанавливаетъ добровольный договоръ съ оплатою труда, а именно баринъ былого времени. Баринъ—съ властью начальника. Баринъ, отношенія къ которому опредѣляются воинской дисциплиной. Баринъ, на поступленіе къ которому въ услуженіе о согласіи денщика никто не спрашиваетъ, быть лакеемъ, поваромъ, горничной и нянькой котораго денщикъ обязанъ безвозмездно, въ силу своей «священной» обязанности гражданина защищать Престолъ и Отечество.

Какое грубое, непримиримое противорѣчіе!

Денщику стало не втерпежъ жить домашней прислугой. Онъ говоритъ: «Дозвольте, ваше благородіе, отчислиться въ роту». Результатъ—преданіе суду за неповиновеніе и отдача въ дисциплинарный батальонъ. Такихъ примѣровъ практика военныхъ судовъ знаетъ не одинъ десятокъ. Къ сожалѣнію, эта практика мало извѣстна не только публикѣ, но и среди самихъ военныхъ. Ближайшее знакомство съ нею раскрыло бы такіе оффиціально завѣренные

факты изъ области денщичьяго вопроса, передъ которыми блѣднѣютъ всѣ картины Куприна и прочихъ военныхъ бытописателей.

Да и можетъ ли быть иначе? Отношенія людей—денщика и его «барина»—находятся въ условіяхъ, ничего общаго съ военной службой не имѣющихъ, законъ же регламентируетъ ихъ, какъ служебно-дисциплинарныя. Болѣе благодарной почвы для конфликтовъ невозможно придумать. А когда за этими конфликтами слѣдуетъ не расторженіе договора, а для одной стороны—въ лучшемъ случаѣ тюрьма или дисциплинарный батальонъ — бываетъ же и каторга, — то волосы становятся дыбомъ. Пьяный солдатъ-денщикъ привелъ къ себѣ проститутку. Баринъ-офицеръ сталъ ее переманивать. Денщикъ протестовалъ. Баринъ вошелъ въ роль начальника—раздалось: «Я тебѣ приказываю». Исполненія не послѣдовало. Рапортъ, дознаніе, судъ и три года заключенія въ дисциплинарномъ батальонѣ... Денщикъ пользовался расположеніемъ барыни. Баринъ узналъ и сталъ бить барыню. Денщикъ заступился—и приговоренъ къ ссылкѣ въ каторжныя работы на двѣнадцать лѣтъ...

Какъ напоминаютъ эти факты, не выдуманные, а взятые изъ судебныхъ дѣлъ недавняго времени, классическіе примѣры профессора Баршева, которые онъ любилъ приводить съ каѳедры и занесъ въ свой учебникъ уголовнаго права. Почтенный ученый, «докторъ правъ и кавалеръ», разбирая въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка необходимую оборону, аргументировалъ условность ненаказуемой самозащиты слѣдующими соображеніями: «Ежели»—его обычное начало фразы—слуга осмѣлится оскорбить барина, и баринъ, въ предупрежденіе еще бо̀льшаго оскорбленія, слугу ранитъ или убьетъ, то, «конечно», наказывать ба́рина нельзя. «Ежели же» баринъ, въ справедливомъ гнѣвѣ на слугу, дастъ ему нѣсколько пощечинъ, а слуга, забывшись, нанесетъ барину раны или причинитъ увѣчье, то такой слуга долженъ быть наказанъ безъ всякой пощады.

Въ литературѣ рисовались не разъ и идиллическія картины отношенія денщиковъ къ семьѣ офицеровъ. Но развѣ и эпоха крѣпостного права не знала вѣрныхъ Ванекъ, рабски преданныхъ барскимъ дѣтямъ, не чаявшихъ души въ господахъ, и въ которыхъ господа тоже не чаяли души? Развѣ не раздается постоянно сѣтованій о безвозвратно погибшемъ типѣ старой дворовой при-

слуги? Имѣетъ ли только право военное вѣдомство изъ свободныхъ гражданъ, безъ различія состояній подлежащихъ воинской повинности, возсоздавать этотъ типъ?

Еще недавно въ газетахъ приводилась трогательно-умилительная сцена. Изъ поѣзда, пришедшаго въ Москву или Петербургъ съ Дальняго Востока, вышелъ загорѣлый бородатый солдатъ съ однимъ ребенкомъ на рукахъ и еще съ двумя, держащимися за его свободную руку. Баринъ-офицеръ былъ вдовъ, его убили. Денщикъ мѣсяцъ везъ круглыхъ сиротъ, кормилъ, поилъ, одѣвалъ, укладывалъ спать... Да, великое спасибо идетъ къ нему изъ-за гроба отъ несчастнаго отца, великое спасибо скажутъ ему, когда выростутъ, дѣти, благодарить его должно и общество. Но если явленіе обобщить, если вспомнить, что этотъ солдатъ оставилъ у себя дома тоже, быть можетъ, малыхъ дѣтей, не менѣе нуждающихся въ немъ, что онъ оставилъ ихъ единственно во имя защиты Престола и Отечества, что, пока онъ ѣхалъ въ Москву, другой такой же, какъ онъ, кормилецъ семьи сражался на поляхъ Манчжуріи,—то данный фактъ представится въ иномъ освѣщеніи.

Не всѣхъ солдатъ, далѣе, тяготятъ неестественныя роль и положеніе офицерской прислуги. Многіе сами просятся въ денщики. Что же, однако, до этого государству?

Человѣку, съ рабскимъ чувствомъ и съ слабымъ развитіемъ сознанія своего достоинства, легче и спокойнѣе проходить службу при баринѣ, нежели въ казармѣ. Тутъ нѣтъ карауловъ, ученій, стрѣльбы. Тутъ возможны денежныя подачи; можно лизать барскія тарелки и получать одежду съ барскаго плеча. Что изъ того, что тутъ больше вѣроятности быть оскорбляемымъ, битымъ, унижаемымъ. Кто не сознаетъ своего достоинства, тотъ съ этимъ мало считается. Но государство не можетъ не считаться съ развитіемъ въ гражданахъ, а особенно въ военнослужащихъ, сознанія достоинства. Развивать и поддерживать въ подчиненныхъ представленіе о высокомъ призваніи воина составляетъ одну изъ главныхъ задачъ военнаго воспитанія, какъ говоритъ нашъ дисциплинарный уставъ.

III.

Въ пользу сохраненія денщиковъ, точнѣе за невозможность ихъ упраздненія, приводятся доводы троякаго рода.

Во-первыхъ, опасеніе, что вслѣдствіе дороговизны мужской прислуги офицеры будутъ брать женскую, а это повлечетъ за собой развратъ. Во-вторыхъ, необходимость установить особый денежный отпускъ на наемъ прислуги тяжело, говорятъ, ляжетъ на военный бюджетъ. Въ-третьихъ, въ военное время значительный при арміи контингентъ вольнонаемной прислуги не допустимъ въ интересахъ успѣха войны и врядъ ли можно разсчитывать на то, что прислуга въ массѣ послѣдуетъ за офицерами на театръ военныхъ дѣйствій.

Первый доводъ серьезнаго разбора не заслуживаетъ. Офицеры люди взрослые, живутъ не въ интернатахъ и такъ далеко вести систему опеки по отношенію къ нимъ не имѣетъ внутренняго смысла. Кто развратенъ, тотъ развратничаетъ и при нынѣшнихъ «постоянныхъ вѣстовыхъ». Стельковскимъ и въ настоящее время никто и ничто не мѣшаетъ нанимать, соблазнять и мѣнять крестьянскихъ дѣвицъ.

Съ другой стороны, неужели можно серьезно относиться къ оправданію обращенія одного человѣка въ раба другого потому, что иначе этотъ другой будетъ вести развратную жизнь? Не слышится ли въ такомъ оправданіи прямой отзвукъ былого безвозвратно минувшаго времени, когда отцы и матери преслѣдовали и жестоко наказывали не сыновей, а ихъ жертвы—несчастныхъ дворовыхъ дѣвушекъ?..

Денежныя соображенія слышатся всегда, когда возникаетъ вопросъ о полной замѣнѣ или частичномъ ограниченіи натуральной повинности. Если повинность дорожная, подводная, квартирная или воинская—все равно—отбывается натурой, то, конечно, кассовый оборотъ завѣдующаго ею вѣдомства меньше, нежели если она переложена въ денежную. Кассовый оборотъ принимается за реальное выраженіе стоимости удовлетворенія потребности, и отсюда вытекаютъ соображенія о сравнительной дороговизнѣ или дешевизнѣ. Забывается, однако, приэтомъ одно: что казна и вѣдомства тратятъ не свой капиталъ, а деньги, собираемыя съ на-

селенія, которому рѣшительно одинаково, уплатить ли извѣстную сумму или утратить равноцѣнную рабочую силу.

Допустимъ, что денщиковъ 30 тысячъ — ихъ никакъ не менѣе, а если причислить прислугу въ офицерскихъ собраніяхъ, при буфетахъ и пр., то навѣрное болѣе. Допустимъ, что на оплату труда этихъ безвозмездно услужающихъ придется выдавать офицерамъ, сверхъ стоимости продовольствія и обмундированія солдата, по 100 рублей въ годъ. Получится увеличеніе военнаго бюджета на три милліона. Ихъ придется уплатить населенію.

Что населеніе потеряетъ отъ этого увеличенія податного бремени? Оно не только ничего не потеряетъ, а несомнѣнно выиграетъ. Сто рублей есть средній годовой заработокъ сельскохозяйственнаго рабочаго. Въ другихъ же отрасляхъ труда годовой заработокъ выше. Но этого мало. При учетѣ, во что обходится странѣ каждый отбывающій воинскую повинность, ошибочно высчитывать только ту сумму денегъ, которую онъ получилъ бы на руки. Необходимо брать результатъ производительнаго труда взрослаго, молодого, здороваго человѣка во всемъ объемѣ, т.-е. стоимость созданныхъ имъ цѣнностей или, иначе сказать, необходимо причислять прибыль, получаемую отъ его годовой работы предпринимателемъ, торговцемъ, словомъ, всѣмъ безконечно длиннымъ рядомъ посредниковъ между производителемъ и потребителемъ. Затѣмъ нельзя не учитывать экономическаго значенія неизбѣжнаго пониженія работоспособности будущихъ поколѣній, вслѣдствіе искусственнаго перерыва брачныхъ общеній, падающаго на періодъ расцвѣта физическихъ силъ для здоровыхъ элементовъ населенія. Нельзя забывать, что при системѣ всеобщей воинской повинности въ возрастѣ 21—25 лѣтъ брачную жизнь ведутъ, кромѣ льготныхъ, одни калѣки.

Все это, вмѣстѣ взятое, даетъ полное право сказать, что ссылка на увеличеніе военнаго бюджета отъ замѣны денщиковъ платой на вольнонаемную прислугу основана на недоразумѣніи. Бюджетъ увеличится, но трата населенія уменьшится.

Третій доводъ представляется въ обѣихъ частяхъ существеннымъ. На войнѣ ни для одной арміи обойтись вовсе безъ казенной офицерской прислуги немыслимо. Но дѣлать отсюда заключеніе, что невозможно упраздненіе денщиковъ въ мирное время— логическій абсурдъ.

ВОЕННЫЕ ДЕНЩИКИ.

Въ военной службѣ есть много должностей и занятыхъ въ мирное время нижними чинами и замѣщаемыхъ военнослужащими только потому, что военная служба должна обладать постоянной готовностью въ любой моментъ удовлетворить потребности войны. Должности полковыхъ казначеевъ, квартермистровъ, писарей съ успѣхомъ могли бы исполняться въ мирное время не офицерами и солдатами, а чиновниками или вольнонаемными людьми. Если же на дѣлѣ такихъ должностяхъ въ мирное время состоять военнослужащіе, то главнымъ образомъ въ цѣляхъ подготовленія соотвѣтственныхъ спеціалистовъ для времени военнаго.

Принадлежать ли обязанности денщика къ разряду требующихъ спеціальныхъ знаній и навыковъ? Вскипятить воду, вычистить сапоги, принести изъ землянки на позицію обѣдъ, думаемъ, сумѣетъ каждый солдатъ. Онъ не сумѣетъ служить за параднымъ столомъ, безшумно двигаясь и ловко подавая блюда или убирая посуду, и не сумѣетъ приготовить изысканный обѣдъ. Но въ предѣлахъ исполненія необходимыхъ на войнѣ услугъ обучать его и годами практиковать нѣтъ никакой надобности.

Вмѣстѣ съ тѣмъ на войнѣ нѣтъ офицерской семьи—барыни, дѣтей, тещи. Боевая обстановка лишаетъ офицера специфическихъ чертъ «барина». Общность опасности, тягостей и лишеній сближаетъ офицеровъ съ солдатами. Вчерашній денщикъ, сегодня идетъ въ обозѣ, завтра отбиваетъ нападеніе непріятеля. При такихъ условіяхъ, онъ всегда остается солдатомъ и начальнику, офицеру въ его глазахъ гораздо труднѣе обратиться въ «барина».

«Русь» 6 сентября 1905 г.,
№ 211.

Еще о смертной казни.

Вопросъ о смертной казни въ наукѣ уголовнаго права давно и безповоротно рѣшенъ. Двухъ мнѣній объ отсутствіи правовыхъ основаній сохраненія этой кары, о ея безцѣльной жестокости и нецѣлесообразности не существуетъ. Не существуетъ также двухъ мнѣній о необходимости и полной возможности для положительнаго законодательства вычеркнуть смертную казнь изъ числа карательныхъ мѣръ, какъ это между прочимъ признавали и составители первоначальнаго проекта нашего уголовнаго уложенія 1903 года.

Кодексы въ данномъ отношеніи еще обнаруживаютъ малопонятную косность и нерѣшительность. Но какъ бы законъ ни смотрѣлъ на смертную казнь, она во всякомъ случаѣ представляетъ собою самое тяжкое и самое высшее наказаніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ смертная казнь абсолютно исключаетъ возможность исправленія судебной ошибки.

А отсюда слѣдуетъ, что, опредѣляя смертную казнь, судъ обязанъ быть, мало сказать, сдержаннымъ — онъ обязанъ быть щепетильнымъ. Ея назначеніе допустимо лишь тогда, когда законъ прямо и категорично того требуетъ, не оставляя ни малѣйшаго сомнѣнія. Ни одно процессуальное правило, а тѣмъ болѣе ни одно правило матеріальнаго законодательства, разъ дѣло идетъ о смертной казни, не можетъ подлежать распространительному толкованію.

Практика послѣдняго времени показываетъ обратное. Мы отмѣчали это въ отношеніи примѣненія смертной казни къ несовершеннолѣтнимъ. Теперь приходится отмѣтить случай назначенія смертной казни вопреки формальнаго даже разума закона.

1 сентября главный военный судъ разсматривалъ въ кассаціонномъ порядкѣ дѣло о мѣщанинѣ Друѣ [1]).

16 іюня 1905 года, въ 10 часовъ утра, Друй, находясь въ толпѣ, въ отвѣтъ на обращенное къ ней городовымъ требованіе разойтись, выстрѣлилъ въ городового и затѣмъ произвелъ еще два выстрѣла въ преслѣдовавшихъ его, но никому вреда не причинилъ. Одесскій военно-окружный судъ призналъ его въ этихъ дѣяніяхъ виновнымъ, квалифицировалъ ихъ, какъ покушеніе на убійство, совершенное при вооруженномъ сопротивленіи полиціи, и на основаніи постановленій о мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи, избралъ нормальнымъ наказаніемъ смертную казнь. Принявъ же во вниманіе обстоятельство, уменьшающее вину,—незнаніе подсудимымъ о введеніи въ Одессѣ военнаго положенія — судъ смягчилъ смертную казнь на одну степень и назначилъ ссылку въ каторжныя работы безъ срока.

Въ главный военный судъ дѣло поступило по кассаціонному протесту прокурора и по жалобѣ осужденнаго. Прокуроръ оспаривалъ смягченіе смертной казни. Осужденный же оспаривалъ примѣненіе къ нему постановленій о мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи, ибо Высочайшее повелѣніе о военномъ положеніи въ Одессѣ было объявлено плакатами, расклейка которыхъ началась 16 іюня въ 2 ч. дня, а въ оффиціальной мѣстной газетѣ повелѣніе было напечатано 17 іюня.

Жалоба отвергнута. Протестъ признанъ заслуживающимъ уваженія, и постановленіе о признаніи Друя совершившимъ дѣянія при уменьшающемъ вину обстоятельствѣ и о смягченіи смертной казни изъ приговора исключено.

Итакъ, Друй присужденъ къ смертной казни и, если послѣдуетъ конфирмація командующаго войсками одесскаго военнаго округа, то будетъ повѣшенъ.

Удовлетворяя протестъ прокурора, главный военный судъ поступилъ правильно. Формула — «невѣдѣніемъ закона отговари-

---

[1]) Судебный отчетъ напечатанъ въ «Руси», № 207.

ваться нельзя» — допускаетъ одно изъ двухъ: или подсудимый долженъ былъ знать о введеніи въ Одессѣ военнаго положенія, или онъ знать это былъ не долженъ. Въ первомъ случаѣ получаютъ полное примѣненіе уголовно-правовыя опредѣленія о повышенной отвѣтственности.

Во второмъ — они не имѣютъ примѣненія вовсе. Частичное примѣненіе ихъ въ формѣ смягченія наказанія въ силу фактическаго незнанія подсудимымъ о введеніи военнаго положенія лишено юридическаго смысла.

Но вмѣстѣ съ протестомъ подлежала удовлетворенію и жалоба, доказывающая, и неоспоримо доказавшая, что Друй въ моментъ совершенія дѣяній не обязанъ былъ знать о введеніи въ Одессѣ военнаго положеніи.

Законъ, на основаніи котораго Друй присужденъ къ смертной казни, носитъ заголовокъ: «Постановленія о мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи». Уже отсюда ясно, что начальный моментъ военнаго положенія мѣстности составляетъ не подписаніе соотвѣтственнаго повелѣнія, а объявленіе о немъ. Текстъ закона и этимъ не ограничивается. Ст. 6 категорично говоритъ, что военное положеніе вступаетъ въ силу по объявленіи о томъ: въ городскихъ поселеніяхъ и въ мѣстахъ нахожденія волостныхъ и равныхъ имъ правленій—одновременно съ объявленіемъ, а въ прочихъ мѣстахъ со дня, слѣдуюшаго за днемъ объявленія.

Въ Одессѣ расклейка плакатовъ была начата 16 іюня, въ 2 часа дня. Допустимъ, что приступъ къ расклейкѣ плакатовъ уже завершилъ переходъ города отъ мирнаго положенія къ военному. Хотя и это подлежитъ спору, но въ дѣлѣ Друя является обстоятельствомъ несущественнымъ. Въ 10 же часовъ утра, 16 іюня, т.-е. за четыре часа до объявленія, военнаго положенія въ Одессѣ не было. Знать, что его черезъ четыре часа объявятъ, Друй не только не былъ долженъ, но и не могъ. Онъ совершилъ свое дѣяніе тогда, когда военное положеніе въ силу не вступало.

Приведенныя слова закона настолько устраняютъ какое-либо иное толкованіе, что дававшій заключеніе помощникъ главнаго военнаго прокурора допускалъ возможность незнанія подсудимымъ, въ моментъ совершенія дѣянія, о введеніи въ Одессѣ военнаго положенія. Но, разсуждалъ онъ, въ Одессѣ съ 20 августа 1904 г. дѣй-

ствуетъ положенiе объ усиленной охранѣ, на основанiи котораго Друй тоже могъ быть подвергнутъ смертной казни.

Да, на основанiи ст. 17 и 18 положенiя объ усиленной охранѣ Друй могъ быть преданъ военному суду генералъ-губернаторомъ или министромъ внутреннихъ дѣлъ за покушенiе на убiйство городового, для сужденiя по законамъ военнаго времени и для примѣненiя смертной казни. Но что же слѣдуетъ изъ этого?

Преданiе военному суду, съ указанными послѣдствiями, въ мѣстностяхъ, гдѣ дѣйствуетъ положенiе объ усиленной охранѣ, есть право названныхъ лицъ, а не обязанность. Они могли имъ воспользоваться, но могли почему-либо и не воспользоваться. И практикѣ извѣстно, что бывало не мало примѣровъ, когда совершившiе даже болѣе тяжкiя, чѣмъ Друй, посягательства въ мѣстахъ дѣйствiя усиленной охраны военному суду не предавались и отвѣчали на основанiи общихъ законовъ. Слѣдовательно, дѣлать догадку возможно съ равнымъ правомъ и въ одну сторону, и въ другую. Когда же за догадкой въ одну сторону стоитъ высшее наказанiе, то именно въ эту сторону нельзя направлять фантазiю. Для юриста—это азбука.

Друй на основанiи положенiя объ усиленной охранѣ преданъ суду не былъ. А потому ни одесскiй, ни главный военный суды примѣнять къ нему законовъ объ усиленной охранѣ не имѣли никакого права.

Онъ былъ преданъ суду на основанiи постановленiй о мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положенiи. Преданiе суду состоялось по объявленiи Одессы на военномъ положенiи. А потому онъ подлежалъ сужденiю военнаго суда въ порядкѣ особаго раздѣла военно-судебнаго устава «о судѣ въ военное время». Преступленiе же совершено имъ до объявленiя Одессы на военномъ положенiи, и потому къ его дѣянiю специальныя карательныя правила, установленныя для мѣстностей, объявленныхъ на военномъ положенiи, не примѣнимы.

Подвергать лицо смертной казни не въ силу требованiя закона, а по условнымъ предположенiямъ: «если бы», «все равно», «могъ быть» и т. п.—это уже не правосудiе...

«Русь» 6 сентября 1905 г.,
№ 211.

Земскій съѣздъ необходимъ!..

Состоится земскій съѣздъ или не состоится?

Этотъ вопросъ уже мѣсяцъ задаетъ себѣ печать и общество. Онъ живо интересуетъ Петербургъ и Москву. Отвѣта на него болѣзненно ждутъ въ далекихъ отъ центровъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, а особенно въ деревенской глуши. И ждутъ отвѣта непремѣнно утвердительнаго.

Земскій съѣздъ долженъ состояться. Скоро ли онъ состоится? Вотъ о чемъ спрашивали до послѣднихъ дней изъ деревень и селъ. Тамъ не допускали мысли, что съѣздъ можетъ не состояться.

Не годъ назадъ, конечно, зародилось современное освободительное движеніе. Его корни—въ глубинѣ вѣковъ. Въ Новгородѣ и Псковѣ, въ запорожскомъ казачествѣ, въ низовой вольницѣ Поволжья, въ церковномъ расколѣ, въ протестѣ противъ реформъ Петра, съ призывомъ къ идеализированной самобытной старинѣ, въ бунтѣ декабристовъ, въ дѣлѣ Петрашевскаго, въ великомъ актѣ 19 февраля 1861 года...

Человѣкъ всегда стремится къ свободѣ. Человѣкъ культурный—къ свободѣ и праву. Къ свободѣ, регулируемой правомъ и правомъ обезпечиваемой.

Во имя свободы создалось право. Во имя права—государство, съ неизбѣжными для него формами правленія и общественнаго строя.

Но такова ужъ судьба всѣхъ учрежденій человѣческихъ: форма отрывается отъ содержанія, и по мѣрѣ того, какъ формы отливаются и крѣпнутъ, онѣ обращаются въ самостоятельное и само-

довлѣющее явленіе жизни. Содержаніе, обусловившее образованіе формъ, уходитъ куда то назадъ. Во всей мощи выступаютъ однѣ формы, и содержаніе начинаетъ оцѣниваться, какъ явленіе служебное, какъ ихъ результатъ.

Въ государствѣ исключительно быстро наступаетъ торжество факта надъ идеей. Право получаетъ оцѣнку постольку, поскольку оно охраняетъ данный строй и данный способъ управленія. Свобода—поскольку она совмѣстима съ такимъ искусственно построеннымъ правомъ.

Идея, однако, никогда не умираетъ. Если фактъ своей реальной силой не даетъ ей горѣть во всемъ блескѣ, она теплится, какъ раскаленный уголь въ грудѣ золы. Повѣетъ вѣтромъ — уголь вспыхнетъ яркимъ пламенемъ. Пойдетъ дождь—онъ снова будетъ мерцать едва замѣтно до новой вспышки...

Такъ тлѣла сорокъ послѣднихъ лѣтъ русской исторіи идея свободы. То разгоралась взрывомъ въ ослѣпительно-страшный огненный языкъ. То вырывалась спокойнымъ ровнымъ свѣтомъ. То меркла, придавленная грубой тяжестью.

Сорокалѣтней реакціи наступилъ конецъ. Рядъ внѣшнихъ и случайныхъ обстоятельствъ—война, трагическая смерть режима Сипягина и Плеве—и мрачное, подавленное настроеніе общественнаго сознанія просвѣтлѣло. Идея свободы засіяла. Ея далекій блескъ сталъ манить къ себѣ неудержимо.

Общественныя силы воспрянули. Мысль невольно обратилась туда, гдѣ въ эпоху мрака и всесокрушающаго господства самовластія все-таки могъ слабо, но ровнымъ и постоянно усиливающимся свѣтомъ горѣть огонь свободы, гдѣ шла глухая, упорная борьба съ давившей тяжестью, гдѣ общественность имѣла организацію—къ «земщинѣ», къ земству.

И земство оказалось на высотѣ исторической минуты. Оно исполнило выпавшую на его долю задачу.

Съѣхавшіеся въ Петербургъ сто земцевъ точно и опредѣленно формулировали: въ чемъ бѣда, что нужно Россіи и какимъ способомъ возможно бѣду устранить навсегда и дать странѣ свободу, основанную на твердомъ законѣ. Въ оцѣнкѣ настоящаго и потребностей населенія, по ихъ содержанію, земцы обнаружили полное единодушіе. Но въ отношеніи главныхъ чертъ новыхъ формъ, которыя должны смѣнить обветшавшія и себя пережившія

старыя, они раскололись: на западническое большинство и славянофильское меньшинство.

Пусть то были самозванцы: полномочій на совершенное они не имѣли. Отъ кого и какъ они могли получить полномочія сказать запретное! Они были земцы—люди, въ заглушавшихъ всякій починъ и энергію тискахъ закона 1890 г. умѣвшіе дѣлать и дѣлавшіе святое дѣло служенія обездоленной «землѣ»,—люди, въ атмосферѣ вѣчнаго недовѣрія и подозрѣнія работавшіе, не покладая и не опуская рукъ. Они были земцы и это давало имъ право и налагало на нихъ обязанность сказать безбоязненно и откровенно, хотя и безъ формальныхъ полномочій, свое вѣское слово.

Слово прозвучало громко. Оно оказалось вѣрнымъ. Оно встрѣтило живой откликъ въ обществѣ: всѣ послѣдующія тысячи резолюцій только развивали земскія постановленія 6—8 ноября 1904 г. Оно получило признаніе съ высоты Престола—сперва въ указѣ 12 декабря, сдѣлавшемъ попытку влить новое вино въ старые мѣхи, затѣмъ въ рескриптѣ 18 февраля, наконецъ въ учрежденіи Государственной Думы 6 августа.

Въ ноябрьскихъ совѣщаніяхъ были представлены лишь два главныхъ теченія въ земскихъ сферахъ. Дабы и всѣ прочія могли получить выраженіе въ предстоящихъ собраніяхъ, съѣздъ, глубоко вѣруя въ силу правды, не побоялся обратиться въ общеземскій, внѣ-партійный. 8 ноября было постановлено произвести выборы на мѣстахъ, по возможности изъ всѣхъ губернскикъ гласныхъ, и на будущее время приглашать предсѣдателей губернскихъ управъ и по четыре выбранныхъ представителя отъ каждой губерніи.

Къ апрѣльскому и майскому собраніямъ выборы не могли повсемѣстно состояться. На іюльскомъ же почти всѣ губерніи имѣли спеціально для участія въ съѣздѣ выбранныхъ делегатовъ. Кромѣ представителей земствъ, въ маѣ и іюлѣ участвовали представители городовъ.

Главный предметъ сужденій въ апрѣлѣ составлялъ порядокъ образованія всенароднаго представительства. Большинство приняло формулу всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія. Меньшинство частью отвергало прямое голосованіе, частью—всю формулу, какъ примѣнимую и на первый разъ, и принципіально, частью—какъ непримѣнимую только на первый разъ.

Майское совѣщаніе было созвано экстренно. Медленность въ разрѣшеніи вопроса, поставленнаго 18 февраля, въ связи съ неизмѣнностью произвола и шатаніемъ власти, привела общество въ состояніе крайняго нервнаго напряженія. Цусимскій погромъ объялъ ужасомъ всю страну. Наступилъ моментъ критическій.

Совѣщаніе рѣшило непосредственно обратиться къ Верховной Власти. Была выработана петиція и избрана депутація.

Государь Императоръ принялъ депутацію и выразилъ призывъ къ содѣйствію въ предначертанной государственной работѣ.

Для участниковъ земскихъ съѣздовъ, неуклонно стоявшихъ на почвѣ легальности и прямыхъ, открытыхъ дѣйствій, новое совѣщаніе стало обязанностью, долгомъ. Содѣйствіе въ предначертанной государственной работѣ не могло выразиться иначе, какъ въ совмѣстномъ обсужденіи вопросовъ, связанныхъ съ выполненіемъ предначертаній Престола.

Несмотря на непреоборимыя, казалось, препятствія, съѣздъ собрался 6 іюля и работалъ три дня. Въ этотъ разъ сужденія не могли сконцентрироваться. Предположенія о готовящейся реформѣ еще не получили ни санкціи, ни конкретнаго выраженія. О будущей Думѣ ходили самые противорѣчивые слухи и толки вплоть до утвержденія, что обнародованіе ожидаемаго закона отсрочено на неопредѣленное время. Совѣщаніе не знало, что будетъ дано, и потому резолюцію, которая опредѣлила бы отношеніе представителей земствъ и городовъ въ будущей Государственной Думѣ, отложило.

Ровно черезъ мѣсяцъ послѣдовало Высочайшее утвержденіе учрежденія Думы и положенія о выборахъ. Какъ же возможно, чтобы съѣздъ не собрался снова?

Учрежденіе Думы построено на началахъ, соотвѣтствующихъ мнѣнію меньшинства ноябрьскаго совѣщанія—и то далеко не вполнѣ. Положеніе о выборахъ рѣзко отвергло принципъ всеобщаго избирательнаго права. Представителямъ земствъ—иниціаторамъ реформы—необходимо столковаться. Именно имъ. Устраняя отъ участія въ Думѣ множество самыхъ разнообразныхъ элементовъ, законъ въ то же время широко раскрылъ двери Думы для нынѣшнихъ земскихъ гласныхъ и для тѣхъ, съ кѣмъ они одни привыкли работать—для надѣльныхъ крестьянъ.

Не будемъ гадать, какую резолюцію приметъ съѣздъ. Мы

увѣрены, что она будетъ, во всякомъ случаѣ, строго продумана и убѣдительно аргументирована...

Въ изумительно быстромъ поступательномъ ходѣ освободительнаго движенія земскіе съѣзды—ноябрьскій, апрѣльскій, майскій, іюльскій—сыграли роль этаповъ. Характерная черта всѣхъ рѣшеній съѣздовъ—отсутствіе эксцессовъ. На что раздражающе-ненормальны были условія послѣдняго съѣзда — и онъ, все-таки, остался вѣрнымъ въ отрицаніи пріемовъ революціонной дѣятельности, въ надеждѣ на мирное разрѣшеніе кризиса.

Какъ путнику нуженъ этапъ для отдыха и обновленія силъ, такъ рвущейся впередъ общественной мысли нужна остановка, чтобы оглянуться на себя, провѣрить направленіе и поставить на немъ новыя вѣхи.

Будущій историкъ, передъ которымъ раскроется переживаемое нами настоящее во всей своей объективной ясности, который увидитъ наше настоящее законченнымъ и завершеннымъ—онъ скажетъ, какую опасность отстранили и предотвратили земскіе съѣзды. Онъ скажетъ, что было бы безъ ихъ сдерживающаго вліянія...

Сейчасъ по обнародованіи манифеста 6 августа, изъ Москвы пришли вѣсти о рѣчи генералъ-губернатора П. П. Дурново. Отнынѣ, говорилъ онъ, никакіе съѣзды ни подъ какимъ видомъ не будутъ допущены. Затѣмъ послѣдовало разрѣшеніе профессорскаго съѣзда. Одновременно съ занятіями съѣзда профессоровъ собралось земское бюро. Явилась полиція и угрожала членовъ бюро разогнать... Потомъ напечатана была бесѣда П. П. Дурново съ предсѣдателемъ московской губернской земской управы Ф. А. Головинымъ: послѣдовалъ отказъ въ разрѣшеніи земскаго съѣзда. Наконецъ, 3 сентября газеты огласили, что съѣздъ будетъ разрѣшенъ съ тѣмъ, чтобы и т. д.

Что скрывается за этими ограниченіями, намъ неизвѣстно. Съѣзду будетъ разрѣшено обсудить вопросъ «объ участіи земствъ и городовъ въ дѣлѣ выборовъ въ Государственную Думу», т.-е. о томъ, на что отвѣтить въ данную минуту съѣзду особенно необходимо.

Съѣздъ назначенъ на 12 сентября. Онъ состоится...

«Русь» 9 сентября 1905 г.,
№ 214.

Предстоящіе выборы въ Государственную Думу и земскій съѣздъ.

Представителямъ земствъ и городовъ, собравшимся сегодня, 12 сентября, въ Москвѣ, впервые послѣ обнародованія учрежденія Государственной Думы и положенія о выборахъ, предстоитъ чрезвычайно важная задача. Они опредѣлятъ, на какихъ началахъ должны дѣйствовать и чѣмъ должны руководствоваться въ избирательной кампаніи земскіе и городскіе дѣятели.

Что скажетъ съѣздъ — это не будутъ только слова. Это не будетъ мнѣніе. Это будетъ рѣшеніе—формально ни для кого не обязательное, фактически же въ высокой степени авторитетное.

Россія не Франція, гдѣ исторію дѣлаетъ Парижъ. Россія—царство деревни. Деревни—спокойной, съ виду пассивной, жадно хватающейся за то, что ей даютъ Петербургъ и Москва. Деревня одинаково жадно хватаетъ все. Но воспринимаетъ и усваиваетъ только созрѣвшее въ ней самой и Петербургомъ или Москвой лишь формулированное.

Воспринятую и усвоенную идею деревня уже самостоятельно разрабатываетъ въ примѣненіи къ практикѣ жизни и предъявляетъ центрамъ въ формѣ требованія.

Выраженіемъ деревни, ея запросовъ, нуждъ и требованій, служитъ земство. Какъ ни послѣдовательно стремился приказный строй, чуявшій откуда ему грозитъ наибольшая опасность, оторвать земскія учрежденія отъ самой большой и главной де-

ревни — деревни мужицкой — это ему не удалось. Большее, что могли сдѣлать земскіе начальники, упраздненіе крестьянскаго представительства, мѣры искусственнаго направленія земской дѣятельности въ сторону удовлетворенія потребностей крупнаго землевладѣнія и т. д. — только отсрочить ихъ полное сліяніе. Земскія учрежденія не обратились въ органы сторонняго, чуждаго народу управленія.

Процессъ шелъ мимо закона и вопреки начальственнымъ мѣропріятіямъ. Духовная связь съ деревней въ сознаніи дворянъ-гласныхъ, напротивъ, все болѣе крѣпла. Доказательства—школы, больницы и плохое состояніе дорогъ. Устранить въ 1902 году земство отъ выясненія нуждъ деревни могла только ослѣпленная въ своемъ величіи и метавшаяся передъ неизбѣжнымъ и близкимъ ея концомъ бюрократія. Теперь для всѣхъ ясно, кто выяснилъ эти нужды: чиновники, засѣдавшіе въ комитетахъ и въ совѣщаніи, или земскіе дѣятели, голоса которыхъ не заглушили ни запреты, ни аресты, ни ссылки...

Въ тѣсной реальной связи съ деревней источникъ внутренней силы земства и значенія собирающихся въ пятый разъ земскихъ представителей. Съ другой стороны, за участниками земскихъ съѣздовъ стоятъ всѣ активные элементы губернскихъ земскихъ собраній, а черезъ нихъ—все, что на мѣстахъ знаетъ деревню и предано ей. Рука объ руку съ земцами, наконецъ, идутъ представители городовъ. Резолюціи земскихъ съѣздовъ приковывали до сихъ поръ исключительное вниманіе всѣхъ слоевъ общества. Къ нимъ чутко прислушивалась печать, даже заграничная. Что скажетъ съѣздъ 12 сентября, то въ значительной мѣрѣ опредѣлитъ и ходъ выборовъ, и ихъ результатъ.

Въ Петербургѣ только-что закончились совѣщанія губернскихъ предводителей дворянства. Предводители тоже толковали о Думѣ, о выборахъ. Всѣ они пользуются избирательными правами. Въ техникѣ производства выборовъ имъ отведена немалая роль. Но что они рѣшили—какъ мало это интересовало и интересуетъ общество! Въ газетахъ сообщались отчеты о засѣданіяхъ, обрывки резолюцій, курьезныя предложенія. Общество читало... и тотчасъ забывало.

Еще задолго до 6 августа, когда о порядкѣ выборовъ и о существѣ реформы ходили одни толки, въ воздухѣ стало но-

сится новое для нашего слуха крылатое слово: бойкотъ. Если реформа окажется для прогрессивныхъ элементовъ «непріемлемой» (тоже новый грамматическій оборотъ), то общество должно на нее отвѣтить бойкотомъ. Такъ говорилось въ разныхъ группахъ и кругахъ.

Законы 6 августа отвергли всеобщее избирательное право и рѣшающій голосъ представительства. Свободы слова и собраній Россія не получила. Національныя и вѣроисповѣдныя ограниченія не устранены. Положеніе объ усиленной охранѣ не отмѣнено. Амнистіи не послѣдовало. Условія «непріемлемости» налицо.

Поставимъ вопросъ на практическую почву. Въ чемъ можетъ выразиться бойкотированіе по отношенію къ Государственной Думѣ и, въ частности, по отношенію къ предстоящимъ выборамъ, и осуществимо ли оно съ надеждой на успѣхъ?

Бойкотъ, какъ и забастовка, есть средство пассивное. Объявляя бойкотъ тому или иному фабричному или торговому предпріятію, банку, аптекѣ, — согласившіяся лица перестаютъ пользоваться услугами даннаго учрежденія, почитая его «якобы умре» и требуя того же отъ другихъ. Цѣль бойкота поставить учрежденіе, предпріятіе или отдѣльное лицо въ условія невозможности дальнѣйшаго функціонированія и тѣмъ принудить къ уступкамъ или къ принятію предъявленныхъ требованій.

Въ отношеніи государственнаго учрежденія бойкотъ, въ формѣ игнорированія его и отказа пользоваться услугами, немыслимъ. Нельзя бойкотировать судъ, полицію, казначейство. Нельзя игнорировать законы, которые будутъ изданы при участіи Государственной Думы. Мыслимо лишь одно: не пойти на выборы, уклониться отъ осуществленія своего права, какъ это сдѣлала въ Москвѣ (судя по газетамъ) одна духовная особа, отказавшаяся сообщить свѣдѣнія о своемъ цензѣ потому, что и Дума, и выборы — дѣло «богопротивное». Для лицъ, не имѣющихъ права участвовать въ выборахъ, возможно лишь воздѣйствіе на имѣющихъ такое право, чтобы они воздерживались отъ его осуществленія.

Каждый отдѣльный избиратель легко и безвозбранно можетъ уподобиться московской духовной особѣ. Опытъ конституціонныхъ странъ и нашихъ городскихъ и земскихъ выборовъ учитъ, что никогда въ баллотировкѣ не участвуютъ всѣ избиратели. Про-

паганда бойкота несомнѣнно увеличитъ процентъ абсентеистовъ. Но что же изъ этого?

Ровно ничего. Выборы состоятся и Дума образуется.

Во-первыхъ, болѣе чѣмъ наивно думать, что идея бойкота широко проникнетъ въ крестьянство и будетъ сочувственно имъ принята. Во-вторыхъ, законъ не обусловливаетъ никакимъ минимальнымъ числомъ явившихся на открытіе съѣздовъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ и городскихъ избирателей. Если въ назначенный день и часъ ихъ прибудетъ два, три или пять, съѣздъ долженъ произвести выборы, и ихъ произведетъ. Въ-третьихъ, въ каждомъ уѣздѣ имѣется не мало лицъ, или стоящихъ въ сторонѣ отъ освободительнаго движенія, или ему не сочувствующихъ, или не раздѣляющихъ требованія всеобщей подачи голосовъ. Всѣ эти лица принципіально будутъ противъ бойкота и тѣмъ вѣрнѣе придутъ на выборы, чѣмъ энергичнѣе будетъ вестись пропаганда.

Только и получится всего, что качественный—съ точки зрѣнія прогрессивныхъ элементовъ — личный составъ Думы понизится. Шансы избранія «истинно-русскихъ людей» увеличатся. Никакого давленія на правительство это не произведетъ. Бюрократія скажетъ спасибо. Въ ея интересахъ выборы пройдутъ успѣшно.

Если, такимъ образомъ, и для широкихъ круговъ прогрессивнаго общества бойкотъ выборовъ представляетъ средство негодное и потому лишенное оправданія, то для земскихъ представителей онъ не имѣетъ оправданія вдвойнѣ.

Большинство апрѣльскаго съѣзда приняло формулу всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія. Законъ установилъ систему имущественнаго ценза, близкую къ правиламъ земскаго положенія 1864 г. Земскіе представители сказали: «мы желаемъ видѣть Думу, избранную всѣмъ народомъ, мы желаемъ въ нее войти на одинаковыхъ началахъ со всѣми гражданами, мы не желаемъ ставитъ себя въ привилегированное положеніе». Законъ отвѣтилъ: «нѣтъ, только вы получите мѣсто въ Думѣ». Разумно ли для земскихъ гласныхъ отказываться отъ дарованной имъ, помимо ихъ воли и желанія, привилегіи? Не разумнѣе ли во сто кратъ воспользоваться ею не для того, чтобы почить на лаврахъ, а для того, чтобы работать и работать во имя все той же идеи свободы и равенства.

Государственная Дума, въ лицѣ представителей отъ коренной

Россіи, есть по составу Дума земская. Такая ея организація неправильна и несправедлива. Государственное представительство должно покоиться на иныхъ началахъ. Все это и еще многое другое въ глазахъ большинства участниковъ земскихъ съѣздовъ безспорно. Но можетъ ли это оправдать отказъ отъ участія въ Думѣ?

И не въ такихъ ненормальныхъ условіяхъ работали и работаютъ земскіе дѣятели у себя на мѣстахъ — въ органахъ мѣстнаго самоуправленія. Тамъ дворянское землевладѣніе находится ужъ въ исключительно привилегированномъ положеніи. Тамъ надъ земскими собраніями бюрократическія губернскія по земскимъ дѣламъ присутствія. Тамъ—начальство въ лицѣ губернатора и министра. Тамъ недовѣріе и противодѣйствіе всякому начинанію. Тамъ работать невѣроятно трудно. Тамъ не работа, а борьба... И все-таки отъ нея не отказываются.

Въ Государственной Думѣ служить прогрессу, добиваться торжества права и правды тоже будетъ нелегко. Неужели же это не обязываетъ тѣхъ, кому двери Думы не закрыты, стремиться всѣми силами войти въ нее и ввести какъ можно болѣе одинаково преданныхъ прогрессу людей? Неужели лучше устраниться? Это значило бы въ послѣднюю, самую важную минуту сложить оружіе, опустить руки.

Только вихремъ поднятая отъ земли мысль могла считать, что созданіе представительнаго учрежденія разрѣшитъ освободительное движеніе. Народное представительство есть шагъ на безконечномъ пути прогресса государственно-общественной жизни—не больше. Оно — возможность стать на вѣрную дорогу, возможность движенія впередъ.

Ожидался шагъ большой. Сдѣланъ малый. Во всякомъ случаѣ шагъ сдѣланъ. И по сравненію съ тѣмъ, что было до 6 августа, именно шагъ впередъ. Какой смыслъ имѣетъ призывъ топтаться на старомъ мѣстѣ, когда есть способъ—хотя бы и несовершенный—новыми пріемами стремиться къ достиженію цѣли? Вѣдь никто же не скажетъ, что общество послѣ 6 августа въ борьбѣ съ бюрократіей стало слабѣе.

Только люди, далеко стоящіе отъ земли, могутъ бросать земскимъ представителямъ обидный, незаслуженный упрекъ: разъ они войдутъ въ Думу, «пріобщатся къ власти», то сразу забу-

дутъ всѣ идеалы, забудутъ, зачѣмъ въ нее вошли, и поставятъ точку своему служенію прогрессу и свободѣ. Вы, земцы, можетъ ли у васъ быть такое недовѣріе къ самимъ себѣ?

Да, и среди васъ есть реакціонеры, входившіе въ земскія собранія для того, чтобы отдавать школы, пресѣкать статистику, ограничивать мѣры медицинской помощи. И въ земствѣ свила гнѣздо язва. Еще годъ назадъ она заражала земское дѣло трупнымъ ядомъ... Развѣ заразила? Развѣ это говорятъ факты?

Земскіе реакціонеры, имѣя передъ собой васъ, безсильны. Отстранитесь вы—и они станутъ силой. Тогда они быстро обратятъ Думу въ безжизненный трупъ.

Все ваше прошлое обязываетъ васъ оставаться на посту: бороться на выборахъ, идти въ Думу и въ ней работать и бороться, бороться и работать...

Упреки, заподозрѣваніе—что въ нихъ! Вы на дѣлѣ докажете, что упрекающіе васъ неправы...

«Русь» 12 сентября 1905 г.,
№ 217.

Сентябрьскій земскій съѣздъ.

Засѣданіе 12 сентября.

Земскіе съѣзды, сыгравшіе такую выдающуюся роль въ нынѣшнемъ освободительномъ движеніи и которымъ предстоитъ имѣть въ близкомъ будущемъ еще большое значеніе, находятся въ неразрывной преемственной связи съ кружкомъ въ 10 — 15 земскихъ дѣятелей, начавшихъ уже много лѣтъ назадъ, время отъ времени, собираться въ Москвѣ для обсужденія обще-земскихъ вопросовъ. Собранія кружка обставлялись величайшей таинственностью и о нихъ, даже въ земскихъ сферахъ, мало кто зналъ.

Въ 1902 г., когда на мѣста былъ переданъ изъ совѣщанія С. Ю. Витте въ губернскіе комитеты первостепенной важности вопросъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, оффиціально устраненныя отъ работы земскія учрежденія не могли не сознавать, что безъ ихъ указаній и содѣйствія бюрократія не въ силахъ будетъ оцѣнить вопросъ во всей его полнотѣ. Сговориться между собою и условиться стало для земскихъ дѣятелей разныхъ губерній необходимостью. Но какъ это осуществить—было задачей нелегкой; въ то время министерскимъ циркуляромъ запрещалось губернскимъ управамъ даже переписываться.

Д. Н. Шиповъ пригласилъ въ Москву предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ и нѣкоторыхъ лично ему извѣстныхъ губернскихъ гласныхъ. Съѣхалось человѣкъ 25. Четыре дня кряду они собирались на Собачьей Площадкѣ, въ квартирѣ Д. Н. Шипова. Приходили и уходили съ оглядкой на городовыхъ, но ра-

ботали и работали успѣшно. Прежде чѣмъ разъѣхаться, собравшіеся установили нѣкоторую организацію для подобныхъ съѣздовъ и избрали бюро.

Это было въ маѣ 1902 года. Въ іюнѣ же соотвѣтственныя инстанціи начали «дѣло» о незаконномъ сборищѣ. Результатомъ разслѣдованія, докладовъ и т. д. явилось Высочайшее неодобреніе, объявленное тѣмъ изъ «виновныхъ», которые состояли на государственной службѣ (въ томъ числѣ предсѣдателямъ и членамъ земскихъ управъ и предводителямъ дворянства). Нѣкоторая часть изъ получившихъ неодобреніе съ Д. Н. Шиповымъ во главѣ не была затѣмъ при новомъ избраніи утверждена въ должностяхъ.

Прошло съ небольшимъ два года. Россія уже пережила Тюренченъ, Вафангоу, Ляоянъ. Готовились Артуръ и Мукденъ. Плеве смѣнилъ князь Святополкъ-Мирскій, обратившійся къ общественнымъ учрежденіямъ съ новымъ словомъ «довѣрія». Повѣяло весной.

Земское бюро рѣшило созвать предсѣдателей губернскихъ управъ и гласныхъ, участвовавшихъ въ майскомъ совѣщаніи 1902 г. Министръ сначала склонялся дать формальное разрѣшеніе, но потомъ отъ своего намѣренія отказался. Съѣдъ имъ, все-таки, былъ допущенъ, какъ частное совѣщаніе, при чемъ Д. Н. Шипову и князю Г. Е. Львову была гарантирована свобода совѣщанія отъ полицейскихъ воздѣйствій.

Такъ состоялся съѣздъ 6—9 ноября. При послѣдующихъ собраніяхъ, въ апрѣлѣ, маѣ и іюлѣ, гарантій администраціей никакихъ даваемо не было. Напротивъ, принимались всѣ мѣры для недопущенія съѣздовъ. Въ іюлѣ являлась даже полиція и подъ угрозой отвѣтственности на основаніи положенія объ усиленной охранѣ требовала прекращенія занятій. Только силой ни разу не разгоняли!

И наконецъ 12 сентября открылся съѣздъ разрѣшенный.

Къ часу дня длинная вереница извозчиковъ и экипажей потянулась по большой Никитской къ дому, занимаемому Ю. А. Новосильцевымъ, который и прежде предоставлялъ земцамъ свою обширную квартиру. Каждый входящій расписывался на листѣ и получалъ доклады и печатный билетъ: «пятый съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей».

Въ залѣ оказалось новшество: въ углу около стола, зани-

маемаго предсѣдательскимъ бюро и секретарями, стоялъ небольшой столъ для чиновника генералъ-губернатора.

Въ 1¾ ч. предсѣдатель московской губернской управы Ф. А. Головинъ объявилъ съѣздъ открытымъ. За особымъ столомъ занялъ мѣсто дѣйств. статск. сов. Воронинъ.

Ф. А. Головинъ сдѣлалъ докладъ объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ съѣзду, и объ условіяхъ его открытія. Докладъ въ сущности повторилъ то, что въ общихъ чертахъ сообщалось въ газетахъ: какъ вскорѣ послѣ 8 іюля полиціей были отобраны у г. Головина и секретаря бюро, г. Полнера, документы, относящіеся къ іюльскому съѣзду; какъ затѣмъ производилось разслѣдованіе сенаторомъ Постовскимъ; какъ настойчиво запрещались собранія бюро и приходила полиція на квартиру Н. Н. Баженова; какъ генералъ-губернаторъ категорически заявилъ Ф. А. Головину, что сентябрьскій съѣздъ разрѣшенъ не будетъ, а черезъ нѣкоторое время предложилъ представить программу и далъ обѣщаніе съѣздъ разрѣшить.

Ф. А. Головинымъ была представлена программа, состоящая изъ слѣдующихъ трехъ вопросовъ: а) объ участіи земствъ и городовъ въ дѣлѣ выборовъ въ Государственную Думу, б) объ организаціи избирательной кампаніи при выборахъ въ Государственную Думу на мѣстахъ и в) о томъ участіи, которое могутъ принять города и земства въ дѣлѣ помощи голодающему населенію.

11 сентября генералъ-губернаторъ письменно сообщилъ, что «частное совѣщаніе» земскихъ и городскихъ дѣятелей для занятій по представленной программѣ разрѣшается съ тѣмъ, чтобы былъ допущенъ командированный генералъ-губернаторомъ г. Воронинъ и чтобы занятія были не публичны. Далѣе идетъ перечень случаевъ, когда предсѣдатель, а при неисполненіи имъ—г. Воронинъ обязываются совѣщаніе закрыть. Это тотъ самый перечень, который внесенъ въ проектъ закона о свободѣ собраній.

— Намъ тѣмъ легче, — закончилъ докладъ г. Головинъ, — принять всѣ эти условія, что мы всегда соблюдали то же самое.

Между прочимъ Ф. А. Головинъ опровергъ слухъ, что будто бы нѣкоторые изъ участниковъ съѣзда отъ пріѣзда въ этотъ разъ отказались. Ни одного заявленія объ отказѣ не поступило.

Далѣе бюро доложило о выполненіи постановленія іюльскаго съѣзда о приглашеніи представителей, по возможности выборныхъ, отъ сѣверо- и юго-западныхъ губерній и отъ неземскихъ окраинъ Европейской Россіи. Такихъ представителей явилось всего 16, главнымъ образомъ отъ западныхъ губерній, приславшихъ делегатовъ, избранныхъ мѣстными сельско-хозяйственными обществами.

Всего къ моменту открытія съѣзда явилось 179 лицъ: 97 по уполномочію отъ земскихъ собраній, 66 отъ городовъ и 16 отъ окраинъ.

Въ залу допущены были представители печати. Среди нихъ много иностранныхъ корреспондентовъ и знакомый Петербургу г. Стэдъ.

Послѣ провѣрки полномочій участниковъ съѣзда, предсѣдателемъ на 12 сентября былъ выбранъ графъ П. А. Гейденъ, его товарищами: Ф. А. Головинъ и Н. Н. Щепкинъ.

На обсужденіе и рѣшеніе совѣщанія первымъ былъ поставленъ самый важный вопросъ минуты—о бойкотѣ.

В. Е. Якушкинъ прочелъ отъ имени бюро подробный докладъ.

Пренія открылъ замѣчаніемъ редакціоннаго характера князь Волконскій. Затѣмъ говорили гг. де-Роберти, Шишковъ, Бѣлявскій, Кулебакинъ, Родичевъ и мн. др. Всѣ ораторы, за исключеніемъ одного, горячо оспаривали цѣлесообразность бойкота выборовъ въ Государственную Думу вообще, а особенно со стороны земскихъ и городскихъ дѣятелей. «Съ нашей стороны не идти въ Думу — преступленіе», заявилъ одинъ изъ говорившихъ. Возражавшій отмѣчалъ непослѣдовательность въ готовности баллотировать и баллотироваться послѣ тѣхъ требованій, которыя съѣздомъ были формулированы въ ноябрѣ и въ апрѣлѣ.

По предложенію бюро, съѣздъ принялъ слѣдующую резолюцію:

«Совѣшаніе земскихъ и городскихъ дѣятелей, полагая, что Государственная Дума, имѣющая быть созванной на основаніи закона 6 августа 1905 года, не явится народнымъ представительствомъ въ истинномъ смыслѣ этого слова, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣя въ виду, что выборное собраніе, объединяющее значительную часть общественныхъ силъ на всемъ пространствѣ Имперіи,

можетъ послужить средоточіемъ и точкой опоры для общественнаго движенія, стремящагося къ достиженію политической свободы и правильнаго народнаго представительства, признаетъ желательнымъ, чтобы русскіе граждане, примкнувшіе къ политической программѣ, установленной совѣщаніемъ земскихъ дѣятелей 6 — 9 ноября 1904 г. и 22—26 апрѣля 1905 г. и совѣщаніемъ городскихъ дѣятелей 15—16 іюня 1905 г., вошли въ возможно большомъ числѣ въ Государственную Думу и образовали тамъ сплоченную группу съ цѣлью достигнуть черезъ ея посредство гарантій гражданской свободы и равенства, указанныхъ въ постановленіяхъ совѣщанія 6 — 9 ноября 1904 года, и введенія народнаго представительства на началахъ, установленныхъ совѣщаніемъ земскихъ дѣятелей 6—9 ноября 1904 г. и 22—26 апрѣля 1905 г. и совѣщаніемъ городскихъ дѣятелей 15—16 іюня 1905 года».

Когда предсѣдатель предложилъ поднять руки тѣмъ, кто противъ резолюціи, поднялась одна рука.

Конецъ дневного и начало вечерняго засѣданій 12 сентября были посвящены обсужденію доклада бюро «По вопросу о выборахъ 1905 г.» слѣдующаго содержанія:

«Въ предстоящей, или, точнѣе говоря, въ начавшейся уже избирательной кампаніи для успѣшнаго хода дѣла въ смыслѣ проведенія опредѣленной программы важно имѣть извѣстный объединяющій центръ, и естественно, что такой центръ можетъ быть организованъ съѣздомъ городскихъ и земскихъ дѣятелей. На бюро, состоящее теперь болѣе чѣмъ изъ сорока членовъ, значительная часть которыхъ живетъ внѣ Москвы и будетъ въ настоящее время особенно занята на мѣстахъ, было бы неудобно возлагать указанную новую задачу; правильнѣе поручить это особому комитету, который бы состоялъ при бюро и былъ бы съ нимъ въ необходимыхъ сношеніяхъ.

«Этотъ комитетъ занялся бы прежде всего разъясненіемъ всѣхъ спорныхъ вопросовъ избирательнаго права, какъ оно установлено закономъ 6 августа. О своихъ заключеніяхъ онъ сообщалъ бы на мѣста и, поскольку это оказалось бы нужнымъ, распространялъ свои выводы путемъ печати, для чего онъ вошелъ бы въ сношеніе съ прессой, помѣщая въ ней соотвѣтственныя статьи или вызывая ихъ появленіе.

«Комитетъ долженъ взять на себя и консультацію по спор-

нымъ вопросамъ: если къ нему обратятся съ мѣстъ за разъясненіемъ извѣстнаго пункта, если у него попросятъ содѣйствія въ возникшемъ уже столкновеніи съ мѣстной администраціей въ толкованіи той или другой статьи закона, въ признаніи извѣстныхъ правъ, въ дѣлѣ созыва избирательнаго собранія и пр. Комитетъ, привлекши къ работѣ компетентныхъ спеціалистовъ, обязанъ будетъ дать отвѣтъ на полученные запросы и, гдѣ нужно, оказать возможное содѣйствіе, составляя проекты жалобъ, протестовъ и т. п.

«Комитетъ будетъ находиться въ сношеніи съ мѣстными избирательными комитетами, которые составятся (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они уже составились) на основахъ той программы и тѣхъ положеній, которыя выработаны съѣздами. Въ докладѣ объ участіи въ выборахъ уже указано вкратцѣ на необходимость на мѣстахъ строгой партійной организаціи. Слѣдуетъ поручить комитету подробнѣе развить этотъ вопросъ, и свои предположенія о постановкѣ такой организаціи, объ ея задачахъ и характерѣ сообщить на мѣста.

«Комитетъ такимъ образомъ будетъ въ сношеніяхъ съ мѣстными комитетами. Кромѣ вышеуказанной консультаціи на центральномъ или общемъ комитетѣ будетъ лежать обязанность въ случаяхъ обращенія къ нему, между прочимъ, по вопросу о соглашеніи съ извѣстными организаціями или партіями не мѣстнаго характера, оказать необходимое содѣйствіе. Могутъ быть случаи, когда съ мѣста обратятся съ запросомъ, нѣтъ ли способовъ привлечь къ выборамъ такого-то избирателя, не живущаго на мѣстѣ, и комитетъ долженъ будетъ изыскивать способы личнаго сношенія съ такимъ избирателемъ и т. п.

«Хотя срокъ, остающійся до выборовъ, уже не великъ, но всетаки съ мѣста можетъ поступить требованіе на летучую политическую литературу для распространенія среди населенія, и комитетъ долженъ будетъ оказывать содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ доставленіемъ списка подходящихъ изданій, выборомъ и высылкой ихъ. Комитетъ по указаніямъ самаго дѣла и по мѣрѣ средствъ можетъ предпринять и самостоятельно распространеніе книгъ, брошюръ, періодическихъ изданій, въ цѣляхъ бо́льшаго и лучшаго распространенія необходимыхъ свѣдѣній и идей.

«Представляется крайне важной слѣдующая задача. Необходимо,

чтобы съѣздъ обратился къ избирателямъ съ воззваніемъ, въ которомъ вкратцѣ была бы изложена наша программа и указаны основныя задачи въ Думѣ и относительно Думы, т.-е. необходимость ея измѣненій и пр., призывая сплотиться при выборахъ именно на этой программѣ. Тѣ мѣстныя организаціи, мѣстные комитеты, которые сообщатъ, что они присоединяются къ обнародованному воззванію, къ изложенной въ немъ программѣ, и станутъ въ сношенія съ общимъ комитетомъ съѣзда. Мѣстные комитеты эти должны будутъ сообщать общему комитету всѣ необходимыя свѣдѣнія о ходѣ избирательной кампаніи; когда они намѣтятъ кандидатовъ въ выборщики, они немедленно сообщатъ общему комитету списокъ тѣхъ изъ этихъ кандидатовъ, которые желательны, какъ будущіе кандидаты въ Думу; число этихъ особенно желательныхъ кандидатовъ можетъ быть и больше числа депутатскихъ мѣстъ по губерніи или городу. Общій комитетъ обнародуетъ (сразу или въ нѣсколько пріемовъ) полученные списки, какъ списки лицъ, рекомендуемыхъ и поддерживаемыхъ общей организаціей съѣзда городскихъ и земскихъ дѣятелей. При опубликованіи этихъ списковъ можетъ быть повторено воззваніе съ краткой программой и должно быть пояснено, что это списокъ лицъ, избраніе которыхъ въ выборщики необходимо для правильнаго хода губернскихъ выборовъ и для избранія изъ нихъ числа членовъ Думы по соглашенію съ мѣстными группами избирателей.

«Когда въ уѣздахъ выборы пройдутъ, необходимо устроить частное совѣщаніе выборщиковъ въ губерніи; изъ нихъ образуется группа, которая присоединится къ нашей программѣ и сойдется на общемъ планѣ дѣйствій, — она составитъ свой списокъ кандидатовъ въ члены Думы, сообщитъ его общему комитету, который опубликуетъ этотъ окончательный списокъ кандидатовъ въ Думу. Необходимо будетъ созвать при общемъ комитетѣ съѣздъ представителей отъ указанныхъ объединенныхъ группъ выборщиковъ для обсужденія той программы, болѣе широкой, которая должна быть опубликована и выставлена передъ губернскими выборами.

«Программа дѣятельности общаго комитета указана только въ общихъ чертахъ, и онъ долженъ быть уполномоченъ развивать и направлять ее согласно съ выясняющимися потребностями.

«Для возможнаго развитія дѣятельности общаго комитета необходимо предоставить въ его распоряженіе значительную часть изъ суммы, имѣющей поступить въ бюро въ силу постановленія съѣзда 6-го іюля.

«Такимъ образомъ, мы предлагаемъ съѣзду избрать общій комитетъ для содѣйствія избирательной кампаніи на мѣстахъ на вышеуказанныхъ основахъ и дать ему право сношенія съ организаціями и съ отдѣльными лицами, а также право приглашать къ участію въ своихъ работахъ постороннихъ лицъ, содѣйствіе которыхъ можетъ оказаться нужнымъ. Комитету должны быть предоставлены опредѣленныя средства изъ смѣты съѣзда».

Докладъ вызвалъ оживленныя пренія и энергичныя возраженія. Князь Д. И. Шаховской указывалъ, что рекомендовать кандидатовъ можетъ и должно быть дѣломъ партій, а не внѣпартійнаго обще-земскаго съѣзда и не имъ избраннаго центральнаго комитета. Другіе отмѣчали, что центральный комитетъ будетъ нерѣдко поставленъ въ безвыходное положеніе, когда получитъ съ мѣстъ по два и болѣе различныхъ списка, что одно номинальное присоединеніе къ программѣ не можетъ служить основаніемъ поддержанія кандидатуры лица и что вообще, при чрезвычайной краткости времени, оставшагося до выборовъ, такая централизація дѣла не только не принесетъ пользы, но можетъ принести вредъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, никто не отрицалъ существенной необходимости имѣть авторитетный органъ для рѣшенія разнообразныхъ спорныхъ юридическихъ вопросовъ, которые навѣрное будутъ возникать во множествѣ.

Совѣщаніе постановило: образовать при бюро консультаціонный по дѣламъ о выборахъ комитетъ.

Проектъ воззванія, составленный въ бюро, вызвалъ еще болѣе оживленныя пренія. Осуждались форма изложенія и содержаніе. Возбужденъ былъ вопросъ о партійномъ характерѣ воззванія отъ внѣпартійнаго съѣзда. Наконецъ, возникъ горячій споръ — включать или не включать въ воззваніе экономическую программу съѣзда. Говорило болѣе двадцати ораторовъ. Къ часу ночи съѣздъ ни на чемъ не сговорился и отложилъ рѣшеніе на 13 сентября.

Засѣданіе 13 сентября.

Предсѣдателемъ на 13 сентября былъ избранъ князь Павелъ Дм. Долгоруковъ.

Прежде всего собраніе выслушало рядъ заявленій. Представители Одессы, Тифлиса и другихъ городовъ, въ томъ числѣ и сибирскихъ, обратили вниманіе съѣзда на то, что законъ назначилъ крайне ограниченное число членовъ Думы отъ городовъ и что сибирскіе города, если правительствомъ не будетъ принято энергическихъ мѣръ, окажутся лишенными возможности произвести выборы до срока созыва Думы.

Что касается Тифлиса, Одессы и сибирскихъ городовъ, то заявленія ихъ представителей были на разсмотрѣніи бюро, и съѣздъ постановилъ признать желательнымъ удовлетвореніе ходатайствъ, возбужденныхъ мѣстными городскими думами. Въ отношеніи прочихъ городовъ, заявленія переданы на заключеніе бюро.

Е. В. де-Роберти (Тверь) заявилъ, что отчетъ о засѣданіи 12 сентября появился въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» въ искалѣченномъ видѣ—«по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ». Ни докладъ бюро, ни резолюція не напечатаны, пренія по главному вопросу — тоже. По мнѣнію оратора, съѣздъ не можетъ отнестись безразлично къ вынужденному замалчиванію того, что происходитъ на съѣздѣ, ибо съѣздъ не имѣетъ ни желанія, ни основанія что-либо скрывать отъ общества. Далѣе г. де-Роберти протестовалъ противъ распоряженія генералъ-губернатора, обусловившаго открытіе съѣзда такими требованіями, которыя проектируется внести въ законъ о собраніяхъ, но которыя въ настоящее время не имѣютъ подъ собой никакой опоры въ законѣ.

В. М. Кашкаровъ (Калуга) присоединился къ первой половинѣ заявленія г. де-Роберти. Съѣздъ опредѣлилъ: заявленіе занести въ протоколъ.

Ф. А. Головинъ отъ имени бюро, въ виду возраженій, которыя вызвалъ наканунѣ проектъ обращенія (воззванія) къ избирателямъ, основанныхъ, главнымъ образомъ, на разнорѣчіи, что изъ программныхъ вопросовъ подлежитъ включенію въ обращеніе, — предложилъ предварительно обсудить всѣ внесенныя на съѣздъ отдѣльныя части программы: 1) о правахъ гражданина и

человѣка; 2) о всеобщемъ избирательномъ правѣ и объ участіи въ осуществленіи законодательной власти и въ государственномъ управленіи; 3) о правахъ національностей и о децентрализаціи управленія и законодательства; 4) о судѣ, крестьянскомъ вопросѣ, мѣстномъ самоуправленіи и народномъ образованіи и 5) объ экономическихъ задачахъ.

Съѣздъ принялъ предложенный порядокъ занятій и приступилъ къ разсмотрѣнію проекта программы по п. 1 и 2.

Докладчикъ С. А. Муромцевъ (Москва) сообщилъ, что бюро не вноситъ подробно мотивированнаго письменнаго доклада, такъ какъ всѣ вопросы политическаго характера уже разсмотрѣны съѣздомъ частью въ ноябрѣ, частью въ апрѣлѣ, и ограничивается предложеніемъ вниманію собранія слѣдующаго проекта резолюціи, въ формѣ тезисовъ.

«1. Полное и всестороннее проведеніе въ практику государственнаго управленія начала законности, равно обязательнаго, какъ для частныхъ лицъ, такъ и для представителей самой власти, отвѣтственныхъ наравнѣ съ гражданами предъ общимъ судомъ и въ общемъ порядкѣ за допущенныя ими нарушенія закона.

«2. Признаніе полнаго равенства личныхъ (гражданскихъ и политическихъ) правъ всѣхъ гражданъ Россійской Имперіи. Въ частности, коренное измѣненіе нынѣшняго неполноправнаго и приниженнаго положенія крестьянъ и другихъ находящихся съ ними въ одинаковомъ положеніи сельскихъ обывателей, для чего необходимо: а) уравнять сельское населеніе въ личныхъ правахъ съ лицами другихъ сословій; б) освободить сельское населеніе отъ административной опеки во всѣхъ проявленіяхъ его личной и общественной жизни и в) упразднивъ институтъ земскихъ начальниковъ, оградить крестьянство наравнѣ съ другими сословіями правильной формой суда.

«3. Признаніе и немедленное проведеніе въ жизнь началъ неприкосновенности личности и частнаго жилища; обезпеченіе свободы совѣсти и вѣроисповѣданія, свободы слова и печати, свободы собраній и союзовъ, свободы передвиженія при отмѣнѣ паспортной системы.

«4. Учрежденіе народнаго представительства, участвующаго въ осуществленіи законодательной власти, въ установленіи государственной росписи доходовъ и расходовъ и въ контролѣ за закон-

ностью и правильностью дѣйствій высшей и низшей администраціи. Безъ согласія народныхъ представителей не долженъ быть издаваемъ ни одинъ законъ, не устанавливаемъ ни одинъ государственный налогъ, не производимъ никакой расходъ изъ государственной казны.

«5. Народное представительство въ первой изъ палатъ не должно быть ни сословнымъ, ни выраженіемъ какихъ-либо классовыхъ или групповыхъ различій. Каждый взрослый неопороченный человѣкъ долженъ получить свой голосъ на выборахъ, равный съ голосами прочихъ; выборы должны быть прямые, безъ посредствующаго участія какихъ-либо предварительно избираемыхъ выборщиковъ, съ закрытою подачею голосовъ.

«6. Мѣстныя, кореннымъ образомъ переустроенныя учрежденія, должны послужить основаніемъ для устройства второй палаты, которая должна быть представительствомъ этихъ учрежденій. Обѣ палаты должны быть равноправны.

«7. Полное отдѣленіе судебной власти отъ административной; начало несмѣняемости судей; возстановленіе института выборныхъ мировыхъ судей; упраздненіе существующихъ изъятій изъ общаго порядка уголовнаго судопроизводства съ участіемъ присяжныхъ по роду преступленій; строгое проведеніе того начала, что безъ приговора надлежащей судебной власти нѣтъ никакой кары, никакого взысканія, никакого ограниченія въ пользованіи правами.

«8. Повсемѣстное снятіе положеній усиленной охраны и военнаго; недопущеніе чрезвычайныхъ военныхъ и иныхъ судовъ; полная амнистія осужденныхъ за такъ называемыя политическія преступленія; отмѣна наложенныхъ за тѣ же преступленія административныхъ взысканій и прекращеніе начатыхъ политическихъ преслѣдованій. Признаніе, что никакое изъятіе изъ основныхъ началъ неприкосновенности личности и основныхъ правъ россійскихъ гражданъ (п. 3) и нормальной подсудности (п. 7) не можетъ быть устанавливаемо безъ прямого согласія на то народнаго представительства».

Первый, третій и четвертый тезисы не встрѣтили возраженій и приняты безъ преній.

Е. В. де-Роберти (Тверь) и М. П. Федоровъ (Петербургъ) предложили изъ второго тезиса исключить особое упоминаніе о

крестьянахъ, такъ какъ мѣщане находятся въ одинаковомъ правовомъ положеніи съ крестьянами, да и положеніе всѣхъ вообще обывателей у насъ равно безправно. На это представили возраженія В. Д. Кузьминъ-Караваевъ (Тверь), С. А. Муромцевъ, В. Е. Якушкинъ (Курскъ) и другіе. Они отмѣтили неточность ссылки на мѣщанъ, совершенную исключительность положенія крестьянъ, лишенныхъ вовсе права на личную и общественную самостоятельность и отданныхъ во власть узаконеннаго произвола земскихъ начальниковъ. По этимъ основаніямъ и въ ноябрьскихъ резолюціяхъ о крестьянахъ говорилось особо, а съ тѣхъ поръ рѣшеніе крестьянскаго вопроса не подвинулось ни на одинъ шагъ. Напротивъ, всѣ предположенія указа 12 декабря 1904 г. даже формально отмѣнены.

Послѣ этихъ возраженій, второй тезисъ былъ принятъ безъ измѣненія единогласно.

По пятому и шестому тезисамъ поднялся старый споръ: о двухпалатной или однопалатной системѣ и о прямомъ или степенномъ избраніи. К. К. Арсеньевъ (Петербургъ), гр. П. А. Гейденъ (Псковъ) и друг., высказывавшіеся въ апрѣлѣ за степенные выборы, настаивали на исключеніи словъ: «выборы должны быть прямые». Въ результатѣ преній совѣщаніе рѣшило остаться по обоимъ спорнымъ вопросамъ при той резолюціи, которая въ апрѣлѣ сосредоточила большинство.

Тезисы пятый и шестой приняты по большинству голосовъ въ слѣдующей редакціи:

«5. Въ организаціи народнаго представительства не должно быть допущено ни сословнаго начала, ни такъ называемаго представительства интересовъ. Въ основу этой организаціи должны быть положены выборы представителей отъ населенія путемъ всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосовъ».

«6. На ряду съ представительнымъ собраніемъ, избираемымъ путемъ всеобщаго и прямого голосованія, должно быть образовано особое представительство отъ реорганизованныхъ на демократическихъ началахъ и распространенныхъ на всю Имперію учрежденій мѣстнаго самоуправленія. Обѣ палаты должны быть равноправны».

Графъ П. А. Гейденъ возбудилъ вопросъ о томъ, чтобы въ программѣ параллельно съ мнѣніемъ большинства было изложено

и мнѣніе меньшинства, какъ это было сдѣлано въ ноябрѣ, ибо иначе программа окажется партійной по содержанію и въ то же время исходящей отъ внѣпартійнаго съѣзда. Несмотря на поддержку со стороны нѣкоторыхъ лицъ, голосовавшихъ съ большинствомъ, съѣздъ отвергъ такую двойственность въ программѣ, признавъ достаточнымъ отмѣчать числовой результатъ каждаго голосованія въ протоколѣ и прилагать къ протоколу особыя мнѣнія представителей меньшинства, когда они того пожелаютъ.

Н. И. Драго (Одесса), ссылаясь на постановленіе іюньскаго съѣзда городскихъ дѣятелей, предложилъ дополнить пятый тезисъ указаніемъ на то, что въ выборахъ участвуютъ всѣ граждане безъ различія пола, вѣроисповѣданія и національности. Особое указаніе на безразличіе при выборахъ вѣроисповѣданія и національности, какъ было разъяснено автору предложенія, излишне, въ виду начальныхъ словъ второго тезиса. По вопросу же о политической равноправности женщинъ іюльскимъ земскимъ съѣздомъ было признано, что не только рѣшеніе, но и самая постановка его—дѣло будущаго народнаго представительства.

В. Д. Набоковъ (Петербургъ), г. Дворжакъ и др. полагали необходимымъ остаться при прежнемъ постановленіи, мотивированномъ невозможностью рѣшать столь трудный и сложный вопросъ спѣшно и, такъ сказать, попутно. Обсужденіе вопроса по существу съѣздомъ было отвергнуто. Это не помѣшало однако продолжительнымъ преніямъ, такъ какъ сторонники предложенія г. Драго находили, что оно можетъ быть принято безъ осужденія по существу, ибо вопросъ простъ, ясенъ и не возбуждаетъ сомнѣній. П. Д. Лескевичъ (Севастополь) указывалъ на необходимость хотя бы расширенія правъ женщинъ участвовать въ выборахъ черезъ уполномоченныхъ. Въ Севастополѣ очень много домовладѣлицъ и квартиронанимательницъ, фактически устраненныхъ отъ выборовъ потому, что имъ некому дать довѣренностей—мужей нѣтъ или они на военной службѣ, удовлетворяющихъ условіямъ сыновей тоже нѣтъ.

Баллотировка отвѣтила отрицательно на предложеніе: совѣщаніе его отвергло большинствомъ 72 голосовъ противъ 60.

Въ седьмой тезисъ внесены два существенныхъ дополненія: «отмѣна ограниченій гласности судебныхъ засѣданій» и «полная отмѣна смертной казни навсегда».

Первая половина восьмого тезиса встрѣтила только замѣчанія редакціоннаго характера. Исключительные законы въ современномъ ихъ примѣненіи слишкомъ хорошо извѣстны всѣмъ и каждому, чтобы по поводу ихъ среди членовъ съѣзда могли существовать два мнѣнія. Но по второй подовинѣ обнаружились рѣзко различныя сужденія.

В. В. Измайловъ (Тамбовъ) высказалъ, что ни военное положеніе, ни какое-либо положеніе усиленной охраны въ правовомъ государствѣ, при конституціонномъ строѣ, никогда недопустимы. Стоя на точкѣ зрѣнія неотъемлемости такъ называемыхъ естественныхъ правъ человѣка, г. Измайловъ настаивалъ на томъ, что государство никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ не можетъ отнимать обычныхъ гарантій личной неприкосновенности, свободы слова, собраній и пр., а особенно вводить исключительную подсудность и устанавливать повышенныя наказанія.

С. А. Муромцевъ, Ф. Ф. Кокошкинъ (Москва) и В. Д. Кузьминъ-Караваевъ возражали, ссылаясь не только на практику, но и на текстъ конституцій государствъ Средней Европы. По ихъ воззрѣнію, отрицать возможность возникновенія исключительныхъ обстоятельствъ внутри государства нельзя, а потому нельзя отвергать въ принципѣ исключительные законы. Слѣдуетъ лишь озаботиться, чтобы они не вводились въ дѣйствіе безъ особаго каждый разъ согласія народнаго представительства.

Доводы эти совѣщанія не убѣдили, и оно большинствомъ голосовъ присоединилось къ мнѣнію г. Измайлова.

Восьмой тезисъ принятъ въ слѣдующей редакціи:

«8. Признаніе, что никакое изъятіе изъ основныхъ началъ неприкосновенности личности и основныхъ правъ россійскихъ гражданъ и нормальной подсудности не можетъ быть устанавливаемо. Повсемѣстное снятіе положеній усиленной охраны и военнаго и отмѣна вообще исключительныхъ законовъ; недопущеніе чрезвычайныхъ военныхъ и иныхъ судовъ; полная амнистія осужденныхъ за такъ называемыя политическія и религіозныя преступленія; отмѣна наложенныхъ за тѣ же преступленія административныхъ взысканій и прекращеніе начатыхъ преслѣдованій».

На этомъ закончилось дневное засѣданіе. На вечеръ съѣздъ назначилъ обсужденіе программы экономической.

Вечернее засѣданіе 13 сентября
и утреннее и вечернее 14 сентября.

Собравшись на вечернее засѣданіе, съѣздъ, по просьбѣ представителей окраинъ, приступилъ къ обсужденію не экономической програмы, какъ предполагалось, а о правахъ національностей и о децентрализаціи управленія и законодательства.

Насколько жгучимъ практическимъ вопросомъ минуты является вопросъ о «бойкотѣ», настолько же волнуетъ общественную мысль вопросъ, еще обсуждаемый теоретически, но неизмѣримо болѣе важный, нежели самое измѣненіе формъ и способовъ управленія государствомъ: чѣмъ быть Россіи въ будущемъ—свободной ли федераціей самостоятельныхъ штатовъ или кантоновъ, или совокупностью автономныхъ областей и провинцій, или же остаться единымъ нераздѣльнымъ государствомъ?

Въ такой широкой постановкѣ вопросъ неизбѣжно выросъ передъ съѣздомъ изъ сравнительно узкихъ рамокъ заглавія доклада бюро. Содержаніе чрезвычайно подробнаго доклада съ массой цѣнныхъ данныхъ тоже, впрочемъ, выходило за рамки заглавія. Пренія не вращались вокругъ и около, а освѣтили всю глубину вопроса, такъ что послѣ трехъ засѣданій каждый голосовалъ съ открытыми глазами. Значительныя затрудненія представляло выработать формулы, которыя объединили бы большинство, согласное въ общихъ принципахъ и расходящееся въ деталяхъ, во-первыхъ, и въ средствахъ проведенія принциповъ въ жизнь—во-вторыхъ. По нашему мнѣнію, съѣздъ успѣшно разрѣшилъ и эти затрудненія.

Докладчикомъ выступилъ *Ф. Ф. Кокошкинъ*. Чтеніе доклада, въ который, между прочимъ, вошли записки объ автономіи Грузіи и Украйны, заявленія общественныхъ дѣятелей черниговской губерніи и положенія проф. Лучицкаго, продолжалось около двухъ часовъ.

По мнѣнію бюро, основанія и условія автономіи тѣхъ или иныхъ областей въ отдѣльности не могутъ быть предметомъ сужденій настоящаго съѣзда. Необходимо детальное и объективное изученіе каждой такой области, взаимныхъ отношеній населяющихъ ее племенъ и народностей и согласованіе національныхъ запросовъ и требованій, нерѣдко противорѣчивыхъ. Только по

польскому вопросу, въ предѣлахъ автономіи десяти губерній Царства Польскаго, можетъ быть данъ отвѣтъ. Въ отношеніи всѣхъ другихъ окраинъ надлежитъ лишь выяснить, сочувствуетъ ли съѣздъ въ принципѣ идеѣ автономіи и цѣлесообразности ея проведенія и приложенія къ будущей Россіи.

Отмѣчая положительныя стороны автономнаго строя, докладъ не обошелъ молчаніемъ и того, что онъ иногда способствуетъ росту національной розни, какъ это видно изъ примѣра современной Австріи. Въ общемъ, бюро стоитъ за государственное единство, но съ полной охраной національныхъ особенностей культуры, языка и равноправности всѣхъ народностей. Бюро — за самую широкую децентрализацію управленія повсемѣстно. Децентрализація законодательства возможна нынѣ лишь тамъ, гдѣ она стала выяснившейся и вполнѣ опредѣлившейся потребностью. Повсемѣстная же провинціальная автономія — вопросъ отдаленнаго будущаго, который нынѣ можно лишь предугадывать. Дѣленіе Россіи на автономныя части не было бы теперь признаніемъ факта, а возсозданіемъ историческаго прошлаго, отъ котораго мѣстами не осталось и слѣдовъ.

Въ заключеніе доклада Ф. Ф. Кокошкинъ представилъ вниманію собранія слѣдующія положенія.

«А. По вопросу о правахъ національностей.

1) Основной законъ Россійской Имперіи долженъ гарантировать всѣмъ населяющимъ Имперію народностямъ право культурнаго самоопредѣленія, полную свободу употребленія различныхъ языковъ и нарѣчій въ общественной жизни, свободу собраній, союзовъ, учебныхъ заведеній и всякаго рода учрежденій, имѣющихъ цѣлью сохраненіе и развитіе языка, литературы и культуры каждой народности и т. п.

2) Русскій языкъ долженъ остаться языкомъ центральныхъ государственныхъ учрежденій, арміи и флота.

3) Языкъ мѣстныхъ административныхъ и судебныхъ установленій опредѣляется общими и мѣстными законами, а въ предѣлахъ законовъ постановленіями самихъ означенныхъ установленій или тѣхъ органовъ, которымъ они подчинены. Языкъ мѣстныхъ выборныхъ собраній и ихъ исполнительныхъ органовъ опредѣляется постановленіями сихъ собраній.

4) Въ учебныхъ заведеніяхъ, содержимыхъ на счетъ государ-

ства или органовъ мѣстнаго самоуправленія, языкъ преподаванія опредѣляется постановленіями тѣхъ государственныхъ или общественныхъ установленій, въ вѣдѣніи которыхъ означенныя заведенія находятся. При этомъ должно быть наблюдаемо, чтобы населеніе каждой мѣстности могло получать начальное, а по возможности и дальнѣйшее образованіе на своемъ родномъ языкѣ.

«Б. По вопросу о децентрализаціи управленія.

1) Кругъ вѣдомства органовъ мѣстнаго самоуправленія долженъ простираться на всю область мѣстнаго управленія, включая сюда и полицію безопасности и благочинія и, за исключеніемъ лишь тѣхъ отраслей управленія, которыя въ условіяхъ современной государственной жизни необходимо требуютъ централизаціи (какъ, напр., военнаго, таможеннаго, акцизнаго, монетнаго, почтово-телеграфнаго управленія и т. п.).

2) Дѣятельность мѣстныхъ представителей центральной власти должна сводиться къ надзору за законностью дѣятельности органовъ мѣстнаго самоуправленія, при чемъ окончательное рѣшеніе по возникающимъ въ этомъ отношеніи спорамъ и сомнѣніямъ должно принадлежать судебнымъ учрежденіямъ.

3) Органамъ мѣстнаго самоуправленія должна принадлежать широкая власть издавать въ предѣлахъ законовъ общеобязательныя постановленія. При этомъ возможно бóльшая часть предметовъ, подлежащихъ нынѣ вѣдѣнію законодательной власти, должна быть отнесена къ кругу дѣйствія обязательныхъ постановленій (какъ, напр., правила объ охранѣ лѣсовъ и водъ, подробное урегулированіе поземельныхъ отношеній, правила объ устройствѣ мѣстныхъ путей сообщенія и о пользованіи ими, упорядоченіе охоты и т. п.).

«В. По вопросу о децентрализаціи законодательства.

1) Образованіе мѣстныхъ представительныхъ собраній, обладающихъ правомъ участія въ осуществленіи законодательной власти по извѣстнымъ предметамъ является уже нынѣ потребностью нѣкоторыхъ частей Имперіи и въ будущемъ можетъ сдѣлаться потребностью повсемѣстной.

2) Послѣ установленія правъ гражданской свободы и правильнаго народнаго представительства съ конституціонными правами для всей Имперіи, долженъ быть открытъ законный путь для установленія мѣстной автономіи по мѣрѣ выясненія потребности

въ ней мѣстнаго населенія и естественныхъ границъ автономныхъ областей.

3) Образованіе автономныхъ областей должно совершаться путемъ изданія особаго каждый разъ закона.

4) Мѣстныя законодательныя собранія должны избираться путемъ всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосовъ.

5) Всѣ постановленія общеимперскаго основного закона, за исключеніемъ тѣхъ постановленій о кругѣ вѣдомства центральныхъ государственныхъ учрежденій, которыя будутъ видоизмѣнены, а равно общеимперскій законъ о выборахъ въ палату народныхъ представителей, дѣйствуютъ и въ предѣлахъ автономныхъ областей.

6) Представительство отъ органовъ мѣстнаго самоуправленія въ земской палатѣ замѣняется для автономныхъ областей представительствомъ отъ мѣстныхъ законодательныхъ собраній.

7) Въ предѣлахъ общеимперскаго основного закона и закона объ автономіи, внутренее устройство каждой автономной области опредѣляется мѣстнымъ законодательнымъ собраніемъ».

Гр. *П. А. Гейденъ* обратилъ вниманіе на безконечную сложность возбужденныхъ докладомъ вопросовъ. Спорить по нимъ можно цѣлые годы. Будетъ достаточно, если съѣздъ выразитъ принципіальное сочувствіе праву каждой національности на самоопредѣленіе, что̀ объединяетъ всѣхъ русскихъ прогрессивныхъ людей, а въ частности сочувственное отношеніе къ разрѣшенію назрѣвшаго польскаго вопроса. Установленіе же основъ необходимыхъ мѣропріятій — дѣло Государственной Думы, когда она станетъ на высоту выраженныхъ уже съѣздомъ, въ отношеніи ея роли и образованія, пожеланій.

Проф. *И. В. Лучицкій* энергично возражалъ. Не отрицая сложности вопроса, онъ признавалъ для съѣзда возможнымъ и желательнымъ, оставаясь всецѣло въ области принциповъ, сказать, что Россія не станетъ спокойной и свободной, пока въ ней не осуществится на широкихъ началахъ федеративное устройство.

В. М. Кашкаровъ (Калуга) неудовлетворенъ докладомъ, говорящимъ то за федерацію, то противъ. Вопроса о федеративномъ переустройствѣ Россіи не существуетъ. Онъ выдвинутъ искусственно. Другое дѣло — вопросъ польскій. О немъ мы должны

высказать свое сужденіе. Необходимо немедленно ликвидировать наслѣдіе XVIII столѣтія.

Е. В. де-Роберти (Тверь) не считаетъ вопроса сложнымъ. Мы не пишемъ законодательнаго акта. Странѣ нужно только знать, сколько въ земской средѣ централистовъ, федералистовъ и автономистовъ.

По мнѣнію *Ф. И. Родичева* (Тверь), говорить сейчасъ можно и должно только о Польшѣ. Вопросъ о федеративномъ строѣ не стучится въ дверь; будутъ одни академическіе споры.

Г. Врублевскій (Ковна) горячо настаивалъ, чтобы съѣздъ далъ отвѣтъ по польскому вопросу, чего ждутъ пославшіе его и другихъ представителей поляки.

То же поддерживалъ *князь Друцкой-Любецкій* (Минскъ).

Согласно съ Ф. И. Родичевымъ говорили *А. А. Савельевъ* (Нижній-Новгородъ), *князь Щербатовъ* (Полтава) и другіе. *В. Е. Якушкинъ* поддерживалъ г. Лучицкаго.

Г. Измайловъ (Тамбовъ) заявилъ, что главная задача съѣзда высказаться положительно о правѣ всѣхъ національностей на самоопредѣленіе, что это сказать сейчасъ же вполнѣ возможно, и что такой отвѣтъ всего нужнѣе Польшѣ, Финляндіи и Кавказу.

Отлагая продолженіе преній на слѣдующій день, съѣздъ рѣшилъ начать обсужденіе съ перваго отдѣла положеній бюро.

Предсѣдателемъ былъ избранъ 14 сентября *Н. Н. Щепкинъ*. Въ виду тѣсной связи и зависимости положеній перваго и третьяго отдѣловъ, удерживать пренія въ рамкахъ правъ національностей на самоопредѣленіе представлялось чрезвычайно труднымъ. Ораторы постоянно сбивались на автономію національностей и областей.

Г. Врублевскій (Ковна) развивалъ соображенія, высказанныя имъ наканунѣ, и обрисовалъ необходимость обезпеченія правъ меньшинства въ областяхъ со смѣшаннымъ населеніемъ — иначе выйдетъ наружу мѣстный національный антагонизмъ. Онъ внесъ предложеніе: поручить бюро внести будущему съѣзду соображенія о гарантіяхъ представительства меньшинства въ центральномъ представительномъ учрежденіи и въ мѣстномъ самоуправленіи.

И. И. Поповъ (Иркутскъ) говорилъ о якутахъ, бурятахъ и прочихъ сибирскихъ инородцахъ. Къ чему привела обрусительная политика? Она дала обратный результатъ: среди бурятъ замѣтно усиленіе монгольскаго вліянія, христіанство не имѣетъ успѣха, а

ламаитство и шаманство успѣваютъ, русскому языку никто не научился, напротивъ, живущіе среди инородцевъ русскіе начинаютъ говорить по-якутски и по-бурятски. Г. Поповъ полагаетъ, что, хотя бы въ виду территоріальной протяженности Россіи, необходимо федеративное устройство государства.

Того же взгляда держится *А. М. Александровъ* (Екатеринославъ). Національный вопросъ въ переживаемую минуту бакинскихъ и другихъ ужасовъ пріобрѣлъ исключительное значеніе. «Вездѣ кипитъ котелъ взаимной ненависти». Только признаніе національныхъ правъ и широкая областная автономія могутъ вернуть страну къ единству. Ораторъ сожалѣетъ, что докладъ бюро не говоритъ прямо, гдѣ именно опредѣлилась уже потребность въ автономіи.

Г. Понятовскій (Волынь), ссылаясь на Швейцарію и Америку, доказывалъ, что автономія областей приводитъ не къ распаденію государства, а къ тѣсному сплоченію. Автономія, между прочимъ, необходима Малороссіи, гдѣ своеобразны условія землевладѣнія и гдѣ своеобразно же можетъ быть разрѣшенъ аграрный вопросъ.

Кавказъ, къ сожалѣнію, на настоящемъ съѣздѣ былъ представленъ слабо. Тифлисъ, за выходомъ въ отставку городского головы г. Вермишева и гласныхъ думы, не могъ прислать депутатовъ, о чемъ извѣстилъ телеграммой, прочитанной въ засѣданіи 13 сентября. А потому армянскій вопросъ остался безъ освѣщенія. Лишь о Грузіи говорилъ представитель г. Кутаиса *Д. А. Лордкипанидзе*. Онъ доказывалъ полную фактическую возможность возстановленія Грузіи—не въ видѣ самостоятельнаго царства, а особенной автономной части Россіи. 100 лѣтъ была Грузія въ рукахъ русскаго правительства и въ результатѣ теперь идетъ война между населеніемъ и русскими войсками. Только автономія можетъ умиротворить край.

Собраніе признало вопросъ о правахъ національностей достаточно разъясненнымъ и, по принятіи предложенія г. Врублевскаго, приступило къ баллотировкѣ положеній перваго отдѣла.

Пунктъ первый принятъ въ слѣдующей нѣсколько измѣненной редакціи: «Основной законъ Россійской Имперіи долженъ гарантировать всѣмъ населяющимъ Имперію народностямъ право культурнаго самоопредѣленія, какъ-то: полную свободу употребленія различныхъ языковъ и нарѣчій въ общественной жизни,

свободу собраній, союзовъ, свободу открытія частныхъ учебныхъ заведеній и всякаго рода учрежденій, имѣющихъ цѣлью сохраненіе и развитіе языка, литературы, культуры каждой народности и т. п.». Второй пунктъ принятъ безъ измѣненія. Вмѣсто третьяго и четвертаго: «Употребленіе на ряду съ общегосударственнымъ мѣстныхъ языковъ въ мѣстныхъ государственныхъ и общественныхъ установленіяхъ и въ учебныхъ заведеніяхъ, содержимыхъ на средства государства или органовъ самоуправленія, регулируется общими и мѣстными законами, а въ предѣлахъ законовъ постановленіями подлежащихъ установленій. При этомъ должно быть наблюдаемо, чтобы населеніе каждой мѣстности могло получать начальное, а по возможности и дальнѣйшее образованіе на своемъ родномъ языкѣ».

Второй отдѣлъ положеній встрѣтилъ лишь редакціонныя замѣчанія и принятъ съ исключеніемъ въ пунктахъ первомъ и третьемъ примѣрныхъ перечней отраслей управленія и правилъ.

Въ преніяхъ по вопросу о децентрализаціи законодательства представителями крайнихъ полюсовъ выступили: съ одной стороны, *А. М. Колюбакинъ* (Новгородъ), *В. И. Вернадскій* (Тамбовъ), *С. А. Котляревскій* (Саратовъ) и проф. *Лучицкій* (Кіевъ); съ другой—*Немировскій* (Саратовъ), *А. И. Гучковъ* (Москва), *А. А. Савельевъ* (Нижній-Новгородъ) и гр. *П. А. Гейденъ* (Псковъ).

Доводы федералистовъ сводились, главнымъ образомъ, къ тому, что распаденіе государственнаго единства при федераціи—опасеніе, не имѣющее основаній. Примѣръ не только Швейцаріи и Америки, но и Германіи показываетъ обратное. Федеративное государство гораздо сплоченнѣе и могущественнѣе централистическаго. Общее представительство вполнѣ достаточно гарантируетъ сохраненіе единства. Блага же, даваемыя федеративнымъ строемъ, неисчислимы. Только при немъ національная культурная самостоятельность не обращается въ миражъ. В. И. Вернадскій выставилъ идею провинціальной автономіи, какъ необходимое слѣдствіе демократическаго строя территоріально протяженнаго государства. Въ центральномъ представительствѣ можетъ активно себя проявлять лишь ничтожная горсть ста милліоновъ гражданъ. При дѣленіи на автономныя провинціи управленіе страной дѣйтельно переходитъ къ народу. Проф. Лучицкій указывалъ есправедливость распредѣленія сбираемыхъ съ населенія де-

негъ, всегда присущую государствамъ, отрицающимъ мѣстную автономію.

По мнѣнію централистовъ, опасность распаденія не призрачна, а реальна. Разъ Россія вступитъ на путь автономіи окраинъ, она «распылится». За Кавказомъ и Малороссіей вспомнятъ о своей былой самостоятельности Новгородъ и Псковъ. Вопросъ возникъ только потому, что велась столѣтія безцѣльная и жестокая политика обрусенія, потому — что центръ ничего не давалъ, ничего ни за кѣмъ не признавалъ и все давилъ.

Въ будущей Россіи сепаратистскія стремленія исчезнутъ сами собой. Народъ не хочетъ федераціи. Партія, которая выставитъ автономію въ своей избирательной платформѣ, погубитъ себя на выборахъ. Если это сдѣлаетъ земскій съѣздъ, онъ отдастъ Думу въ руки реакціонеровъ.

Кромѣ названныхъ лицъ въ преніяхъ принимали участіе еще очень многіе, примыкавшіе частью къ одной группѣ, частью къ другой. *М. М. Ковалевскій* высказывался за возстановленіе исторической правды. Ему возражали, что многолѣтній фактъ стеръ прошлое, такъ что нечего и возстановлять.

Значительное большинство отвергло всѣ семь пунктовъ положеній третьяго отдѣла и приняло слѣдующую резолюцію:

«Имѣя въ виду, что образованіе мѣстныхъ представительныхъ собраній, обладающихъ правомъ участія въ осуществленіи законодательной власти по извѣстнымъ предметамъ, является потребностью нѣкоторыхъ частей Имперіи, съѣздъ постановилъ: послѣ установленія правъ гражданской свободы и правильнаго народнаго представительства съ конституціонными правами для всей Имперіи, долженъ быть открытъ законный путь для установленія мѣстной автономіи».

Съѣздъ перешелъ къ польскому вопросу.

Ф. И. Родичевъ отмѣтилъ, что въ Россіи коренной, представленной земскими губерніями, польскій вопросъ поставленъ по собственной иниціативѣ и по собственной же иниціативѣ вносится предложеніе его рѣшить въ смыслѣ удовлетворенія желаній и помысловъ поляковъ. «Мы этимъ дѣлаемъ полезное и необходимое для насъ самихъ дѣло».

А. И. Гучковъ высказался противъ автономіи Польши. Пусть поляки получатъ широкое мѣстное самоуправленіе, пусть они получатъ все, что получимъ мы, но и только.

Резолюція съѣзда:

«Съѣздъ, имѣя въ виду, что Царство Польское въ большой своей части представляетъ собою совершенно однородное въ національномъ и культурно-бытовомъ отношеніяхъ и рѣзко обособленное отъ остальныхъ частей Имперіи цѣлое, признаетъ необходимымъ немедленно, по установленіи обще-имперскаго демократическаго народнаго представительства, съ конституціонными правами, выдѣлить Царство Польское въ особую автономную единицу съ сеймомъ, избираемымъ на основаніи всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія, при условіи сохраненія государственнаго единства Имперіи и установленія возможности исправленія границъ между Царствомъ Польскимъ и сосѣдними губерніями, по обоюдному соглашенію, какъ въ ту, такъ и въ другую сторону, въ соотвѣтствіи съ племеннымъ составомъ и желаніями мѣстнаго населенія. При этомъ въ Царствѣ Польскомъ должны дѣйствовать обще-имперскія гарантіи гражданской свободы и права національностей на культурное самоопредѣленіе и должны быть обезпечены права меньшинства».

Вечеромъ 13 сентября съѣздомъ было постановлено выразить благодарность Ю. А. Новосильцеву за предоставленіе помѣщенія и сожалѣніе, что Ю. А. Новосильцевъ, въ виду болѣзни, лишенъ возможности участвовать въ занятіяхъ.

При открытіи утренняго засѣданія 14 сентября Ф. А. Головинъ доложилъ, что бюро пополнило свой составъ двумя лицами: М. М. Ковалевскимъ и П. Н. Милюковымъ, которые, какъ члены бюро, вошли въ число участниковъ съѣзда.

Затѣмъ съѣздъ утвердилъ списокъ лицъ, предложенныхъ въ составъ центральнаго земскаго консультаціоннаго комитета.

Лица эти: К. К. Арсеньевъ (Спб.), гр. П. А. Гейденъ (Псковъ), В. Д. Набоковъ (Спб.), В. Д. Кузьминъ-Караваевъ (Тверь), Ф. И. Родичевъ (Тверь), М. П. Федоровъ (Спб.), М. И. Петрункевичъ (Спб.), Оппель (Спб.), С. А. Муромцевъ (Москва), фонъ-Рутценъ (Курскъ), П. Н. Милюковъ и М. М. Ковалевскій. Комитету предоставлено приглашать другихъ лицъ по его усмотрѣнію. Засѣданія комитета будутъ происходить въ Петербургѣ.

14 сентября вечеромъ были выслушаны особыя мнѣнія по вопросамъ: о политической равноправности женщинъ и о прямыхъ выборахъ.

Засѣданіе 15 сентября.

Еще въ день открытія съѣзда явившимся участникамъ его была роздана слѣдующая экономическая программа:

«1) Широкое содѣйствіе подъему сельскаго хозяйства. Установленіе условій, благопріятныхъ для процвѣтанія коопераций, обществъ, союзовъ и вообще всякаго рода единеній, направленныхъ къ улучшенію земледѣлія.

2) Развитіе меліоративнаго кредита въ особенности для мелкихъ хозяевъ.

3) Расширеніе землевладѣнія и землепользованія, основаннаго на началѣ личнаго труда земледѣльца, при помощи использованія для этой цѣли государственныхъ и удѣльныхъ земель и въ случаяхъ необходимости обязательнаго выкупа за счетъ государства требуемой площади частновладѣльческихъ земель.

2-ая редакція § 3 (меньшинство):

Расширеніе землевладѣнія и землепользованія, основаннаго на началѣ личнаго труда земледѣльца, съ допущеніемъ въ извѣстныхъ случаяхъ обязательнаго за счетъ государства выкупа частновладѣльческихъ земель.

4) Законодательное урегулированіе арендныхъ отношеній: упроченіе пользованія арендуемой землей, обезпеченіе права арендатора на вознагражденіе за произведенныя имъ, но не использованныя улучшенія и противодѣйствіе чрезмѣрному повышенію арендныхъ цѣнъ путемъ ихъ регулированія.

5) Устраненіе препятствій къ переселеніямъ и разселеніямъ земледѣльческаго населенія. Устройство хозяйственнаго быта переселенцевъ.

6) Облегченіе размежеванія земель и обмѣна земельныхъ участковъ.

7) Отмѣна выкупныхъ платежей.

8) Пересмотръ законодательства о наймѣ на сельскія работы съ цѣлью установленія равноправности договаривающихся сторонъ. Учрежденіе сельскохозяйственной инспекціи труда на однородныхъ началахъ съ фабричной. Распространеніе на сельскихъ рабочихъ фабричнаго (рабочаго) законодательства примѣнительно къ условіямъ земледѣльческой промышленности.

9) Пересмотръ устава о промышленности въ смыслѣ облегченія

условій промышленной дѣятельности. Явочный порядокъ открытія промышленныхъ заведеній.

10) Свобода профессіональныхъ союзовъ на основѣ общаго права союзовъ и собраній.

11) Признаніе стачекъ законнымъ средствомъ защиты рабочими своихъ интересовъ.

12) Реформа фабричнаго (рабочаго) законодательства и распространеніе его на всѣ отрасли фабрично-заводской и ремесленной промышленности и усиленіе законодательной охраны труда. Обезпеченіе за фабричной инспекціей независимости отъ полицейскихъ властей и надлежащей самостоятельности.

13) Установленіе 8-часового рабочаго дня для взрослыхъ мужчинъ во всѣхъ производствахъ, кромѣ тѣхъ, гдѣ эта мѣра будетъ признана практически неосуществимой. Урегулированіе сверхурочныхъ работъ.

2-ая редакція § 13 (меньшинство):

Установленіе 8-часового рабочаго дня для женщинъ и сокращеніе его для малолѣтнихъ. Постепенное сокращеніе рабочаго дня взрослыхъ мужчинъ и установленіе 8-часовой нормы, гдѣ это возможно. Урегулированіе сверхурочной работы.

14) Учрежденіе примирительныхъ палатъ при участіи представителей труда и капитала.

15) Обязательное государственное страхованіе на случай смерти, увѣчій, болѣзни и на старость. Изысканіе мѣръ борьбы съ безработицей и облегченіе участи безработныхъ.

16) Постепенное, соотвѣтственно съ положеніемъ отдѣльныхъ производствъ, пониженіе таможеннаго тарифа въ цѣляхъ техническаго подъема промышленности и удешевленія предметовъ массоваго потребленія.

17) Развитіе прямыхъ налоговъ на основаніи прогрессивно-подоходнаго обложенія въ связи съ пониженіемъ косвеннаго обложенія вообще и отмѣной косвенныхъ налоговъ на предметы первой необходимости».

Съѣздъ перешелъ къ обсужденію приведенной программы передъ закрытіемъ вечерняго засѣданія 14 сентября.

Докладчикъ, А. А. Мануйловъ (членъ бюро), объяснилъ, что бюро не предлагаетъ немедленнаго принятія программы. Хотя на ея составленіе и выясненіе экономическихъ, въ частности аграр-

ныхъ, вопросовъ потрачено органомъ съѣзда не мало времени и труда, но было бы ошибочно признать, что всѣ тезисы однаково безспорны и что предлагаемые отвѣты на экономическія проблеммы являются дѣйствительно тѣмъ, что охватываетъ вопросы и можетъ объединить участниковъ съѣзда. Необходимо, чтобы бюро еще продолжало работу. А еще важнѣе положить начало такой работѣ на мѣстахъ—въ мѣстныхъ разнообразныхъ союзахъ, собраніяхъ и т. п. Отправною точкою такихъ работъ желательно, чтобы служила предлагаемая программа. А потому, по мнѣнію бюро, настоящему съѣзду ее надлежитъ разсмотрѣть лишь въ общихъ чертахъ и принять, такъ сказать, въ первомъ чтеніи, т.-е. не отвергать. А. А. Мануйловъ заключилъ рѣчь внесеніемъ отъ лица бюро слѣдующаго проекта резолюціи:

«Съѣздъ, заслушавъ проектъ экономической программы и признавъ, что она можетъ служить точкой отправленія для дальнѣйшей разработки, поручаетъ бюро продолжать начатую работу для представленія ея результатовъ ближайшему съѣзду. Вмѣстѣ съ тѣмъ, съѣздъ постановляетъ разослать проектъ программы на мѣста и обращается къ мѣстнымъ учрежденіямъ и лицамъ съ просьбой подвергнуть ее разсмотрѣнію съ точки зрѣнія какъ общихъ началъ, такъ и особыхъ условій отдѣльныхъ мѣстностей Россіи, и свои соображенія по этому предмету доставить въ бюро съѣзда».

Устраненіе отъ разсмотрѣнія экономическихъ вопросовъ по существу со стороны нѣкоторыхъ членовъ съѣзда вызвало возраженія. Указывалось, что эти вопросы для избирателей-крестьянъ самые больные, самые насущные. Они ждутъ на нихъ отвѣта и оцѣниваютъ значеніе измѣненія государственнаго строя главнымъ образомъ постольку, поскольку оно можетъ удовлетворить земельную нужду. «А какъ на счетъ землицы?»—уже и теперь спрашиваютъ крестьяне. Не сказать имъ ничего—прямо невозможно. Необходимо детально разработать сейчасъ экономическую программу и всю ее включить въ воззваніе. Особенно настойчиво этого требовалъ представитель области войска Донского *С. В. Брыкинъ*.

Большинство, однако, признавая необходимымъ внести въ воззваніе главнѣйшія положенія программы, соглашалось съ бюро, что детальные законченные отвѣты преждевременны. Вмѣстѣ съ

тѣмъ, большинство отмѣчало недостатки программы, даже если смотрѣть на нее съ предлагаемой докладчикомъ точки зрѣнія: въ ней не выдѣлены аграрные вопросы и одни положенія изложены въ самыхъ общихъ чертахъ, другія же затрагиваютъ подробности. Такъ, напримѣръ, въ пунктѣ восьмомъ предусмотрѣно учрежденіе сельско-хозяйственной инспекціи труда, что несомнѣнно представляетъ лишнюю подробность.

Съѣздъ рѣшилъ обсудить программу на слѣдующій день въ предѣлахъ предложенія бюро и затѣмъ опредѣлить, какія положенія подлежатъ включенію въ воззваніе.

Засѣданіе 15 сентября происходило подъ предсѣдательствомъ *графа П. А. Гейдена*.

А. А. Мануйловъ повторилъ сущность представленныхъ наканунѣ объясненій и предложилъ выслушать программу въ новой редакціи, составленной на основаніи замѣчаній членовъ съѣзда.

Новая редакція разбила программу на три отдѣла: аграрный вопросъ, рабочій вопросъ и вопросы финансово-экономической политики. Докладчикомъ выступилъ проф. М. Я. Герценштейнъ (членъ бюро).

«А. Аграрный вопросъ:

1) Увеличеніе площади землепользованія, основанное на началахъ личнаго труда, какъ безземельныхъ и малоземельныхъ, такъ и другихъ разрядовъ мелкихъ хозяевъ земледѣльцевъ, государственными, удѣльными и кабинетскими землями, а въ случаѣ надобности— отчужденіе государствомъ части владѣльческихъ земель съ вознагражденіемъ нынѣшнихъ владѣльцевъ по справедливой оцѣнкѣ.

2) Отмѣна выкупныхъ платежей.

3) Широкая организація государственной помощи для переселенія, разселенія и устройства хозяйственнаго быта поселенцевъ. Реорганизація для этой цѣли крестьянскаго банка.

4) Законодательное урегулированіе арендныхъ отношеній: упроченіе пользованія арендной землей, обезпеченіе правъ арендатора на произведенныя имъ, но не использованныя къ окончанію аренднаго срока затраты на улучшеніе и противодѣйствіе чрезмѣрному повышенію арендныхъ цѣнъ путемъ ихъ урегулированія.

5) Пересмотръ законодательства о наймѣ на сельскія работы съ цѣлью установленія равноправности договаривающихся сторонъ; учрежденіе инспекціи труда на однородныхъ началахъ съ фабричной

инспекціей; распространеніе на сельскихъ рабочихъ фабричнаго (рабочаго) законодательства примѣнительно къ условіямъ земледѣльческой промышленности.

6) Развитіе различныхъ видовъ мелкаго и меліоративнаго кредита и коопераций, въ видахъ подъема благосостоянія сельскаго населенія и улучшенія сельскаго хозяйства.

7) Облегченіе размежеванія земель и обмѣна земельныхъ участковъ.

8) Широкое содѣйствіе подъему сельскаго хозяйства. Установленіе условій, благопріятныхъ для процвѣтанія обществъ, союзовъ и вообще всякаго рода единеній, направленныхъ къ улучшенію земледѣлія.

«Б. Рабочій вопросъ:

Первыя шесть положеній повторяютъ полностью пункты 10—15 первоначальной редакціи (см. выше, пунктъ 13—по редакціи большинства).

7) Организація кредита для ремесленниковъ, содѣйствіе кооперации ремесленнаго труда.

«В. Вопросы финансово-экономической политики:

Первое положеніе повторяетъ пунктъ 17-й первоначальной программы. Второе—пунктъ 16-й.

3) Содѣйствіе развитія производительности народнаго труда; пересмотръ устава о промышленности въ смыслѣ облегченія условій промышленной дѣятельности. Явочный порядокъ открытія промышленныхъ заведеній.

4) Реформа государственнаго банка въ смыслѣ освобожденія отъ опеки министерства финансовъ и приспособленія къ нуждамъ всѣхъ».

А. А. Дураковъ (Вятка) и *П. В. Каменскій* (Екатеринославъ), не входя въ обсужденіе существа программы, поддерживали проектъ резолюціи, внесенный А. А. Мануйловымъ.

Н. В. Кузьминъ (Оренбургъ) отмѣчалъ исключительную важность установленія тезисовъ экономической программы и внесеніе въ воззваніе требованій объ увеличеніи площади крестьянскаго землевладѣнія и объ отмѣнѣ выкупныхъ платежей. Это безусловно необходимо, чтобы было съ чѣмъ вернуться на мѣста къ крестьянамъ.

По мнѣнію *Е. В. де-Роберти* (Тверь), вопросъ разрѣшается

просто: первые два отдѣла новой редакціи программы принять въ первомъ чтеніи и цѣликомъ включить въ воззваніе.

И. И. Поповъ (Иркутскъ) заявилъ, что его, какъ представителя Сибири, ни одно положеніе перваго отдѣла не удовлетворяетъ. Всѣ положенія имѣютъ въ виду условія землевладѣнія и землепользованія въ Европейской Россіи, весьма мало схожія съ сибирскими. Сибирскому крестьянину подобная программа не скажетъ ничего. Необходимо ее дополнить тезисами, вытекающими изъ формъ землепользованія въ Сибири.

На это гр. *П. А. Гейденъ* разъяснилъ и съ нимъ согласилось собраніе, что включать въ подобнаго рода программу отвѣты на спеціальные запросы Сибири, средне-азіатскихъ владѣній, Кавказа и т. п. было бы нецѣлесообразно и неправильно. Съѣздъ для этого не компетентенъ. Спеціальное освѣщеніе можетъ и должно быть сдѣлано только на мѣстахъ, что̀ и предлагаетъ бюро.

Князь Петръ Дм. *Долгоруковъ* (Курскъ) предостерегалъ отъ принятія детальной экономической программы съ конкретно-формулированными требованіями и пожеланіями. Результатомъ ея явятся императивные мандаты отъ крестьянъ-избирателей. Они будутъ ставить условіемъ избранія не проведеніе извѣстнаго принципа въ Думѣ, а обѣщаніе, напримѣръ, отхлопотать въ ихъ пользу данную казенную или помѣщичью землю. Возникнетъ взаимное непониманіе между кандидатомъ и избирателями, а потомъ нареканія, ибо, само собою разумѣется, давать подобныя обѣщанія нельзя.

Ф. А. Брокмиллеръ (Казань) считаетъ всѣ намѣченныя въ программѣ мѣропріятія палліативами. Главная бѣда крестьянъ— не ограниченность площади земельной собственности и не тяжелыя условія аренды, а неурожаи. Самое вѣрное средство разрѣшенія аграрнаго вопроса—организація страхованія отъ неурожаевъ, о чемъ однако программа не говоритъ ни одного слова.

А. М. Александровъ (Екатеринославъ) выразилъ пожеланіе, чтобы въ обсужденіи экономической программы, какъ на мѣстахъ, такъ и на ближайшемъ съѣздѣ, участвовали тѣ, кого она болѣе всего касается—крестьяне.

Предсѣдатель бюро *Ф. А. Головинъ* и другіе объяснили, что привлеченіи крестьянъ въ составъ съѣзда была рѣчь на іюльскомъ совѣщаніи и что это было единогласно тогда принято съ

тѣмъ, чтобы бюро обсудило способъ осуществленія единодушнаго желанія членовъ съѣзда. Но, къ сожалѣнію, изыскать такой способъ нелегко. Бюро попытается принять соотвѣтственныя мѣры для рѣшенія вопроса къ предстоящему созыву съѣзда.

Предсѣдатель поставилъ на баллотировку проектъ резолюціи. Резолюція (см. выше) принята безъ измѣненія.

Пренія перешли къ вопросу: что̀ именно изъ новой программы подлежитъ включенію въ воззваніе къ избирателямъ?

А. А. Мануйловъ предложилъ изъ перваго отдѣла ограничиться включеніемъ двухъ первыхъ положеній: объ увеличеніи площади землепользованія, основанномъ на началахъ личнаго труда, и объ отмѣнѣ выкупныхъ платежей.

М. М. Ковалевскій, признавая вполнѣ цѣлесообразнымъ увеличеніе площади землепользованія земледѣльцевъ на счетъ земель государственныхъ, удѣльныхъ и кабинетскихъ, замѣтилъ, что предложеніе производить отрѣзки отъ частновладѣльческихъ земель требуетъ крайней осторожности при принятіи его безъ оговорокъ. Наша задача уничтожить безграничныя латифундіи, но не всякое частновладѣльческое хозяйство. Отрѣзки отъ громадныхъ имѣній, особенно эксплоатируемыхъ путемъ отдачи въ аренду, никакого переворота въ народномъ хозяйствѣ не произведутъ. Малыя же и среднія имѣнія ими будутъ разорены и уничтожены. Необходимо оговорить въ программѣ и въ воззваніи тотъ десятинный размѣръ частнаго землевладѣнія, выше котораго допустима экспропріація. Г. Ковалевскій, въ видѣ примѣра, полагаетъ возможнымъ установить для Харьковской губ. этотъ размѣръ въ 1000 десятинъ.

Съ другой стороны, М. М. Ковалевскій обратилъ вниманіе на то, что многія изъ государственныхъ земель считаются государственной собственностью неправильно. Напримѣръ—всѣ старозаимочныя земли Слободской Украйны. Рядъ процессовъ доказалъ произвольность захвата ихъ казной. Отыскиваніе правъ на нихъ исковымъ порядкомъ остановлено. Всѣ старозаимочныя земли представляютъ многомилліонную цѣнность. Въ воззваніи слѣдуетъ особо о нихъ упомянуть и сказать, что онѣ подлежатъ возврату собственникамъ.

А. А. Мануйловъ на послѣднее предложеніе возразилъ, что вопросъ о старозаимочныхъ земляхъ есть вопросъ мѣстный, а не

общій. Что касается предѣльнаго масштаба не подлежащей отчужденію частновладѣльческой земли, то опредѣленіе размѣра его можетъ быть сдѣлано только на мѣстахъ.

Князь І. Э. Друцкой-Любецкій (Минскъ) отмѣтилъ, что для разрѣшенія аграрнаго вопроса не меньшее значеніе, чѣмъ увеличеніе площади крестьянскаго землепользованія, имѣетъ переходъ къ подворному владѣнію и къ хуторскому хозяйству.

Князь Волконскій (Рязань) выдвинулъ обратную сторону указанія въ воззваніи на широкое развитіе мѣръ по увеличенію площади крестьянскаго землепользованія. Задача государства—охрана труда въ примѣненіи къ землевладѣнію и земледѣлію. Содѣйствовать же захвату земельной ренты крестьянами правовое государство не можетъ. Между тѣмъ, среди крестьянъ популярностью пользуется именно та мысль, чтобы земля казенная и помѣщичья перешла къ нимъ на тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ она теперь принадлежитъ казнѣ и помѣщикамъ. Это будетъ простое перемѣщеніе ренты изъ однѣхъ рукъ въ другія. Недопустимость такого вывода должна быть особенно ярко выражена въ воззваніи.

М. Я. Герценштейнъ возражалъ М. М. Ковалевскому. Тысяча десятинъ земли въ Харьковской губ. составляетъ цѣнность въ триста тысячъ рублей. Такое имѣніе ближе къ латифундіи, нежели къ тому хозяйству, которое предлагается государству принять подъ охрану. Вѣрно, что было бы несправедливо примѣнять систему отрѣзокъ ко всѣмъ частновладѣльческимъ землямъ, но основывать ограниченіе только на десятинной нормѣ нельзя. Нѣтъ причинъ охранять землю, хотя бы въ небольшомъ числѣ десятинъ, если она, напр., вся или въ нѣкоторой части сдается въ аренду. Возбужденный вопросъ былъ предметомъ сужденія весной, на аграрномъ съѣздѣ, и тогда была признана невозможность безоговорочной экспропріаціи частновладѣльческихъ земель для увеличенія площади крестьянскаго землепользованія. Но какъ формулировать оговорку—передъ этимъ пришлось остановиться. Установить одну формулу для всѣхъ мѣстностей нѣтъ возможности. Въ настоящее время въ воззваніи нужно лишь признать принципъ выкупа частновладѣльческихъ земель. Признаніе же принципа не исключаетъ послѣдующаго установленія условій его осуществленія.

Е. В. де-Роберти указалъ, что принципа права государства распоряжаться частной землей и устанавливать не нужно: онъ у

насъ установленъ и широко примѣняется въ жизни, въ формѣ экспропріаціи и даже конфискаціи. Все дѣло въ томъ, что отнынѣ вся земля страны должна стать собственностью не государства, а народа.

Князь М. Р. Долгоруковъ (Тула) потребовалъ включенія въ воззваніе четвертаго положенія программы объ урегулированіи арендныхъ отношеній. Главная бѣда въ непомѣрномъ ростѣ арендныхъ цѣнъ, которыя дошли до того предѣла, когда обработка земли не окупаетъ расходовъ.

На это возражали *П. Н. Милюковъ* и *В. Д. Кузьминъ-Караваевъ,* преимущественно съ точки зрѣнія архитектуры воззванія. Развитіе въ немъ положеній экономическихъ можетъ задавить содержаніе по другимъ вопросамъ. Арендный вопросъ, при всемъ его значеніи, все-таки частность; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ одинаково важенъ вопросъ переселенческій.

Ф. И. Родичевъ (Тверь) тоже противъ загроможденія воззванія подробностями, хотя бы ихъ и желали встрѣтить въ немъ избиратели. Достаточно сказать, что мы считаемъ необходимыми широкія и планомѣрныя заботы объ устраненіи земельной тѣсноты.

При баллотировкѣ съѣздъ большинствомъ голосовъ рѣшилъ внести въ воззваніе изъ перваго отдѣла программы первое, второе и четвертое положенія.

По рабочему вопросу и по вопросамъ финансово-экономической политики, согласно предложенію бюро, безъ преній рѣшено въ воззваніи сказать, что съѣздъ ставитъ на своей платформѣ:

«Улучшеніе условій жизни и работы трудящагося населенія во всѣхъ отрасляхъ народнаго хозяйства, путемъ широкаго развитія рабочаго законодательства и предоставленія рабочимъ всѣхъ необходимыхъ средствъ мирной защиты своихъ интересовъ (право стачекъ, свобода союзовъ и проч.)».

«Коренное измѣненіе существующей системы обложенія въ цѣляхъ справедливаго распредѣленія налоговой тягости».

Ф. А. Брокмиллеръ просилъ подвергнуть голосованію его предложеніе объ указаніи въ воззваніи на государственное страхованіе отъ неурожаевъ, какъ на одно изъ основныхъ экономическихъ мѣропріятій.

Послѣ разъясненій *М. Я. Герценштейна* и *гр. П. А. Гейдена,* выяснившихъ отсутствіе научныхъ данныхъ для проведенія въ жизнь идеи страхованія отъ неурожаевъ, съѣздъ предложеніе отклонилъ.

Послѣ принятія рѣшенія по экономическимъ вопросамъ съѣзду оставалось еще обсудить послѣднюю программу: «Судъ. Крестьянскій вопросъ. Мѣстное самоуправленіе. Народное образованіе». Бюро проектировало принятіе слѣдующихъ тезисовъ:

«1. Необходимо установленіе независимаго суда, равнаго для всѣхъ. Судъ присяжныхъ долженъ получить систематическое и широкое примѣненіе въ цѣломъ рядѣ дѣлъ, которыя теперь рѣшаются безъ его содѣйствія (преступленія противъ порядка управленія, преступленія по должности, проступки по дѣламъ печати и т. д.).

«2. Необходимо изданіе закона, который облегчалъ бы привлеченіе къ гражданской и уголовной отвѣтственности должностныхъ лицъ за нарушеніе закона и обезпечивалъ бы практическое осуществленіе началъ законности въ управленіи.

«3. Независимо отъ осуществленія общихъ правъ личности, необходимо немедленное и скорѣйшее уничтоженіе обособленнаго и приниженнаго положенія крестьянства, освобожденіе его отъ административной опеки и огражденіе его правильной формой суда.

«4. Необходимо преобразовать земское и городское самоуправленіе, призвавъ къ участію въ немъ все населеніе и приблизивъ къ нему самыя учрежденія путемъ созданія мелкихъ самоуправляющихся единицъ, съ тѣмъ, чтобы кругъ вѣдомства органовъ мѣстнаго самоуправленія быль значительно расширенъ, обнимая собой всю область мѣстныхъ интересовъ и пользъ. Земскія и городскія учрежденія должны быть вполнѣ самостоятельны, обладая распорядительной и исполнительной властью.

«5. Вопросы народнаго просвѣщенія должны быть выдвинуты впередъ въ правительственной политикѣ, которой необходимо совершенно измѣнить свое отношеніе къ интересамъ и задачамъ образованія.

«Въ частности необходимо:

а) введеніе всеобщаго безплатнаго начальнаго образованія, съ расширеніемъ и поднятіемъ курса начальной школы, которая всецѣло должна быть передана органамъ мѣстнаго самоуправленія; развитіе всѣхъ видовъ и средствъ дополнительнаго и внѣшкольнаго образованія;

б) увеличеніе числа среднихъ учебныхъ заведеній въ мѣру общественной потребности; пересмотръ программъ средней шко-

и положенія о ней; близкое участіе органовъ мѣстнаго самоуправленія и общества въ завѣдываніи средней школой; возможная свобода въ программѣ средней школы и въ постановкѣ въ ней учебнаго дѣла;

в) установленіе прямой связи между различными ступенями школъ всѣхъ разрядовъ для облегченія перехода отъ низшей ступени до высшей;

г) автономія университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній; доступъ въ нихъ женщинамъ на одинаковомъ основаніи съ мужчинами; свобода академическаго преподаванія; увеличеніе числа высшихъ учебныхъ заведеній;

д) развитіе техническаго и профессіональнаго образованія;

е) свобода общественной и частной иниціативы въ дѣлѣ просвѣщенія».

Докладчикъ *В. Е. Якушкинъ* предложилъ остановить вниманіе лишь на вопросахъ народнаго просвѣщенія, такъ какъ остальные тезисы представляютъ собою развитіе тѣхъ положеній, которыя приняты уже съѣздомъ при обсужденіи программъ общей политической и о децентрализаціи управленія.

Возраженій по существу никѣмъ заявлено не было. Непродолжительныя пренія касались вопроса, не слишкомъ ли разрастется воззваніе опять въ ущербъ содержанію по другимъ частямъ, если въ него полностью включить всѣ положенія о народномъ образованіи.

Большинствомъ голосовъ было рѣшено предоставить бюро, при окончательномъ редактированіи текста воззванія, внести тѣ изъ положеній, которыя имѣютъ наиболѣе общее и принципіальное значеніе.

Согласно предложенію одного изъ членовъ съѣзда, признано необходимымъ упомянуть въ воззваніи объ амнистіи всѣхъ пострадавшихъ за политическія и религіозныя убѣжденія.

П. Н. Милюковъ прочелъ текстъ воззванія въ новой редакціи, сохранившей лишь въ немногихъ частяхъ первоначальный проектъ, который былъ прочитанъ 12 сентября. Собраніе при апплодисментахъ одобрило и приняло оглашенный текстъ.

А. И. Гучковъ съ чувствомъ особаго удовлетворенія отмѣтилъ, что воззваніе обходитъ молчаніемъ принятыя большинствомъ рѣшенія объ автономіи окраинъ и о децентрализаціи законода-

тельства. При такой редакціи раскола между нами не произойдетъ, и мы всѣ можемъ присоединиться въ воззванію.

Предсѣдатель собранія огласилъ адресы гг. Федорова и Набокова (въ Петербургѣ), куда надлежитъ направлять запросы по предметамъ, порученнымъ вѣдѣнію центральнаго консультаціоннаго комитета.

Ф. А. Головинъ обратился къ членамъ съѣзда съ просьбою оказать содѣйствіе на мѣстахъ дѣлу помощи населенію, пострадавшему въ нынѣшнемъ году отъ неурожая, черезъ посредство общеземской организаціи.

Затѣмъ были прочитаны и приняты телеграммы на имя отсутствующихъ членовъ съѣзда: г. Ярошенко (Одесса), подвергшагося высылкѣ въ административномъ порядкѣ, и Н. Н. Львова (Саратовъ), пострадавшаго отъ насилій въ г. Балашовѣ.

Во время чтенія телеграммъ представитель московскаго генералъ-губернатора г. Воронинъ заявилъ протестъ, мотивируя его тѣмъ, что обсужденіе и посылка этихъ телеграммъ не входятъ въ программу занятій съѣзда.

Съѣздъ вторично выразилъ признательность Ю. А. Новосильцеву, предоставившему помѣщеніе для засѣданій, и привѣтствовалъ своихъ новыхъ сочленовъ, видныхъ ученыхъ и общественныхъ дѣятелей—П. Н. Милюкова и М. М. Ковалевскаго.

Въ $6^1/_2$ час. вечера графъ П. А. Гейденъ объявилъ съѣздъ закрытымъ.

Воззваніе къ избирателямъ отъ съѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей.

«Въ теченіе послѣднихъ десяти мѣсяцевъ съѣздъ городскихъ и земскихъ дѣятелей выработалъ свою программу, какъ опредѣленной общественно-политической группы. Программа эта не партійная, а настолько общая, что она могла объединить около себя дѣятелей, которые на отдѣльные вопросы смотрятъ различно, но одинаково стремятся къ дѣйствительному устраненію главнаго зла русской жизни, чиновничьяго всемогущества, путемъ введенія правильнаго народнаго представительства и признанія государ-

ствомъ правъ человѣка и гражданина. Въ настоящее время, благодаря изданію закона 6 августа, къ прежнимъ способамъ выраженія общественнаго мнѣнія прибавился новый. Россія стоитъ наканунѣ выборовъ въ Государственную Думу, и вопросъ о томъ, какъ воспользоваться этимъ средствомъ, становится самымъ насущнымъ и очереднымъ вопросомъ.

По существу дѣла законъ 6 августа не далъ ничего, что̀ могло бы дѣйствительно устранить недостатки нашего теперешняго строя и вывести Россію изъ тяжелаго положенія, въ какомъ она находится. Онъ не сдѣлалъ ничего, что̀ могло бы успокоить страну и направить ея силы къ полезной созидательной работѣ. Вмѣсто того, чтобы дать всему населенію выбрать своихъ представителей въ Государственную Думу, онъ призвалъ къ выборамъ, съ одной стороны, лицъ съ извѣстнымъ имущественнымъ достаткомъ и опредѣлилъ размѣры его очень высоко; съ другой стороны — по отношенію къ выборамъ отъ крестьянъ законъ установилъ сложный порядокъ и, собственно, далъ право выборовъ не крестьянамъ, а волостному сходу. Вмѣсто того, чтобы привлечь избирателей къ общимъ выборамъ, законъ раздѣлилъ ихъ на разряды отчасти по интересамъ, отчасти по сословнымъ признакамъ. Вмѣсто того, наконецъ, чтобы поставить народнаго представителя въ возможно близкія отношенія къ его избирателямъ, законъ опредѣлилъ для разныхъ разрядовъ избирателей выборы двухстепенные, трехстепенные и даже четырехстепенные. По всѣмъ этимъ причинамъ число избирателей будетъ считаться сотнями и тысячами въ такой странѣ, какъ Россія, гдѣ они должны считаться милліонами.

Совершенно неправильно поставивъ выборы, законъ такъ же неправильно опредѣлилъ права и обязанности Государственной Думы. Онъ не предоставилъ ей рѣшающаго голоса въ законодательствѣ. Дума можетъ обсуждать переданный въ нее проектъ закона, можетъ внести въ него важныя измѣненія, можетъ совсѣмъ отвергнуть его, но проектъ все-таки пойдетъ дальше, на разсмотрѣніе въ Государственномъ Совѣтѣ, и въ концѣ концовъ можетъ быть изданъ законъ, который Дума признала ненужнымъ или вреднымъ. Сама Дума можетъ предложить новый законъ, но разработка и движеніе ея предположеній зависятъ отъ усмотрѣнія министровъ. Такимъ образомъ, и послѣ учре-

жденія Государственной Думы составленіе и проведеніе законовъ попрежнему останется въ рукахъ чиновниковъ, какъ это было и раньше.

Дума разсматриваетъ проектъ государственной смѣты, но, какъ и относительно проектовъ законовъ, у нея нѣтъ рѣшающаго голоса, да къ тому же еще очень важные вопросы финансоваго характера могутъ вовсе миновать Думу.

Дума не имѣетъ права контроля министровъ: ей предоставлено только на извѣстныхъ — очень ограничительныхъ — условіяхъ просить министра о разъясненіяхъ, при чемъ министръ можетъ отвѣтить очень нескоро, а можетъ и совсѣмъ не отвѣтить.

Законъ о Государственной Думѣ совершенно обошелъ вопросъ о свободѣ слова и печати, о свободѣ сходокъ, собраній, союзовъ, о правахъ личности, а между тѣмъ, безъ строгаго обезпеченія этихъ свободъ и правъ, — какіе возможны правильные выборы и возможна ли вполнѣ правильная цѣлесообразная дѣятельность народнаго представительства?

Не давъ никакихъ обезпеченій политической свободы, реформа 6 августа не приняла также никакихъ мѣръ для возстановленія правъ лицъ, которыя пострадали за такъ называемыя государственныя преступленія по суду или безъ суда,—мѣра безусловно необходимая, хотя бы даже и при такомъ измѣненіи государственнаго строя, какое произведено учрежденіемъ Государственной Думы.

При такомъ характерѣ Государственной Думы участіе въ предстоящихъ выборахъ является тяжелой обязанностью, и только сознаніе гражданскаго долга заставляетъ участвовать въ выборахъ съ цѣлью добиваться скорѣйшаго измѣненія всѣхъ указанныхъ неправильностей.

Первая и главная задача Государственной Думы и должна, по мнѣнію съѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей, состоять въ томъ, чтобы выставить и провести необходимость преобразованія самой Государственной Думы. Для достиженія этой цѣли необходимо, чтобы избиратели высказались черезъ своихъ выборщиковъ за такихъ кандидатовъ въ члены Государственной Думы, которые бы имѣли, прежде всего, въ виду дальнѣйшее усовершенствованіе самой Думы и сумѣли бы отстаивать правильныя основанія этого усовершенствованія.

Конечно, велики и другія нужды и потребности Россіи, помимо только-что указанныхъ. Съѣздъ городскихъ и земскихъ дѣятелей старался выяснить осуществимыя мѣры для ихъ удовлетворенія.

Прежде всего съѣздъ призналъ настоятельно необходимымъ увеличеніе площади землепользованія, основаннаго на началахъ личнаго труда какъ безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ, такъ и другихъ разрядовъ мелкихъ хозяевъ-земледѣльцевъ, государственными, удѣльными и кабинетскими землями, а въ случаѣ надобности — отчужденіе государствомъ части частновладѣльческихъ земель, съ вознагражденіемъ нынѣшнихъ владѣльцевъ по справедливой оцѣнкѣ. Далѣе съѣздъ стоитъ за отмѣну выкупныхъ платежей и за законодательное урегулированіе арендныхъ отношеній путемъ упроченія пользованія арендованной землей, обезпеченія правъ арендатора на произведенныя имъ, но не использованныя къ окончанію арендного срока затраты на улучшеніе, и путемъ противодѣйствія чрезмѣрному повышенію арендныхъ цѣнъ посредствомъ ихъ урегулированія.

Съѣздъ признаетъ также необходимымъ улучшеніе условій жизни и работы трудящагося населенія во всѣхъ отрасляхъ народнаго хозяйства путемъ широкаго развитія рабочаго законодательства, сокращенія рабочаго дня и предоставленія рабочимъ всѣхъ необходимыхъ средствъ мирной защиты своихъ интересовъ (права стачекъ, свободы союзовъ и пр.).

По отношенію къ финансамъ Россіи съѣздъ стоитъ за коренное измѣненіе существующей системы обложенія въ цѣляхъ справедливаго распредѣленія налоговой тягости.

Затѣмъ съѣздъ признаетъ необходимымъ скорѣйшее и полное уравненіе крестьянъ въ правахъ съ другими гражданами; онъ рѣшительно стоитъ за уничтоженіе всякихъ ограниченій въ правахъ личности по религіознымъ или національнымъ основаніямъ.

Съѣздъ выдвигаетъ также вопросъ о правильной постановкѣ независимаго суда, о преобразованіи и повсемѣстномъ распространеніи самоуправленіи такъ, чтобы мѣстныя дѣла рѣшались выборными мѣстными людьми.

Не менѣе важна, по мнѣнію съѣзда, самая широкая постановка вопроса о народномъ образованіи. Необходимо введеніе всеобщаго безплатнаго начальнаго обученія; начальная школа

должна быть передана въ завѣдываніе мѣстнаго самоуправленія. Количество среднихъ учебныхъ заведеній должно быть увеличено соотвѣтственно общественной потребности; мѣстное самоуправленіе и общество должны принять близкое участіе въ ихъ завѣдываніи. Университетъ и другія высшія учебныя заведенія должны получить полное самоуправленіе и свободу преподаванія; женщины должны быть допущены въ нихъ наравнѣ съ мужчинами. Наконецъ, между различными ступенями школъ всѣхъ разрядовъ должна быть установлена прямая связь для облегченія перехода отъ низшей ступени до высшей.

Но при всей важности и настоятельности всѣхъ перечисленныхъ задачъ съѣздъ убѣжденъ, что полнаго и цѣлесообразнаго разрѣшенія ихъ, какъ и удовлетворенія другихъ нуждъ страны, возможно добиться только тогда, когда создастся правильное народное представительство. А для того, чтобы добиться этой цѣли, нужно, чтобы какъ можно большее число представителей, посланныхъ въ Думу, безъ различія оттѣнковъ во взглядахъ на всѣ другіе вопросы, сошлись и согласились на одинаковомъ пониманіи первой и главной задачи—политической реформы Думы и обезпеченія основныхъ правъ гражданина. Такимъ образомъ, не отказываясь отъ преслѣдованія всѣхъ тѣхъ цѣлей, которыя намѣчены въ программныхъ постановленіяхъ съѣздовъ — на предстоящихъ выборахъ съѣздъ призываетъ всѣхъ избирателей объединиться около слѣдующей краткой и опредѣленной избирательной программы:

1) Обезпеченіе правъ личности, свобода слова и печати, свобода сходокъ, собраній, союзовъ.

2) Установленіе выборовъ на основѣ всеобщаго избирательнаго права.

3) Рѣшающій голосъ Думы въ законодательствѣ и право дѣйствительнаго контроля надъ бюджетомъ и администраціей.

Только скорѣйшимъ осуществленіемъ этихъ первыхъ насущныхъ задачъ можно успокоить страну, вывести ее изъ теперешняго ея тяжелаго положенія, направить всѣ ея силы къ дѣйствительному обновленію и широкому развитію нашей жизни, обезпечить правильное и цѣлесообразное удовлетвореніе нуждъ и потребностей народа.

Мы призываемъ, поэтому, всѣхъ избирателей, сознающихъ исключительную важность настоящаго положенія, соединиться для достиженія ближайшей цѣли, откинувъ всѣ споры и разногласія по вопросамъ, рѣшать которые придется только впослѣдствіи».

Отчетъ о засѣданіяхъ съѣзда.
«Русь» 1905 г., №№ 220, 221,
223, 225, 226.

Непрошенный примиритель.

Освободительное движенiе, въ связи съ совершающимися событiями, привлекло естественно въ Россiю массу иностранныхъ журналистовъ.

Въ невѣдомой странѣ морозовъ, медвѣдей и клюквы проснулся человѣкъ и заговорилъ о себѣ, о своихъ правахъ и требованiяхъ. Заговорилъ громко — мѣстами закричалъ. Власть, считавшая его послушнымъ рабомъ и безгласнымъ объектомъ начальственныхъ мѣропрiятiй, заглушить его голосъ оказалась не въ силахъ. Этотъ человѣкъ вынудилъ ее стать на иной, новый путь, съ котораго вдали виднѣется свѣтъ свободы, равенства, права и правды. Какъ было не заинтересоваться Европѣ и Америкѣ Россiей!

Вмѣстѣ съ пробужденiемъ общественнаго сознанiя раздались выстрѣлы, взрывы. Возгорѣлась нацiональная вражда. Стачки во всѣхъ областяхъ приложенiя труда сдѣлались явленiемъ хроническимъ. Земледѣлецъ поднялся противъ землевладѣльца. Вездѣ каары, забастовки, разгромы и... усмиренiя съ потоками крови. кестранная толпа, жадная до всего необычнаго, особенно жекаго, не могла не потребовать отъ своей прессы, чтобы та вала ей точныя и подробныя свѣдѣнiя о происходящемъ...

Позже другихъ журналистовъ прiѣхалъ англичанинъ Стэдъ, о это не помѣшало ему сразу занять исключительное, сравнигельно съ другими, положенiе.

Онъ пріѣхалъ, какъ знатокъ и другъ Россіи, знающій ее тридцать лѣтъ, не понимая, впрочемъ, ни одного слова по-русски. Онъ шумно заявилъ о себѣ. Онъ сталъ являться всюду не для того, чтобы слушать, а чтобы говорить и убѣждать. Въ газетахъ стали печатать интервью съ нимъ русскихъ публицистовъ и сообщенія о бесѣдахъ его съ высокопоставленными особами, или о томъ, на что ему удалось получить разрѣшеніе.

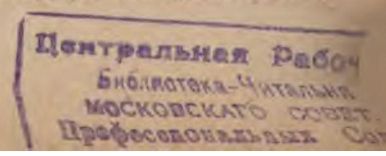
Иностранный журналистъ не только фотографическій аппаратъ. Дѣлать снимки составляетъ лишь его непосредственную задачу. Посредственно же, направляя общественное мнѣніе своего отечества, онъ несомнѣнно, при трудно уловимомъ, но реально существующемъ, идейномъ взаимоотношеніи между всѣми культурными народами, можетъ оказывать воздѣйствіе на ту страну, которую пріѣхалъ наблюдать, и на то общество, среди котораго пріѣхалъ дѣлать свои снимки,

Но Стэда не эта цѣль заставила прибыть въ Россію, жить болѣе мѣсяца въ Петербургѣ, поѣхать на земскій съѣздъ въ Москву, оттуда отправиться въ Саратовъ, Орелъ и т. д. для устройства съ дозволенія начальства митинговъ и собесѣдованій. Его миссія — помирить русскую власть съ русскимъ обществомъ и общество съ властью. Такъ говоритъ онъ самъ. Такъ говорятъ его поклонники.

Русское общество и высшіе представители нашей власти—малыя дѣти, поссорившіяся и изъ упрямства не желающія мириться. Вторые, не понимая общества, смотрятъ на него, какъ на серьезныхъ и опасныхъ враговъ. Первое же, которое прежде дѣйствительно было обижаемо вторыми, упорствуетъ и теперь, когда ему обѣщали, что больше обижать не будутъ.

Надо обѣ стороны успокоить. А для этого, прежде всего, разъяснить русскому обществу, во-первыхъ, что оно само не знаетъ, чего хочетъ, а во-вторыхъ, что оно не умѣетъ читать по-русски.

Стэдъ прочелъ въ англійскомъ переводѣ актъ 6 августа и увѣряетъ насъ, что мы, прочитавшіе его въ русскомъ изложеніи, не поняли всей тонкости заложенной въ него мысли. Что въ томъ, что избирательная система неудовлетворительна: шестьсотъ лѣтъ назадъ въ Англіи производились выборы еще по худшей системѣ. Что въ томъ, что надъ народнымъ представитель-

ствомъ поставленъ бюрократическій органъ: англійская палата лордовъ хуже русскаго государственнаго совѣта.

И это, не краснѣя, говоритъ г. Стэдъ русскимъ образованнымъ людямъ. Онъ не стыдится приводить подобныя сопоставленія передъ людьми науки, не хуже его знающими англійскій государственный строй и ходъ міровой исторіи. Если г. Стэдъ искрененъ, то сколько въ немъ высокомѣрія, надменности и смѣлости, чтобы не сказать больше! Мы для него невѣжды-дикари, папуасы. Мы должны ему вѣрить, какъ дѣти взрослому человѣку. Онъ такъ на насъ и смотритъ. Дѣтей можно и обмануть порой, только бы они не ссорились...

Г. Стэдъ согласенъ, что русскому человѣку дорога личная неприкосновенность, что ему нужна свобода мысли, слова, собраній. «Вы это и получите», утѣшаетъ онъ. Въ доказательство приводится мало удачное сравненіе Думы съ туловищемъ лошади, которому необходимы четыре ноги. Еще приводятся разсказы, какъ любезно и внимательно принимали г. Стэда высокія особы, какъ предупредительно давались ему разныя разрѣшенія и исполнялись его просьбы. Такъ и слышится: «вы все получите, потому что это мнѣ, Стэду, обѣщано».

«Пообѣщайте и вы мнѣ не ссориться и помириться». Этого г. Стэдъ не договариваетъ, но это чувствуетъ каждый слышавшій его въ большомъ обществѣ.

Русскіе люди рѣшили въ Думу идти. Земскій съѣздъ единодушно отвергъ «бойкотъ». Но не ваши, г. Стэдъ, шуточки, намеки и утѣшенія, не ваши свиданія съ одними и бесѣды съ другими насъ на то склонили. Русскіе люди имѣютъ свои для того глубокія основанія.

Вы гордитесь услугами, оказанными Россіи. Вы, говорятъ, двадцать лѣтъ назадъ своимъ талантомъ и вліяніемъ закрыли отъ глазъ Европы ужасы разгоравшейся у насъ реакціи. Если правда, спасибо вамъ за то, что вы поддержали реакцію и, замедливши естественный ходъ прогресса, обострили нашъ нынѣшній кризисъ. Въ настоящую минуту вамъ это не удастся...

Для русскихъ актъ 6 августа важенъ потому, что раньше у насъ были только политическіе преступники, теперь въ недалекомъ будущемъ будутъ политическіе дѣятели. Неправильна система выборовъ, ненормальная и искусственная роль дана на-

родному представительству. Пусть такъ! Но хоть часть русскихъ гражданъ получила возможность, не совершая государственнаго преступленія, вкладывать свои силы, знанія, свою энергію въ дѣло направленія государственно-правовой жизни. Раскрылась возможность полученія страной благъ, безъ которыхъ «такъ дальше жить нельзя».

Не на миръ идетъ общество въ Думу, а на трудную, тяжелую борьбу, которая можетъ дать обновленіе Россіи.

И это «можетъ» насъ одушевляетъ. Мы не избалованы, чтобы отвергать возможность и настаивать на условіяхъ увѣренности...

Г. Стэдъ любитъ при первомъ знакомствѣ спрашивать: уѣхать ему изъ Россіи или остаться, т.-е. приноситъ пользу его пребываніе или нѣтъ?

Поскольку онъ стремится воздѣйствовать на русское общество, онъ безвреденъ. Пока онъ вновѣ, его слушаютъ, но скоро перестанутъ. Онъ надоѣстъ и станетъ смѣшонъ.

Если же онъ тѣми же пріемами старается воздѣйствовать на представителей власти, то пусть лучше уѣзжаетъ. Тамъ менѣе развитъ критицизмъ...

«Русь» 18 сентября 1905 г.,
№ 223.

Расчлененіе единой Россіи.

I.

Сентябрьскій съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей въ Москвѣ рѣшилъ Россію «расчленить», «раздѣлить», «разодрать».

Одинъ А. И. Гучковъ протестовалъ противъ разрушенія цѣлости и единства отечества. Его никто не поддержалъ. Къ нему никто не присоединился.

Такъ написали и продолжаютъ писать. Такъ говорятъ всюду и вездѣ. Уже успѣли образоваться политическія группы, принявшія главной задачей борьбу съ участниками съѣзда во имя охраненія государственнаго единства. Кое-гдѣ уѣздныя земскія собранія торжественно объявили свою несолидарность съ съѣздомъ.

И какъ этотъ отзвукъ далекъ отъ дѣйствительности!

Меньше мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ, когда газеты печатали подробные отчеты о происходившемъ въ Москвѣ. А въ памяти общества они уже стерлись. Рѣчи ораторовъ смѣшались съ резолюціями. Сохранилось одно впечатлѣніе яркихъ словъ, чуждыхъ для русскаго уха понятій: «автономія» и «федерація».

Приходится возстановить истину.

По вопросу объ автономіи вообще резолюція съѣзда въ оффиціальной редакціи секретаріата гласитъ буквально слѣдующее:

«Имѣя въ виду, что образованіе мѣстныхъ представительныхъ собраній, обладающихъ правомъ участія въ осуществленіи законо-

дательной власти по извѣстнымъ предметамъ, является потребностью нѣкоторыхъ частей Имперіи, съѣздъ признаетъ, что *послѣ* установленія правъ гражданской свободы и правильнаго народнаго представительства съ конституціонными правами для всей Имперіи, долженъ быть открытъ законный путь для установленія мѣстной автономіи по мѣрѣ выясненія потребности въ ней мѣстнаго населенія и естественныхъ границъ автономныхъ областей».

По польскому вопросу, въ частности, согласно той же редакціи, съѣздомъ принято:

«Съѣздъ, имѣя въ виду, что Царство Польское въ большей своей части представляетъ собой совершенно однородное въ національномъ и культурномъ отношеніи и рѣзко обособленное отъ остальныхъ частей Имперіи цѣлое, признаетъ необходимымъ, немедленно по установленіи общеимперскаго демократическаго народнаго представительства съ конституціонными правами, выдѣленіе Царства Польскаго въ особую автономную единицу съ сеймомъ, избираемымъ на основаніи всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія, при условіи сохраненіи государственнаго единства Имперіи и установленія возможности исправленія границъ между Царствомъ Польскимъ и сосѣдними губерніями, по обоюдному соглашенію, какъ въ ту, такъ и въ другую сторону, въ соотвѣтствіи съ племеннымъ составомъ и желаніями мѣстнаго населенія; при этомъ въ Царствѣ Польскомъ должны дѣйствовать общеимперскія гарантіи гражданской свободы и права національностей на культурное самоопредѣленіе и должны быть обезпечены права меньшинства».

Сопоставленіе обѣихъ резолюцій, во-первыхъ, и принятіе особой резолюціи по польскому вопросу, во-вторыхъ, съ несомнѣнностью показываютъ, что, по мысли большинства членовъ съѣзда, въ настоящій моментъ можно трактовать въ конкретныхъ признакахъ лишь автономію Царства Польскаго, т.-е. десяти губерній, образующихъ, по терминологіи дѣйствующаго закона, Привислинскій край. Выдѣленіе «Царства Польскаго въ особую автономную единицу» признано «*необходимымъ* немедленно по установленіи общеимперскаго демократическаго народнаго представительства съ конституціонными правами».

Для автономіи же иныхъ «нѣкоторыхъ» частей Имперіи «послѣ

установленія правъ гражданской свободы и правильнаго народнаго представительства» *„долженъ быть открытъ законный путь"*.

Итакъ, что рѣшено съѣздомъ по вопросу объ автономіи вообще въ смыслѣ государственной системы?

Рѣшенія не принято никакого. Признаніе, что по наступленіи извѣстнаго момента «долженъ быть открытъ законный путь для установленія мѣстной автономіи», есть формулировка вопроса, а не его рѣшеніе.

Когда общеимперское народное представительство съ конституціонными правами и на демократическихъ началахъ станетъ совершившимся фактомъ, Царство Польское будетъ подлежать, по точному смыслу второй резолюціи, немедленному выдѣленію въ автономную единицу. Принявшіе резолюцію (большинство всѣхъ противъ одного, при одномъ воздержавшемся) взяли на себя нравственное обязательство этого добиваться и требовать. Большее же, что лежитъ на совѣсти голосовавшихъ за первую резолюцію (78 противъ 37)—требовать тогда же, т.-е. въ опредѣленный будущій моментъ, чтобы вопросъ объ автономіи для другихъ мѣстностей былъ поставленъ на обсужденіе съ цѣлью опредѣленія основаній и законныхъ способовъ его разрѣшенія.

Принята ли съѣздомъ, хотя бы въ принципѣ, какъ пожеланіе, идея провинціальной автономіи для всей Имперіи?

Нѣтъ. Она не только не принята, а отвергнута.

Бюро съѣзда предлагало признать, что «образованіе мѣстныхъ представительныхъ собраній, обладающихъ правомъ участія въ осуществленіи законодательной власти по извѣстнымъ предметамъ, является уже нынѣ потребностью нѣкоторыхъ частей Имперіи и въ будущемъ можетъ сдѣлаться потребностью повсемѣстной». Бюро, слѣдовательно, предусматривало, какъ возможность, повсемѣстное возникновеніе потребности автономнаго обособленія. Съѣздъ же слова: «уже нынѣ» и «и въ будущемъ можетъ сдѣлаться потребностью повсемѣстной» — изъ мотивовъ исключилъ. Въ мотивировкѣ съѣзда осталось лишь признаніе образованія мѣстныхъ представительныхъ собраній «потребностью *нѣкоторыхъ* частей Имперіи». Мало того: потребностью, подлежащей выясненію, какъ въ отношеніи территоріальныхъ границъ этихъ «нѣкоторыхъ» частей, такъ и въ отношеніи ея дѣйствительной наличности у мѣстнаго населенія.

И подобное видоизмѣненіе предложенія бюро было отнюдь не случайнымъ. Напротивъ, оно явилось результатомъ самыхъ оживленныхъ дебатовъ, въ которыхъ идея провинціальной автономіи подвергалась всесторонней оцѣнкѣ. Ея защитники настаивали на томъ, что дѣленіе всего государства на автономныя области составляетъ логическое слѣдствіе демократическаго начала, и что потому потребность въ такомъ дѣленіи не нуждается ни въ какомъ выясненіи—ни историческаго прошлаго, ни условій настоящаго: она наступаетъ сама собою, разъ управленіе страной переходитъ къ народу.

Чѣмъ, далѣе, обусловлена прежде всего признанная необходимою автономія Царства Польскаго и допустимою и желательною—автономія «нѣкоторыхъ» другихъ частей Имперіи?

Сохраненіемъ государственнаго единства. Это не включено въ первую резолюцію. Но это стоитъ во второй и тѣмъ самымъ опредѣляетъ отношеніе съѣзда къ главному условію автономнаго мѣстнаго обособленія вообще. Большее покрываетъ меньшее. Если «сохраненіе государственнаго единства Имперіи» есть условіе признанія права на автономію тамъ, гдѣ она необходима, то не имѣетъ смысла отрицать это условіе тамъ, гдѣ она только желательна и допустима.

Ненарушимость государственнаго единства была положена въ основу доклада бюро и составляла господствующую ноту рѣчей всѣхъ ораторовъ безъ исключенія. Самые крайніе федералисты, совершенно одинаково съ централистами, брали за исходное положеніе единство государства въ его нынѣшнихъ предѣлахъ. Порвать цѣпи единства никто не предлагалъ. Споръ шелъ только о томъ, какія цѣпи вѣрнѣе обезпечиваютъ существованіе единой Россіи: цѣпи принужденія и поглощенія частей цѣлымъ или цѣпи духовныя, скованныя изъ нитей сознанія пользы реальной связи.

И нельзя не признать, что возражавшіе централистамъ имѣли въ своемъ распоряженіи доводъ, который трудно оспаривать.

Что дала политика обрусенія и ассимиляціи окраинъ? Послѣ ста лѣтъ русскаго владычества въ Грузіи потребовалось привести войска изъ Кіева и Одессы и начать ея насильственное покореніе. Въ Польшѣ пожаръ не прекращался всѣ сто двадцать лѣтъ. Въ Елисаветполѣ, Шушѣ и Баку татары жгутъ, рѣжутъ и убиваютъ армянъ, армяне — татаръ, и русская власть безсильно

опускаетъ руки. Она устраиваетъ примирительныя процессіи. Съ чувствомъ успокоенія оповѣщая Европу и Азію, что между армянами и татарами заключенъ мирный договоръ, она сама тѣмъ признаетъ, что въ ихъ сознаніи государственнаго единства съ Россіей не существуетъ. Среди далекихъ бурятъ усиливается монгольское культурное вліяніе. Якуты, туркмены, сарты — русскіе только по имени...

А параллельно крѣпнутъ единая Швейцарія, Соединенные Штаты Америки, Германія.

Въ переживаемый моментъ идейной революціи не было бы ничего непонятнаго, если бы съѣздъ, цѣликомъ отдавшись впечатлѣнію бьющаго въ глаза безспорнаго факта, категорично высказался за автономію всѣхъ окраинъ. Заслуживаетъ вниманія обратное: та способность къ спокойному анализу, та осторожность въ выводахъ, которая и на этотъ разъ не покинула участниковъ съѣзда и опредѣленно выразилась въ резолюціяхъ.

II.

Въ докладѣ съѣзду организаціоннаго бюро, среди другихъ предложеній, поступившихъ съ окраинъ и отъ отдѣльныхъ лицъ, приведена схема областной автономіи, основанная на равноправности цѣлаго и частей [1]). Главнымъ регуляторомъ отношеній между цѣлымъ и частью выставлено соглашеніе.

Принятіе такой схемы дѣйствительно означало бы расчлененіе государства, ибо гдѣ нѣтъ правового соподчиненія, тамъ нѣтъ государственнаго единства.

Но ни бюро, ни съѣздъ къ этой схемѣ не присоединились. Принята автономія совершенно иного типа.

Подъ мѣстной автономіей съѣздъ разумѣетъ «образованіе мѣстныхъ представительныхъ собраній, обладающихъ правомъ участія въ осуществленіи законодательной власти по извѣстнымъ предметамъ».

Этотъ типъ никакой угрозы общеимперскому единству въ себѣ не заключаетъ. Онъ чрезвычайно далекъ отъ федеративнаго

---

[1]) Докладъ впервые напечатанъ 9 октября. «Право», № 40.

устройства, необходимо предполагающаго, по справедливому указанію въ докладѣ бюро, существованіе не только мѣстныхъ законодательныхъ собраній, но и независимыхъ отъ центральной власти правительствъ, и въ сущности представляетъ не что иное, какъ расширенное мѣстное самоуправленіе.

Передача имперской властью части законодательныхъ функцій мѣстнымъ самоуправляющимся организаціямъ есть и нынѣ одна изъ основныхъ чертъ нашего земскаго и городского самоуправленія. Разница между закономъ и такъ называемымъ обязательнымъ постановленіемъ не въ различіи содержанія, а внѣшняя, формальная. Именно въ томъ, что обязательное постановленіе издается въ силу закона и въ предѣлахъ, закономъ опредѣленныхъ. Но разъ изданное, оно является такой же объективной нормой, устанавливающей юридическія отношенія, какъ и законъ.

Съ другой стороны, по предметамъ, отведеннымъ ихъ вѣдѣнію, наши земства и города несомнѣнно обладаютъ законодательной властью въ полномъ объемѣ. Даже въ большемъ, нежели парламентъ при конституціонномъ строѣ. Ибо принятіе парламентомъ рѣшенія еще не обращаетъ законопроекта въ законъ — нужна послѣдующая санкція монарха или президента республики. Постановленія же земскаго собранія или городской думы, когда нѣтъ спеціальнаго ограниченія, вступаютъ въ дѣйствіе на основаніи одного факта ихъ принятія.

Такимъ образомъ, принципъ децентрализаціи законодательной власти, самъ по себѣ взятый, еще ничего не говоритъ и отнюдь не знаменуетъ нарушенія единства и цѣлости государства. Весь вопросъ въ разграниченіи предметовъ вѣдѣнія мѣстнаго и центральнаго представительныхъ собраній и въ способѣ установленія разграниченія.

О послѣднемъ, къ сожалѣнію, въ резолюціяхъ съѣзда прямо не сказано. Но сопоставленіе резолюцій съ докладомъ и предложеніями бюро и подчеркнутое условіе сохраненія государственнаго единства не оставляютъ и тѣни сомнѣнія въ томъ, что право разграниченія, по мысли съѣзда, должно составлять прерогативу центральнаго представительства. Мѣстныя собранія будутъ, слѣдовательно, дѣйствовать на основаніи и въ предѣлахъ общеимперскаго закона. Тому же закону должно принадлежать признаніе наличности потребности въ автономіи мѣстнаго насе-

ленія и установленіе естественныхъ границъ автономныхъ областей, т.-е. разграниченіе территоріальное.

Резолюція, относящаяся къ Польшѣ, основаніемъ исправленія территоріальныхъ границъ, отдѣляющихъ Царство Польское отъ сосѣднихъ губерній, выставляетъ «обоюдное соглашеніе». Едва ли, однако, можно отсюда сдѣлать заключеніе, противное приведенному выводу. Рядъ условій и оговорокъ, включенныхъ въ резолюцію, даетъ полное основаніе полагать, что соглашенію, въ данномъ случаѣ, съѣздъ отводитъ лишь право инициативы для исправленія границъ.

Слова: *по извѣстнымъ предметамъ,* отнесенныя къ объему законодательныхъ полномочій мѣстныхъ представительныхъ собраній, а не центральнаго, съ особенной яркостью выражаютъ сущность воззрѣній съѣзда на автономію. Если бы съѣздъ сказалъ: имѣя въ виду, что образованіе мѣстныхъ представительныхъ собраній, обладающихъ правомъ участія въ осуществленіи законодательной власти «за исключеніемъ извѣстныхъ предметовъ» и т. д., — то такая формула была бы въ автономномъ смыслѣ неизмѣримо шире принятой. Она предполагала бы исчерпывающій перечень предметовъ вѣдѣнія центральнаго представительства, и ея исходнымъ положеніемъ былъ бы принципъ полноты власти автономныхъ областей. Принятая же ясно говоритъ, что за нею долженъ стоять исчерпывающій перечень тѣхъ предметовъ, осуществленіе законодательной власти по которымъ центральное представительство передаетъ мѣстнымъ.

Такая конструкція, независимо даже отъ содержанія перечня, сохраняетъ правовое подчиненіе областей центру. Не области, по добровольному соглашенію между собою, отказываются, въ цѣляхъ объединенія, отъ осуществленія законодательной власти «по извѣстнымъ предметамъ», вручая ее центральному представительству, а единое государство, въ лицѣ его главы и общаго представительнаго учрежденія, передаетъ часть законодательной власти «по извѣстнымъ предметамъ» на мѣста, въ видахъ болѣе плодотворнаго и успѣшнаго удовлетворенія мѣстныхъ интересовъ.

Установить перечень, само собою разумѣется, не входило въ задачу съѣзда. Но въ докладѣ бюро и въ рѣчахъ ораторовъ онъ намѣчался. Намѣчался онъ и ранѣе представителями окраинъ въ разнообразныхъ адресахъ, петиціяхъ и резолюціяхъ.

Его образуютъ: народное здравіе и образованіе, преимущественно низшее и среднее и, отчасти, высшее, мѣстные налоги и сборы, низшій судъ, полиція безопасности, экономическія мѣропріятія, аграрныя отношенія, гражданское право, общій подъемъ культуры, мѣстные пути сообщенія и т. п.

Обратно: внѣшнія международныя сношенія и договоры политическіе и торговые, войско, флотъ и средства обороны, уголовное законодательство, монетная система, почтово-телеграфное дѣло, таможни, высшая юстиція, налоги на общегосударственныя нужды и пр. — составляютъ предметъ вѣдѣнія центральной законодательной власти.

Неужели при такой постановкѣ вопроса объ автономіи можно серьезно утверждать, что съѣздъ рѣшилъ единую Россію «расчленить» и «разодрать»?!

А еще нельзя забывать основного положенія всѣхъ пяти съѣздовъ: вся Россія посылаетъ представителей въ общее представительное учрежденіе на одинаковыхъ началахъ и основаніяхъ.

А. И. Гучковъ говорилъ: пусть поляки, армяне, грузины получатъ всѣ тѣ права и учрежденія, какъ и мы, принадлежащіе къ господствующей нынѣ народности. Пусть окраины управляются такъ же, какъ коренныя русскія губерніи. Мы не хотимъ исключительныхъ привилегій для себя. Какое основаніе создавать ихъ для другихъ?

Но если исторія и политика обрусенія этихъ другихъ обособили? Если Польша представляетъ собою дѣйствительно—можно ли противъ этого спорить? — однородное въ національномъ и культурномъ отношеніи цѣлое, рѣзко отличное отъ Москвы, Костромы и Саратова? Если фактъ создался и окрѣпъ? Если его признаніе и облеченіе въ формы закона ничуть не угрожаетъ цѣлости и единству государства?—Какой смыслъ продолжать ломку жизни, всѣхъ и вся нивеллируя—не произволомъ и насиліемъ, какъ было до сихъ поръ, а нормами равнаго для всѣхъ гуманнаго закона? Развѣ право жить по иному внѣшнему шаблону есть привилегія?

Въ Царствѣ Польскомъ—особенно на это напираютъ—хотятъ возсоздать сеймъ. Границы Царства считаютъ возможнымъ исправить.

Да. Почему не назвать историческимъ терминомъ проектируемое областное представительство? Развѣ старое названіе создастъ

и старое учрежденіе? Въ прошломъ Польши былъ сословный сеймъ самостоятельнаго королевства. Съѣздъ желалъ бы видѣть въ десяти губерніяхъ западной окраины Россіи объединяющій ихъ сеймъ автономной и неразрывно съ Имперіей связанной области, образуемый прямымъ и равнымъ голосованіемъ всего населенія. Чтó общаго съ былымъ строемъ?

Да — и исправленія границъ желали бы. Кто станетъ утверждать, что нынѣшнія границы проведены на картѣ абсолютно вѣрно? Зачѣмъ предполагать, что общеимперское представительство не будетъ стоять на стражѣ интересовъ малороссовъ и литовцевъ, чуждыхъ полякамъ по національности, языку, культурѣ и отчасти вѣроисповѣданію?

Напрасны страхи распаденія («распыленія») Россіи, если войдутъ въ жизнь рѣшенія земскаго съѣзда. Гарантіи ненарушимости единства очень прочны. А теперь, прочны ли онѣ?...

— Но вы сами сознавали, что Россія отвернется отъ васъ и трусливо спрятали голову: въ воззваніи къ избирателямъ о резолюціяхъ по автономному вопросу нѣтъ ни слова.—Такъ упрекаютъ участниковъ съѣзда.

Опять неправда. Мы головы не прятали. Мы говорили громко и открыто. Въ воззваніе же внесли только то, чтó имѣетъ общее значеніе для всѣхъ гражданъ Россіи.

«Русь» 11 и 12 октября 1905 г.,
№№ 243 и 244.

Смертная казнь.

Какой внутренній смыслъ въ правѣ государства наказывать—съ холодной разсудительностью, намѣренно и сознательно причинять людямъ психическія и физическія страданія и мученія? Почему то самое, что воспрещается совершать гражданамъ, государство кладетъ въ основу своихъ дѣйствій? Что имѣемъ мы въ результатѣ тысячелѣтія систематизированныхъ мученій?..

Вопросы роковые. Они неизмѣнно приковываютъ вниманіе человѣческой мысли.

А что дали вѣка ея усиленнаго напряженія? Отвѣта нѣтъ и нѣтъ.

Наказаніе остается такимъ же фактомъ, какимъ было въ далекомъ прошломъ. Его логической необходимости доказать нельзя. Оно неизбѣжно—и въ этомъ единственное оправданіе тюремъ, ссылокъ, отнятія имущества.

Положительное право говоритъ, что неизбѣжно и лишеніе жизни за преступленіе. Еще недавно оно говорило то же о причиненіи физической боли, о наказаніи тѣлесномъ.

Но если мысль современнаго человѣка вынуждена мириться съ уголовными карами вообще, то ничто не можетъ ее примирить съ смертной казнью. Каждый случай закономѣрнаго убійства, совершаемаго государствомъ, въ лицѣ суда и палача, надъ человѣкомъ, сдѣланное которымъ спокойно и безстрастно обсуждается, оцѣнивается и сопоставляется съ закономъ—заставляетъ ее содрогаться.

Самое ужасное въ смертной казни—безповоротность. Человѣкъ уничтожается. Властное государство кончаетъ его существованіе. Ставится точка, послѣ которой ничто никогда не можетъ быть измѣнено...

А если была ошибка? Какое дѣло рукъ человѣческихъ свободно отъ возможности ея? Корабли сожжены. Пути исправленія отрѣзаны...

И ошибки бываютъ какъ фактическія, такъ и юридическія. Сколько примѣровъ знаетъ исторія, когда обнаруживалась невинность окончившаго жизнь на плахѣ или на висѣлицѣ! Почетомъ, бывало, окружали тогда дѣтей и близкихъ казненнаго, имъ давали деньги. Но отца имъ развѣ возвращали? А гражданина обществу? На совѣсти народной навѣки оставался неискупленный тяжкій грѣхъ...

Сколько примѣровъ знаемъ мы, современники, назначенія смертной казни, вслѣдствіе неправильнаго пониманія и толкованія закона. Повѣшены несовершеннолѣтніе Гершковичъ, Васильевъ, Сидорчукъ и десятки другихъ. Приговоренъ явно въ нарушеніе закона Друй.

Средневѣковые инквизиторы пытали судимыхъ, чтобы добиться сознанія и тѣмъ освободить себя отъ угрызеній. И они—безчеловѣчные во имя Богочеловѣка—боялись ошибки и цѣной исторгнутаго раскаленнымъ желѣзомъ, дыбой, свинцомъ и голодомъ сознанія добивались своего успокоенія.

То же дѣлаютъ нынѣшніе китайцы. Несознавшимся они головъ не рубятъ. Но чтобы получить сознаніе, преступниковъ недѣлями, мѣсяцами пытаютъ, постепенно разрушая кожные покровы, ломая кости и обращая тѣло въ сплошную гнойную язву. Китайское право говоритъ преступнику: ты не сознаешься, ты считаешь себя не виноватымъ—живи, цѣной физическихъ страданій ты можешь продлить свое существованіе, пока его не кончитъ не палачъ, а пытка и тюрьма.

Еще ужасно въ смертной казни ея растлѣвающее вліяніе на нравы. Пусть она совершается въ тиши и темнотѣ тюремныхъ стѣнъ. Пусть ее не видитъ падкая до кровавыхъ зрѣлищъ толпа. Но пока она совершается, она будитъ кровожадные инстинкты человѣка-звѣря.

Въ Россіи нѣтъ смертной казни за общеуголовныя преступленія.

Въ Россіи она полагается въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ за преступленія государственныя, карантинныя и по военно-уголовнымъ законамъ въ военное время. Россія опередила Францію, Германію, Англію. Такъ недавно хвастливо писали въ учебникахъ. Такъ говорятъ.

Какая неправда! Какое лицемѣріе! Въ Россіи смертная казнь «можетъ» быть назначена за длинный рядъ преступныхъ посягательствъ—безобразно длинный, какъ нигдѣ въ Европѣ. Правда, не на основаніи уложенія, а въ силу спеціальныхъ, временныхъ или мѣстныхъ, законовъ. Да развѣ это не все равно?

«Можетъ» хуже даже, чѣмъ «должна». На мѣсто общаго велѣнія уголовнаго уложенія поставлены воля и усмотрѣніе генералъ-губернатора, министровъ, командующаго войсками. Не захотѣлъ министръ внутреннихъ дѣлъ — Карповича и Сазонова судили по уложенію и приговорили къ каторгѣ. Захотѣлъ—Балмашевъ, на основаніи положенія объ усиленной охранѣ, былъ повѣшенъ.

Теперь хотятъ, находятъ нужнымъ—и смертные приговоры сыплятся десятками.

Смертная казнь за политическія преступленія особенно тяжела сознанію. Гдѣ преступленіе по политическому побужденію—тамъ идея. Гдѣ одухотворяющая дѣйствіе, хотя бы преступное, идея—тамъ нѣтъ себя отрицающей цѣли, тамъ конфликтъ между цѣлью и средствомъ. Тамъ въ нравственномъ смыслѣ преступно только средство. А карается полностью его обусловившая идея. Карается свободный духъ, не подлежащій внѣшнему воздѣйствію, и виновный въ сознаніи своемъ и одинаково съ нимъ мыслящихъ получаетъ вѣнецъ мученичества.

Другая сторона вопроса: политическія посягательства безконечно условны. Въ эпоху революцій вчерашніе преступники сегодня дѣлаются правящей властью и наоборотъ. Сколько погибшихъ подъ ножемъ гильотины черезъ недѣлю, мѣсяцъ, годъ оплакивалъ народъ съ правительствомъ во главѣ! Поздно ужъ было только... Преступленіе, побѣгъ, спасло Франціи Тьера, Австріи—Андраши. Помилованіе спасло Россіи Достоевскаго.

Въ 1884 г. однимъ изъ вожаковъ болгарской революціи былъ Паница. Предсѣдатель суда—онъ безжалостно выносилъ смертные приговоры своимъ врагамъ. Прошло менѣе года, вернулся къ власти

свергнутый режимъ—и Паница по суду лишился жизни. Къ нему былъ примѣненъ тотъ самый законъ, который нѣсколько мѣсяцевъ назадъ и онъ примѣнялъ. Его обвинялъ — иронія судьбы — тотъ самый прокуроръ, по требованію котораго онъ выносилъ вердикты.

Для военнаго времени кодексъ не можетъ не сохранять смертной казни. Это утверждаетъ даже такой ея противникъ, какъ Н. С. Таганцевъ. На войнѣ человѣкъ каждую минуту находится передъ возможностью лишиться жизни. Война есть сплошное дозволенное убійство. Условія боя создаютъ право начальника убить неповинующагося или бѣгущаго.

Да, условія боя это право создаютъ. Но оно, какъ и убійство врага, ничего общаго не имѣетъ со смертной казнью. Оно—право на чрезвычайную мѣру пресѣчь вредъ совершающійся и предупредить его вѣроятныя гибельныя послѣдствія. Исключительность объема права стоитъ въ связи съ чрезвычайностью обстановки и условій. Въ существѣ же право убить бѣгущаго съ поля сраженія соотвѣтствуетъ для мирной обстановки праву и обязанности городового схватить и насильно обезоружить нападающаго на улицѣ съ ножемъ. Но когда ножъ отнятъ, когда нѣтъ нападающаго, а есть нападавшій, когда явленіе изъ настоящаго обратилось въ прошлое, городовой лишается права на примѣненіе силы.

Такъ точно нельзя оправдывать условіями войны и боя назначеніе смертной казни, какъ наказанія, за сопротивленіе на полѣ сраженія или за трусость въ бою. Виновный, который стоитъ передъ судомъ, уже безвреденъ, ни онъ, ни судъ не на полѣ сраженія, боевой обстановки нѣтъ, послѣдствія совершеннаго или уже давно наступили, или ихъ не было, событіе завершилось и отошло въ прошлое.

Лишенное отвлеченнаго разумнаго обоснованія, наказаніе, голый неизбѣжный фактъ, не можетъ имѣть неподвижныхъ формъ. Оно явленіе служебное. Его формы должны опредѣляться потребностью эпохи и предѣлами крайней необходимости.

Человѣчество сознало, что суровость каръ—безсмысленная ненужная жестокость. Идея Монтескье стала неотъемлемымъ достояніемъ теоретической мысли. Главныя начала отправленія правосудія: законность и гуманность. О нихъ, какъ о скалу, разбилась теорія итальянской уголовно-антропологической школы, пытавшаяся низвергнуть въ правосудіи царство права и милости,

возродить тѣлесныя мученія и смертную казнь. Разобьется также и всякая иная.

Смертная казнь претитъ сознанію современнаго культурнаго человѣка. Для него—она институтъ умершій. Для положительнаго права—еще вымирающій. Мстительная жажда крови еще борется.

«Русь» 23 октября 1905 г.,
№ 2.

Канунъ 17-го октября.

Задачи правительства.

I.

Основной лозунгъ современнаго общественнаго движенія въ Россіи — свобода.

Государственная организація имѣетъ не одно только внѣшнее или историческое оправданіе. Она оправдывается и внутренне — заложенной въ ея существо идеей.

Эта идея коренится въ обезпеченіи благъ жизни, моральныхъ и реальныхъ. Благо моральное состоитъ въ поступательномъ развитіи свободнаго по природѣ человѣческаго духа. Блага реальныя слагаются изъ совокупности экономическихъ условій существованія.

И тѣ, и другія требуютъ установленія, такъ называемой, свободы гражданской, т.-е. обращенія естественной свободы лица въ свободу, регулируемую объективными нормами права. Ибо разъ за каждымъ человѣкомъ признается свобода на самоопредѣленіе въ области духовной и матеріальной, то она въ безграничномъ объемѣ не можетъ принадлежать никому. Фактически регуляторомъ отношеній станетъ сила — или физическая, или экономическая. Стремясь къ торжеству своего «я», сильный неизбѣжно подавитъ слабаго.

Сила, какъ факторъ человѣческихъ отношеній, должна быть отнята отъ отдѣльныхъ людей и должна быть поставлена внѣ ихъ. Она должна быть сосредоточена въ рукахъ власти, достаточно удаленной отъ личныхъ индивидуальныхъ интересовъ, дабы тѣмъ вѣрнѣе обезпечивать интересъ общій, но въ то же время сохраняющей неразрывную постоянную связь съ гражданами — дабы ея дѣйствія не оказались въ противорѣчіи съ начальнымъ общимъ интересомъ.

Такъ во имя свободы создается право. Во имя права — государство съ его основными элементами: власть, населеніе и территорія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ исторически вырабатываются формы правленія и общественнаго строя.

Но такова ужъ судьба всѣхъ учрежденій человѣческихъ: форма отрывается отъ содержанія и по мѣрѣ того, какъ формы отливаются и крѣпнутъ, онѣ обращаются въ самостоятельное и самодовлѣющее явленіе жизни. Содержаніе, обусловившее образованіе формъ, уходитъ куда-то назадъ. Во всей мощи выступаютъ однѣ формы, и содержаніе начинаетъ оцѣниваться, какъ явленіе служебное, какъ ихъ результатъ.

Въ государствѣ исключительно быстро наступаетъ торжество факта надъ идеей. Право получаетъ оцѣнку постольку, поскольку оно охраняетъ данный строй и данный способъ управленія. Свобода — поскольку она совмѣстима съ такимъ искусственно построеннымъ правомъ.

Идея, однако, никогда не умираетъ. Если фактъ своей реальной силой не даетъ ей горѣть во всемъ блескѣ, она теплится, какъ раскаленный уголь въ грудѣ золы. Повѣетъ вѣтромъ — уголь вспыхнетъ яркимъ пламенемъ. Пойдетъ дождь — онъ снова будетъ мерцать едва замѣтно до новой вспышки...

Не годъ назадъ, конечно, зародилось нынѣшнее освободительное движеніе. Его корни — въ глубинѣ вѣковъ. Въ Новгородѣ и Псковѣ, въ запорожскомъ казачествѣ, въ низовой вольницѣ Поволжья, въ церковномъ расколѣ, въ протестѣ противъ реформъ Петра, съ призывомъ къ идеализированной самобытной старинѣ, въ бунтѣ декабристовъ, въ дѣлѣ Петрашевскаго, въ великомъ актѣ 19-го февраля 1861 года...

Человѣкъ всегда стремится къ свободѣ. Человѣкъ культур-

ный — къ свободѣ и праву. Къ свободѣ, регулируемой правомъ и правомъ обезпечиваемой...

До настоящаго момента движеніе, охватившее общество, еще течетъ въ руслѣ осуществимыхъ и разумныхъ требованій. Но зловѣщіе признаки ужаснаго бурнаго взрыва съ каждымъ днемъ все сильнѣе даютъ себя чувствовать. Положеніе государства критическое.

Столкновенія съ полиціей и войсками, бомбы, стачки, событія на Кавказѣ, волненія въ учебныхъ заведеніяхъ, аграрныя вспышки и т. п. не столько важны сами по себѣ, сколько по ихъ отраженію на зрѣлыхъ и уравновѣшенныхъ слояхъ общества. Крайнія политическія воззрѣнія существуютъ всегда и вездѣ. Рѣзкіе эксцессы могутъ причинять государству огромный вредъ. Но не отъ нихъ зависитъ бытіе и цѣлость государства. Пока власть имѣетъ опору въ широкихъ общественныхъ слояхъ, мирное разрѣшеніе кризиса еще возможно.

Эта необходимая опора изъ-подъ ногъ правительства уходитъ. Законодательные акты 6-го августа измѣнили общественное настроеніе весьма слабо. Они запоздали. За время съ 18-го февраля событія, съ одной стороны, и вихрь революціонной мысли, съ другой, унесли общественные идеалы гораздо дальше. Закрывать глаза на это нельзя.

Вмѣсто чувства удовлетворенія, учрежденіе Государственной Думы и положеніе о выборахъ выдвинули нелѣпую мысль о бойкотѣ. Она отвергнута единодушно большей частью печати и общественныхъ собраній, въ частности сентябрьскимъ совѣщаніемъ земскихъ и городскихъ дѣятелей. Но самый фактъ постановки и серьезнаго обсужденія вопроса: идти въ Думу или нѣтъ — чрезвычайно знаменателенъ.

Если революція реальная еще рисуется у насъ, какъ нѣчто возможное въ будущемъ, то идейная революція несомнѣнно существуетъ въ настоящемъ. Общественная мысль поднялась надъ землей и безудержно рвется въ облака. Еще и года не прошло, когда требованіе всеобщаго избирательнаго права принадлежало однимъ наиболѣе крайнимъ элементамъ общества. Теперь нѣтъ союза или газеты, которые бы его не выставляли. Съ противниками системы, покоющейся на чисто абстрактной логической конструкціи, уже не спорятъ даже. То же готово повториться въ

отношеніи вопросовъ, которые выдвинулись попутно, хотя сами по себѣ неизмѣримо болѣе сложны, нежели способъ, формы и условія образованія представительства — о политической равноправности женщинъ, о національизаціи земли, о соціалистическомъ переустройствѣ государства и т. д. Самостоятельность Финляндіи и автономія Польши, даже Арменіи и Грузіи, уже не составляютъ конечнаго идеала федералистовъ. Поднялись голоса въ пользу провинціальной автономіи вообще, т.-е. преобразованія Россіи въ союзъ свободныхъ самоопредѣляющихся федерацій.

Мы переживаемъ время господства однѣхъ яркихъ идей. Осуществима ли данная идея — на этомъ не останавливаются. Безудержной мысли кажется все достижимымъ и осуществимымъ легко и просто.

Такое настроеніе общества составляетъ самый опасный признакъ готовящагося взрыва. Ряды горячихъ сторонниковъ обновленія всей русской жизни, но не иначе, какъ путемъ мирной эволюціи, съ каждымъ днемъ рѣдѣютъ. Имъ съ каждымъ днемъ становится труднѣе сдерживать движеніе.

Ихъ положеніе особенно трудно потому, что имъ приходится бороться на два фронта. Съ тѣми, кто сознательно идетъ къ насильственному перевороту, и съ правительствомъ, которое не отличаетъ ихъ отъ анархистовъ и одинаково преслѣдуетъ.

Глубоко ошибочно думать, что въ восьмидесятыхъ годахъ движеніе было остановлено полицейскими мѣрами, примѣняя которыя правительство нашло опору въ крестьянскихъ массахъ.

Пассивныя крестьянскія массы всегда инертны и потому надежной опорой активныхъ мѣропріятій не служатъ и служить не могутъ. Полицейская же репрессія остановить идейное движеніе безсильна. Большее, что она можетъ сдѣлать — это придавить и заглушить проявленіе движенія во внѣ, т.-е. вогнать болѣзнь во внутрь.

Въ 1881 и 1882 годахъ произошелъ поворотъ въ самомъ мыслящемъ обществѣ, и правительственная реакція имѣла успѣхъ только потому, что отвѣтила запросу общественнаго настроенія.

Почему произошелъ поворотъ — останавливаться на этомъ не составляетъ потребности минуты. Нельзя лишь забывать, что въ тотъ моментъ научная мысль всего міра была на нисходящей половинѣ волны. Конституціонализмъ подвергался суровой кри-

тикѣ. Соціалистическія тенденціи громко протестовали противъ индивидуальной свободы. Экономическія проблеммы заглушали правовыя. Абсолютизмъ не встрѣчалъ теоретическаго отрицанія.

Нынѣ, спустя двадцать лѣтъ, условія совершенно иныя. Ожидать поворота въ общественномъ сознаніи нельзя. Напротивъ, все говоритъ за то, что такой поворотъ наступить не можетъ.

Непослѣдовательныя и неумѣлыя дѣйствія и неразборчивыя средства, къ которымъ прибѣгала администрація, дали роковой результатъ. Въ обществѣ не недовольство только. Въ обществѣ воспиталась злоба противъ правительства. Его не уважаютъ; ему не вѣрятъ. Самыя благія начинанія вызываютъ протестъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ обществѣ выросла увѣренность въ свое значеніе и въ свои силы — въ свою способность лишить правительство опоры и заставить капитулировать.

Факты дѣйствительности ежедневно подтверждаютъ въ глазахъ общества безсиліе, неосвѣдомленность и растерянность власти. Запрещавшееся, безъ всякаго видимаго основанія, вчера — сегодня, также безъ понятнаго основанія, разрѣшается. Мѣры суровости перемѣшиваются на каждомъ шагу съ отсутствіемъ воздѣйствія. А на Кавказѣ армяне съ татарами заключаютъ мирный договоръ, какъ будто вовсе не существуетъ общей для обѣихъ народностей власти.

Несчастная война кончена. Но въ общественномъ настроеніи ея слѣды неизгладимы. Война для всего государственнаго строя — экзаменъ. Экзаменъ суровый и безпощадный. Съ неумолимой жестокостью она вскрыла всю ненормальность условій, при которыхъ самодовлѣющимъ явленіемъ жизни является не форма правленія даже, а полновластіе органовъ подчиненнаго управленія.

II.

Въ очерченный историческій моментъ передъ правительствомъ лежитъ неимовѣрно трудная задача. Конкретно намѣтить въ деталяхъ ея разрѣшеніе невозможно. Возможно лишь установить принципы предстоящей дѣятельности. Важность момента обязываетъ установить эти принципы точно, искренне и опредѣленно.

Правительство, которое не направляетъ событія, а само со-

бытіями направляется, ведетъ государство къ гибели. Также не стоитъ на высотѣ положенія то правительство, которое, не имѣя широко поставленной цѣли, пассивно идетъ за господствующимъ общественнымъ теченіемъ, ему подчиняясь и дѣлая одну уступку за другой.

Правительство должно не фиктивно, а реально руководить страной. Только такая политика способна сдѣлать власть твердой и только при такой политикѣ устанавливается нормальное взаимодѣйствіе между правительствомъ и обществомъ. Общественное самосознаніе всегда ищетъ авторитета и руководительства. Анархія, какъ форма общественнаго строя, есть понятіе, само себя отрицающее. Гражданская свобода необходимо предполагаетъ правовую охрану. Правовая охрана столь же необходимо предполагаетъ существованіе власти.

Руководительство требуетъ, прежде всего, ясно поставленной цѣли. Цѣли идейной, отвлеченной.

Такая цѣль поставлена помимо правительства. Правительство должно ее принять. Лозунгъ «свобода» долженъ стать лозунгомъ правительственной дѣятельности. Другого исхода для спасенія государства нѣтъ.

Ходъ историческаго прогресса неудержимъ. Идея гражданской свободы восторжествуетъ, если не путемъ реформы, то путемъ революціи. Но въ послѣднемъ случаѣ она возродится изъ пепла ниспровергнутаго тысячелѣтняго прошлаго. Русскій бунтъ, безсмысленный и безпощадный, все смететъ, все повергнетъ въ прахъ. Какою выйдетъ Россія изъ безпримѣрнаго испытанія—умъ отказывается себѣ представить. Передъ нашими русскими грядущими ужасами блѣднѣютъ ужасы, пережитые Франціей въ концѣ XVIII вѣка. Чужестранное вмѣшательство разорветъ страну на части. Попытки осуществить идеалы теоретическаго соціализма— онѣ будутъ неудачны, но онѣ будутъ несомнѣнно — разрушатъ семью, выраженія религіознаго культа, собственность, всѣ основы права...

Какъ въ пятидесятыхъ годахъ правительство объявило освобожденіе крестьянъ своимъ лозунгомъ, такъ въ настоящій неизмѣримо болѣе опасный моментъ государственная власть не имѣетъ выбора: ей надлежитъ смѣло и открыто стать во главѣ освободительнаго движенія.

Идея гражданской свободы ничего угрожающаго бытію государства въ себѣ не заключаетъ. Напротивъ, послѣдовательно проведенная въ законодательство и въ жизнь, она вѣрнѣйшимъ образомъ обезпечиваетъ государственное бытіе, связуя гражданъ неразрывно-реальной связью.

Освободительное движеніе порываетъ, правда, съ формальнымъ прошлымъ. Но развѣ освобожденіе крестьянъ не было тоже отказомъ отъ вѣкового прошлаго?

Жизнь не знаетъ непоколебимыхъ, вѣчныхъ, не измѣняющихся формъ. Вѣчно одно духовное содержаніе жизни. Съ теченіемъ времени формы становятся историческимъ фактомъ. Когда онѣ стали только историческимъ фактомъ въ общественномъ сознаніи, никакія силы не удержатъ ихъ видоизмѣненія.

Въ 1801 году Россія вступила на путь обновленія государственныхъ формъ на началахъ обезпеченной гражданской свободы. Сорокалѣтняя затѣмъ реакція—сначала эпизодическая, потомъ сплошная, несмотря на неимовѣрныя усилія, идейнаго прогресса не остановила. Она лишь свернула его съ прямой дороги, расколола правительство и идейно сильную часть общества на два враждебныхъ стана и привела въ тупикъ. Въ одномъ станѣ раздалось: такъ дальше жить нельзя. Въ другомъ почувствовалась необходимость уступокъ.

Пусть правительство станетъ во главѣ движенія, оно сразу пріобрѣтетъ опору и получитъ возможность ввести движеніе въ границы и въ нихъ удержать. Этого болѣзненно желало и ждало общество годъ назадъ. И если бы тогда желанія общества были приняты, кризисъ, пожалуй, уже былъ бы разрѣшенъ.

Годъ идейной революціи сдѣлалъ свое дѣло. Теперь положеніе вещей безконечно болѣе тяжелое. Въ сознаніи общества границы необходимаго и осуществимаго расширились. Руководительство движеніемъ требуетъ признанія уже гораздо большаго. Но признать и принять это большее нужно во что бы то ни стало. Каждый лишній день уноситъ общественную мысль все дальше и дальше. Еще немного, и она окажется унесенной въ пространство безграничное, въ хаосъ идей. Страна сама не замѣтитъ, какъ ока-
хаосѣ дѣйствій. Тогда ничто не поможетъ. Тогда бу-
о.

III.

Идеалы освободительнаго движенія суть трехъ родовъ. Во-первыхъ, отрицательные: устраненіе произвола и самовластія подчиненныхъ властей вообще; самовластія фактическаго и основаннаго на разнообразныхъ временныхъ и исключительныхъ законоположеніяхъ. Во-вторыхъ, положительные: опредѣленная закономъ и обезпеченная отъ произвольнаго нарушенія свобода вѣроисповѣданія, слова, собраній и союзовъ и личности; равенство въ правахъ всѣхъ подданныхъ, независимо отъ національности и происхожденія. Въ-третьихъ, формальные, касающіеся государственнаго устройства, какъ гарантіи достиженія положительныхъ и отрицательныхъ идеаловъ.

Написать на своемъ знамени первые и вторые правительству тѣмъ легче, что они въ сущности уже получили признаніе съ высоты Престола—въ указѣ 12 декабря 1904 г. Но написать ихъ нужно искренне, не какъ вынужденныя уступки, а какъ цѣль, къ которой правительство поставило своей задачей стремиться само. И такое къ нимъ отношеніе должно имѣть явное и яркое выраженіе.

Идеалы третьяго рода получили въ общественномъ сознаніи законченную формулировку въ словѣ «конституція»—въ смыслѣ общенія Царя съ народомъ на почвѣ раздѣленія законодательной власти, бюджетнаго права и контроля за дѣйствіями администраціи.

Это слово съ высоты Престола не признано. Однако первый шагъ къ его признанію сдѣланъ. И при представительствѣ съ такъ называемымъ рѣшающимъ голосомъ принципъ полноты власти Царя сохраняется: ни одно рѣшеніе представителей не получаетъ силы безъ санкціи Монарха. Съ другой стороны, представительство совѣщательное практически мыслимо, какъ учрежденіе, созываемое спеціально для отвѣта на опредѣленный жгучій вопросъ государственной жизни, но отнюдь не какъ учрежденіе постоянное. Свободные отъ сознанія отвѣтственности за рѣшеніе, выборные, изъ кого бы они ни состояли, будутъ безудержны въ своихъ совѣтахъ. Работа съ ними станетъ невозможной, и

передъ правительствомъ, если не въ первый день засѣданія Думы, то во всякомъ случаѣ весьма скоро, станетъ дилемма: или законъ 6 августа отмѣнить, или за первымъ шагомъ сдѣлать второй.

Къ неизбѣжной необходимости даровать конституцію правительство должно быть готово. А разъ это такъ, то политическая мудрость подсказываетъ что лучше: даровать или дать противъ воли.

Далѣе, нельзя отвергать, что положеніе о выборахъ создаю искусственную систему представительства. Не подданство опредѣляетъ право на участіе въ законодательной дѣятельности, а случайный фактъ обладанія извѣстнымъ имущественнымъ цензомъ. Цѣлыя категоріи гражданъ отъ выборовъ устранены. Крестьяне обособлены отъ лицъ другихъ состояній. Для представительства рабочихъ мѣста не отведено. Реорганизація выборовъ также должна быть включена правительствомъ въ свою программу.

Логическая неуязвимость системы всеобщаго голосованія обязываетъ принять, какъ идеалъ будущаго, именно ее. Практической задачей должно быть созданіе условій осуществленія всеобщаго избирательнаго права.

Гораздо труднѣе установить отношеніе правительства къ дальнѣйшимъ требованіямъ, которыми за годъ обросли идеалы освободительнаго движенія. Эти требованія не конкретизировались окончательно и въ общественномъ сознаніи. Мысль еще бродитъ вокругъ нихъ, пытаясь найти пріемлемую формулу.

Главнѣйшія изъ такихъ требованій суть: рѣшеніе рабочаго вопроса, аграрнаго и окраиннаго.

Первый не рѣшенъ еще и наукой. Слѣдовательно, въ задачу правительственной дѣятельности могутъ быть включены лишь отдѣльныя палліативныя мѣропріятія, сглаживающія подавленіе труда капиталомъ — нормировка рабочаго дня, государственное страхованіе рабочихъ, образованіе примирительныхъ камеръ и т. п.

Второй тоже еще далекъ отъ теоретическаго разрѣшенія въ полномъ объемѣ. Но въ виду исключительной важности устраненія земельнаго голода крестьянъ, хотя бы въ этой части намѣ-
тъ средства его разрѣшенія представляется безотлагательно не-

обходимымъ. Въ распоряженіи правительства имѣются такія неиспользованныя средства, какъ казенныя земли разныхъ наименованій. Затѣмъ—выкупъ ренты, получаемой частными собственниками въ видѣ арендной платы за землю. Такая форма экспропріаціи частной земельной собственности находитъ полное оправданіе въ признаніи увеличенія площади крестьянскаго землевладѣнія потребностью государственною и ни чѣмъ въ сущности не отличается отъ выкупа земли, напр., для проведенія желѣзной дороги.

Мысль о расчлененіи всей Россіи на автономныя провинціи еще не пріобрѣла популярности. А потому идея государственнаго единства въ области внѣшнихъ сношеній, военной организаціи, денежной системы, таможенъ, налоговъ и сборовъ на общія потребности, уголовнаго законодательства, единаго народнаго представительства и т. п. — можетъ и должна быть громко провозглашена правительствомъ.

Идеѣ государственнаго единства, однако, ничуть не противорѣчитъ ни автономія десяти польскихъ губерній, ни, быть можетъ, Грузіи и другихъ частей Кавказа въ расширенныхъ предѣлахъ мѣстнаго самоуправленія. А именно, въ области удовлетворенія исключительно мѣстныхъ пользъ и нуждъ—начальнаго и средняго образованія, гражданскаго законодательства, низшаго суда, обложенія на мѣстныя потребности, содержанія полицейской охраны и т. п.

Такова въ главныхъ чертахъ программа дѣятельности правительства, дабы оно съ разсчетомъ на успѣхъ могло стать во главѣ освободительнаго движенія и взять его въ руки.

IV.

Возлагать чрезмѣрныя надежды на Государственную Думу въ высшей степени рискованно. Такъ же точно было бы рискованно предоставить Думу самой себѣ, особенно на первыхъ порахъ.

Какой составъ, по политическимъ убѣжденіямъ и по настроенію, дадутъ предстоящіе выборы, отгадать нельзя. Не только не можетъ знать этого правительство, лишенное непосредствен-

ныхъ впечатлѣній и воспринимающее свѣдѣнія, преломленныя черезъ бумажную канцелярскую призму, но для самаго живого и проницательнаго общественнаго дѣятеля это загадка. Легко можетъ случиться, что мѣры, коими при начертаніи положенія о выборахъ имѣлось въ виду предопредѣлить настроеніе членовъ Думы перваго призыва — именно они — дадутъ прямо обратный результатъ. Тенденціозное же вмѣшательство въ производство выборовъ дастъ такой результатъ почти навѣрное. Нервное возбужденіе и раздраженіе всего населенія, не исключая консервативныхъ слоевъ, настолько велико, что гораздо вѣроятнѣе обратное реагированіе, нежели прямое.

Отсюда вытекаетъ первая ближайшая задача правительства: обставить дѣло такъ, чтобы выборы дѣйствительно были произведены свободно и чтобы свободное ихъ производство было для всѣхъ явно. Для этого необходимо, кромѣ категоричныхъ указаній мѣстнымъ агентамъ власти, широкое разрѣшеніе собраній и снятіе стѣсненій съ печати во всемъ, что касается предвыборной агитаціи и борьбы.

Такое отношеніе къ выборамъ особенно необходимо въ тѣхъ видахъ, дабы поднять престижъ Думы въ глазахъ общества. И этимъ правительство поддержитъ тѣ элементы, которые, отвергая принципъ совѣщательнаго представительства, все-таки рѣшили въ Думу идти. Существуютъ, нѣтъ спора, идейные сторонники принциповъ, заложенныхъ въ актъ 6 августа. Моральныя силы ихъ только совершенно ничтожны.

Изъ мѣръ положительнаго характера, подлежащихъ принятію въ недолгій періодъ до созыва Дума, первое мѣсто занимаетъ преобразованіе Государственнаго Совѣта.

Совѣтъ, нынѣ состоящій изъ заслуженныхъ сановниковъ, въ значительный части весьма преклоннаго возраста, необходимо поставить на высоту, по авторитету равную Думѣ. Искусственное сочетаніе выборной Думы и чисто бюрократическаго Совѣта составляетъ несомнѣнный недостатокъ реформы. Все прошлое Совѣта, независимо отъ его наличнаго состава, исключаетъ возможность ожидать, чтобы онъ проявилъ ту же степень самостоятельности, къ которой будетъ естественно стремиться Дума. Совѣтъ или явится послушнымъ слугою правительства, или подчинится Думѣ, и всѣ ея постановленія станетъ принимать безогово-

рочно. Въ обоихъ случаяхъ, онъ не удовлетворитъ своему новому назначенію.

Для полнаго преобразованія Совѣта въ верхнюю палату нѣтъ времени. Но частичная реорганизація возможна, путемъ включенія въ число его членовъ выборныхъ представителей отъ дворянства, земства, университетовъ и, быть можетъ, также отъ духовенства. Указанную реорганизацію надлежитъ осуществить тѣмъ порядкомъ, которымъ выработано учрежденіе Государственной Думы.

Предлагаемую мѣру подсказываетъ разумная и необходимая осторожность. Она хотя до нѣкоторой степени урегулируетъ первые шаги совѣщательной и потому склонной къ самымъ крайнимъ неожиданностямъ Думы. Рѣзко разорвать съ такимъ Совѣтомъ Думѣ будетъ труднѣе, чѣмъ съ нынѣшнимъ.

Затѣмъ представляется чрезвычайно желательнымъ органически связать Думу съ правительствомъ. Такая связь, существующая въ государствахъ съ парламентарнымъ строемъ, служитъ вѣрнѣйшимъ залогомъ дружной совмѣстной работы. По нашему же закону 6 августа, правительство и выборные отъ населенія поставлены въ условія, при которыхъ между ними всегда будутъ взаимные недовѣріе и конфликты. Законъ не только не обязываетъ, чтобы министры избирались изъ членовъ Думы, но напротивъ, не допускаетъ даже подобнаго совмѣщенія. Между тѣмъ и мы имѣемъ опытъ абсолютной невозможности спокойной и плодотворной работы, напримѣръ, въ земскомъ собраніи при назначенной управѣ.

Связь въ указанной формѣ можетъ установиться, конечно, лишь послѣ образованія Думы. Задача минуты дополнить законъ возможностью ея установленія.

При отсутствіи условій прямого руководительства со стороны правительства на первыхъ порахъ можетъ быть примѣнено въ отношеніи Думы лишь руководительство косвенное, извѣстной комбинаціей вносимыхъ законопроектовъ. Приэтомъ, однако, должна быть соблюдаема крайняя чуткость къ настроенію большинства и еще бóльшая умѣренность. Руководительство должно быть незамѣтное, основанное отнюдь не на власти, а на силѣ знаній, навыка и убѣжденій.

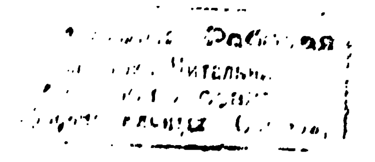
Дѣлового характера работа въ Думѣ сразу не получитъ—и

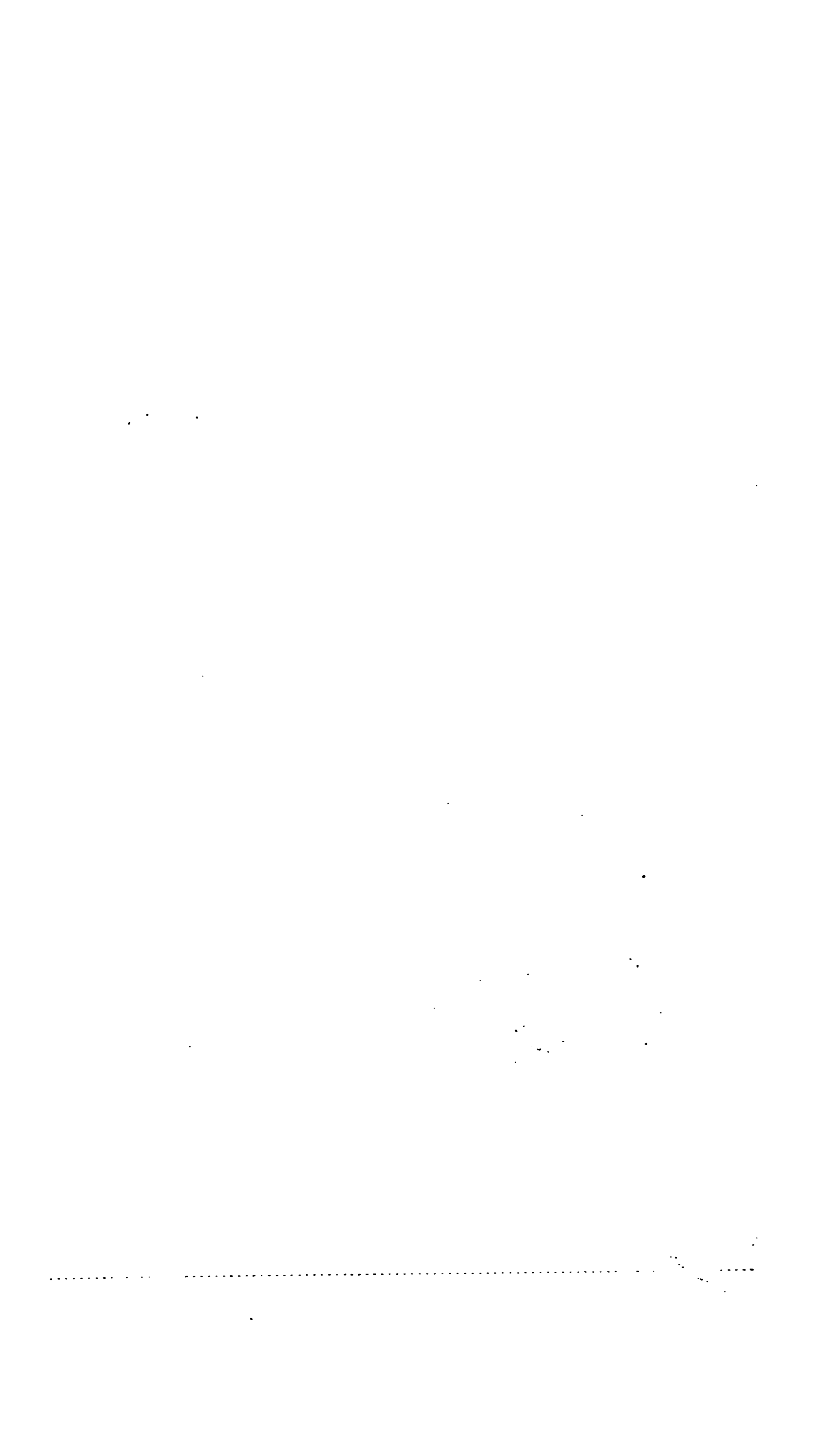
[illegible] непредвиденным[illegible] [illegible] [illegible] будут[illegible] [illegible] внимание [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] выборные [illegible] [illegible] [illegible] [illegible].

Руководящую [illegible] правительственной деятельности [illegible] [illegible] [illegible] в политике. [illegible] [illegible] правительства в течение [illegible].

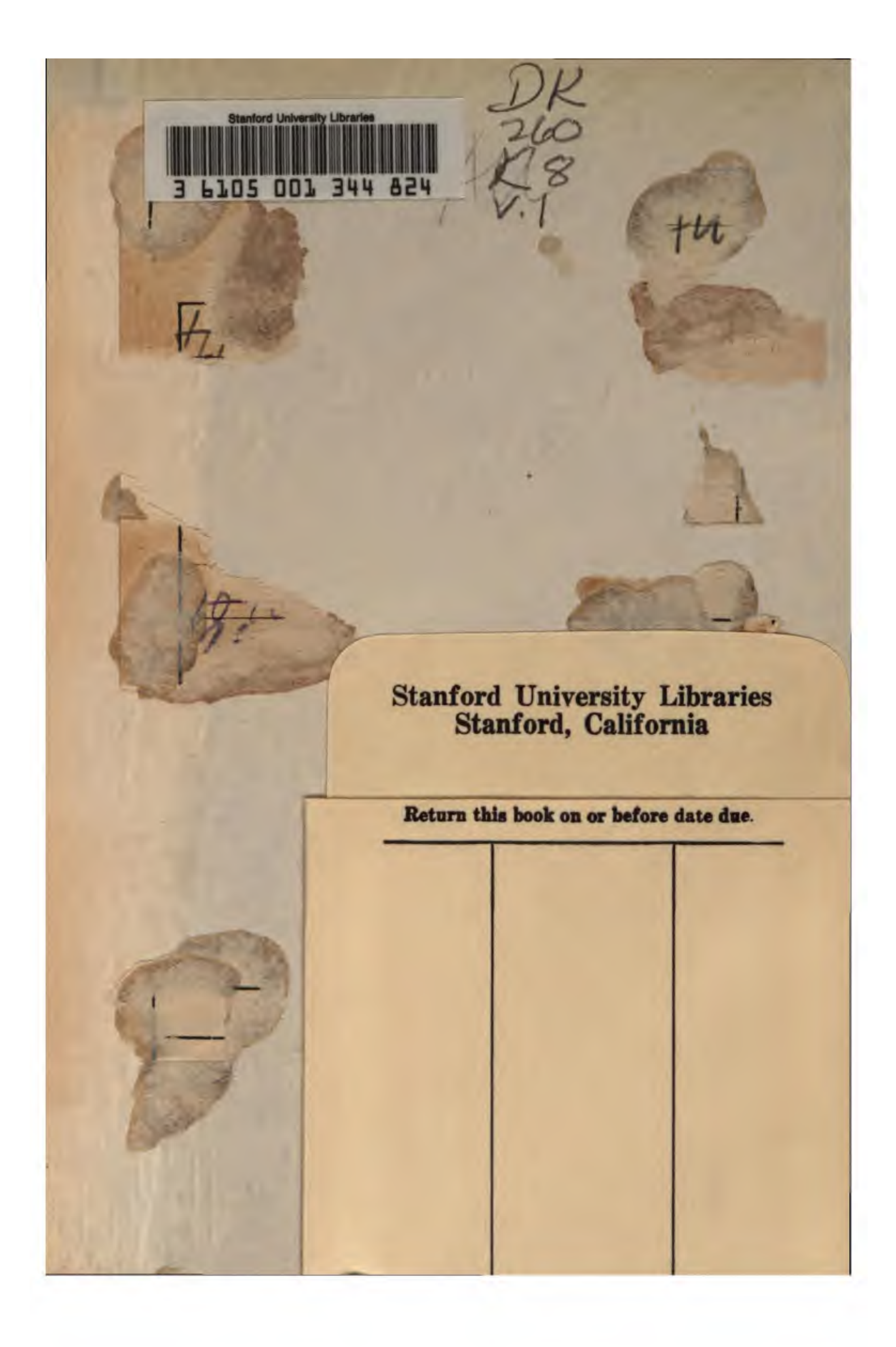
В исходном положении исключительная опасность [illegible] [illegible] [illegible] традиций и [illegible] [illegible] [illegible] государства.

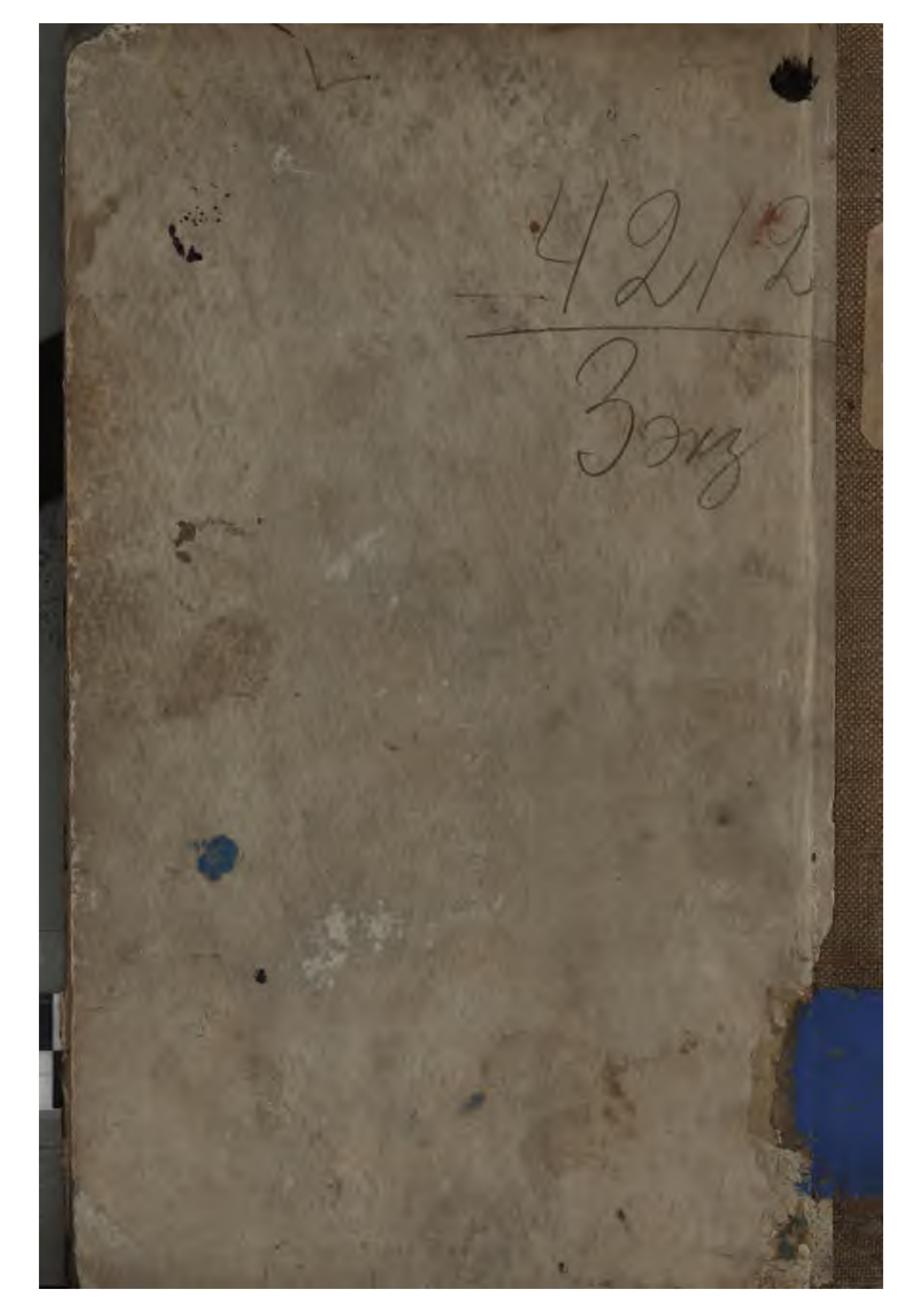
[illegible] момент кризиса. Для правительства выбора нет. [illegible] [illegible] движения, или [illegible] [illegible] [illegible]. Казни и потоки крови [illegible] [illegible]. [illegible] наступит дикий разгул [illegible] [illegible] страстей...

Stanford University Libraries
3 6105 001 344 824
DK
260
K8
v.1
Stanford University Libraries
Stanford, California
Return this book on or before date due.

4212
3экз